Н. Д. КУЗНЕЦОВЪ.

(Присяжный Повѣренный).

По Вопросамъ Церковныхъ Преобразованій.

1. Участіе духовенства и народа въ церковномъ управленіи.
2. Патріаршество.
3. Отношенія церкви и государства въ Россіи.

Доклады, особыя мнѣнія и рѣчи въ Особомъ Присутствіи, учрежденномъ при св. Синодѣ.

Цѣна 1 руб.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ
И. К. ГОЛУБЕВА подъ фирмою „ПРАВОВѢДѢНІЕ“,
Москва, Никольская, д. „Славянскаго Базара“.
1907.

Н. Д. КУЗНЕЦОВЪ.

(Присяжный повѣренный).

По Вопросамъ Церковныхъ Преобразованій.

---

1. Участіе духовенства и народа въ церковномъ управленіи.
2. Патріаршество.
3. Отношенія церкви и государства въ Россіи.

Доклады, особыя мнѣнія и рѣчи въ Особомъ Присутствіи, учрежденномъ при св. Синодѣ.

Складъ изданія
въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ **И. К. Голубева**,
подъ фирмою **„ПРАВОВѢДѢНІЕ“**, на Никольской ул.

4129
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2941
24.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ половины апрѣля и по 15 іюня сего года намъ пришлось принимать участіе въ трудахъ Перваго Отдѣла Особаго Присутствія, учрежденнаго при св. Синодѣ для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на ожидаемомъ Помѣстномъ Соборѣ Русской Церкви, и въ обсужденіи результатовъ трудовъ Перваго Отдѣла на общихъ собраніяхъ Присутствія. Въ настоящее время I Отдѣлъ окончилъ порученную ему работу. Такъ какъ дѣла церковныя, по нашему убѣжденію, представляютъ изъ себя по преимуществу дѣла общенародныя и требуютъ сознательнаго отношенія къ себѣ всей Церкви, то я считаю не лишнимъ предложить здѣсь вниманію русскаго общества результаты своего участія въ Особомъ Присутствіи. Соображенія мои, признанныя правильными, пусть возможно шире распространяются въ обществѣ, а неправильныя пусть будутъ исправлены или получатъ должное опроверженіе. Все это и занесено въ журналы Особаго Присутствія и помѣщено въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1906 годъ за исключеніемъ однако еще не напечатанныхъ двухъ особыхъ мнѣній по вопросамъ о допущеніи представителей духовенства и народа въ высшее церковное управленіе и о патріаршествѣ, которыя должны быть присоединены

къ журналамъ засѣданій общихъ собраній Присутствія. Но Церковныя Вѣдомости по нерасположенію русскаго общества, вошедшему уже въ привычку, читать официальные органы, да еще церковные, почти не распространены въ свѣтскомъ обществѣ. Поэтому мы и рѣшили издать отдѣльно всѣ наши доклады, особыя мнѣнія и рѣчи въ Особомъ Присутствіи.

Ж. Кузнецовъ.

Москва. 15 августа 1906 г.

Особое Присутствіе для разработки вопросовъ подлежащихъ разсмотрѣнію на соборѣ.

Учрежденіе Присутствія, его составъ порядокъ занятій и задачи.

Особое Присутствіе для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на Помѣстномъ церковномъ соборѣ Высочайше учреждено въ январѣ 1906 года.

Извѣстно, что въ мартѣ 1905 года въ св. Синодѣ былъ составленъ докладъ Государю о возстановленіи въ Россіи патріаршества и о созывѣ собора изъ однихъ епархіальныхъ епископовъ для разрѣшенія вопросовъ, которые и были намѣчены въ докладѣ Синода. Несмотря на всю важность дѣла докладъ этотъ былъ изготовленъ лишь по рѣшенію очень небольшаго числа засѣдавшихъ въ Синодѣ въ мартѣ 1905 г. епископовъ и притомъ въ порядкѣ обыкновенныхъ распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія безъ участія всей Русской Церкви и даже всѣхъ другихъ ея епископовъ. Докладъ этотъ не получилъ Высочайшаго утвержденія. Приведеніе его въ исполненіе было остановлено положенной на немъ 31 марта 1905 г. Высочайшей резолюціей. Государь указалъ Синоду на несвоевременность при тогдашнихъ обстоятельствахъ созыва собора и предоставилъ себѣ дать движеніе этому дѣлу требующему спокойствія и обдуманности при наступленіи болѣе благопріятнаго времени[1]). Такимъ образомъ и ходатайство Синода о введеніи въ Россіи патріаршества обычнымъ бюрократическимъ путемъ не получило утвержденія, и вопросъ этотъ, какъ и слѣдовало, дол-

---

[1]) Подробнѣе обо всемъ этомъ нами сказано въ книгѣ: *Преобразованія въ Русской Церкви.* Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва 1906 г.

женъ быть теперь подвергнутъ разсмотрѣнію Собора всей Русской Церкви.

17 декабря 1905 года митрополиты: С.-Петербургскій Антоній, Московскій Владиміръ и Кіевскій Флавіанъ были вызваны Государемъ Императоромъ, который высказалъ, что „при обнаружившейся распатанности въ области религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ началъ благоустроеніе православной Россійской Церкви, хранительницы вѣчной христіанской истины и благочестія, представляется дѣломъ неотложной необходимости". Въ виду этого Государь повелѣлъ приложить особое стараніе къ исполненію всего, что требуется для созванія собора въ ближайшее по возможности время. На основаніи этого св. Синодъ кромѣ сдѣланныхъ уже съ его стороны распоряженій предложилъ для предварительнаго обсужденія какъ намѣченныхъ уже для соборнаго разсмотрѣнія, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ учредить при св. Синодѣ съ начала 1906 года Особое Присутствіе изъ представителей церковной іерархіи и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и познаніями въ области богословія, церковной исторіи, каноническаго права и церковной практики. По этому поводу 14 января 1906 г. состоялось особое опредѣленіе св. Синода, представленное Оберъ-Прокуроромъ св. Синода на благоусмотрѣніе Государя, 16 января 1906 г. опредѣленіе св. Синода получило Высочайшее утвержденіе[1]). Въ немъ постановлено: 1) съ цѣлію успѣшной разработки и подготовки къ разсмотрѣнію на Помѣстномъ Всероссійскомъ Соборѣ какъ первоначально намѣченныхъ, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, учредить при Святѣйшемъ Синодѣ подъ предсѣдательствомъ первенствующаго члена его, митрополита С.-Петербургскаго Антонія, особое присутствіе, съ участіемъ въ ономъ, на правахъ членовъ, митрополитовъ Московскаго Владиміра и Кіевскаго Флавіана, а также архіепископовъ: Херсонскаго Димитрія, Литовскаго Никандра, Ярославскаго Іакова, Финляндскаго Сергія, и епископовъ: Волынскаго Антонія, Псковскаго Ар-

[1]) Церковныя Вѣдомости, 21 января 1906 г. № 3.

сенія и Могилевскаго Стефана, и съ предоставленіемъ участія въ семъ присутствіи Синодальному Оберъ-Прокурору и его Товарищу; 2) пригласить къ занятіямъ въ присутствіи на правахъ членовъ нижеслѣдующихъ лицъ: протоіереевъ: заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета М. Горчакова, профессора Харьковскаго университета Т. Буткевича, профессора университета святаго Владиміра П. Свѣтлова, ординарнаго профессора Кіевской духовной академіи Ѳ. Титова, настоятеля посольской церкви въ Берлинѣ А. Мальцева и настоятеля С.-Петербургской Вознесенской церкви А. Лебедева, экстраординарнаго профессора С.-Петербургской академіи священника А. Рождественскаго, ординарнаго академика Академіи Наукъ Е. Голубинскаго, заслуженнаго ординарнаго профессора Московской духовной академіи и Московскаго университета В. Ключевскаго, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Кіевской академіи В. Пѣвницкаго и С. Голубева, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Казанской академіи И. Бердникова и Н. Ивановскаго, заслуженнаго ординарнаго профессора Московской академіи Н. Заозерскаго, ординарныхъ профессоровъ—Кіевской академіи В. Завитневича и Казанской академіи В. Несмѣлова, ординарнаго профессора С.-Петербургской академіи Н. Глубоковскаго, ординарнаго профессора Московскаго университета Н. Суворова, профессоровъ С.-Петербургской академіи ординарнаго И. Соколова и экстра-ординарнаго А. Брилліантова и экстра-ординарнаго профессора Казанской академіи М. Машанова; 3) Предоставить предсѣдателю присутствія приглашать, по мѣрѣ надобности, къ участію въ занятіяхъ присутствія, въ качествѣ членовъ, и другихъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ; 4) возложить дѣлопроизводство въ семъ присутствіи на должностныхъ лицъ Центральныхъ Синодальныхъ Управленій по соглашенію предсѣдателя присутствія съ Оберъ-Прокуроромъ; 5) о ходѣ работъ въ присутствіи сообщать во всеобщее свѣдѣніе чрезъ „Церковныя Вѣдомости“, съ разрѣшенія предсѣдателя присутствія; и 6) по исполненіи возложенныхъ на присутствіе работъ во всей ихъ совокупности представить ихъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода съ своимъ заключеніемъ.

Но такой составъ Особаго Присутствія былъ признанъ недостаточнымъ и его нѣсколько разъ дополняли Высочайшими назначеніями новыхъ членовъ. Такъ, согласно ходатайству предсѣдателя Особаго Присутствія митрополита Антонія, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора св. Синода Государь Императоръ 27 февраля 1906 года повелѣлъ включить въ число членовъ присутствія — генералъ-лейтенанта А. А. Кирѣева, дворянъ Дмитрія Хомякова и Дмитрія Самарина, профессора Кіевскаго университета князя Евгенія Трубецкаго и коллежскаго секретаря Николая Аксакова, „какъ такихъ лицъ, которые по своей приверженности къ Православной Церкви и освѣдомленности въ богословской исторической литературѣ и текущей церковно-приходской жизни, могутъ принести существенную пользу въ разработкѣ и подготовкѣ намѣченныхъ для разсмотрѣнія на Помѣстномъ Соборѣ вопросовъ“[1]) 10 марта 1906 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на назначеніе членами Особаго Присутствія еще Тавастгустскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Папкова, 17 марта тайнаго совѣтника А. Нейдгарта и камеръ-юнкера Высочайшаго двора статскаго совѣтника Павла Мансурова[2]), а затѣмъ и предсѣдательствующаго въ Училищномъ Совѣтѣ при св. Синодѣ протоіерея Павла Соколова[3]). 24 марта 1906 г. по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора св. Синода состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи, въ число членовъ Особаго Присутствія ординарныхъ профессоровъ университетовъ: Новороссійскаго Александра Алмазова и Юрьевскаго Михаила Красножена и присяжнаго повѣреннаго Округа Московской Судебной Палаты Николая Кузнецова[4]), а 14 апрѣля 1906 года ординарныхъ профессоровъ Харьковскаго университета — Михаила Остроумова и Кіевской духовной академіи—Константина Попова и экстраординарнаго профессора Московской духовной академіи Ивана Попова[5]). Наконецъ, 23 іюня 1906 года, т. е. уже по окончаніи перваго и, пови-

[1]) Церковныя Вѣдомости 4 марта 1906 г. № 9.
[2]) Церковныя Вѣдомости 1 апрѣля 1906 г. № 13—14.
[3]) Церковныя Вѣдомости 15 апрѣля 1906 г. № 15.
[4]) Церковныя Вѣдомости 15 апрѣля и 6 мая 1906 г. № 15 и 18.
[5]) Церковныя Вѣдомости 20 мая 1906 г. № 20.

димому, самаго главнаго періода работъ Особаго Присутствія, въ составъ его назначены еще писатель по церковнымъ вопросамъ Левъ Тихомировъ и старшій дѣлопроизводитель Государственной канцеляріи профессоръ гражданскаго права въ Училищѣ Правовѣдѣнія Василій Шейнъ[1]).

Кромѣ того при вызовѣ въ Петербургъ преосвященныхъ, назначенныхъ въ составъ Особаго Присутствія, св. Синодъ поручилъ имъ избрать для участія въ работахъ присутствія „по одному изъ опытнѣйшихъ и преданнѣйшихъ Церкви іереевъ подвѣдомственныхъ имъ епархій, близко знакомыхъ съ нуждами церковно-приходской жизни, особенно въ сельскихъ приходахъ“ [2]). На основаніи этого въ составъ Присутствія вошли прибывшіе съ епархіальными архіереями: протоіереи: К. І. Левитскій, настоятель Кирилло-Мефодіевской церкви въ г. Житомірѣ Волынской епархіи; М. Н. Казанскій, настоятель кафедральнаго Выборгскаго собора Финляндской епархіи; К. В. Бречкевичъ, благочинный церквей г. Одессы; І. Кояловичъ протоіерей соборной церкви Лиды Виленской губерніи; Ѳ. Успенскій—настоятель Предтеченской церкви въ г. Ярославлѣ; И. Серебрянскій, протоіерей погоста Крекшина Островскаго уѣзда Псковской епархіи и благочинный 2-го округа Черниковскаго уѣзда Могилевской епархіи священникъ Т. Козловскій[3]).

Наконецъ, предсѣдателямъ отдѣловъ и по своей иниціативѣ и по желанію другихъ членовъ предоставлено приглашать съ разрѣшенія предсѣдателя Особаго Присутствія къ участію въ работахъ отдѣловъ полезныхъ для этого лицъ, которые однако ограничиваютъ свою дѣятельность извѣстнымъ отдѣломъ и не имѣютъ права голоса въ общихъ собраніяхъ Особаго Присутствія[4]).

8 марта въ залѣ засѣданій св. Синода первое общее собраніе Особаго Присутствія. По обсужденіи проекта синодальнаго опредѣленія о программѣ предназначенныхъ къ

---

[1]) Церковныя Вѣдомости 22 іюля 1906 г. № 29.
[2]) Опредѣленіе св. Синода отъ 21 февраля 1906 г. № 1065. Церк. Вѣдомости. № 8.
[3]) Церковныя Вѣдомости 11 марта 1906 г. № 10.
[4]) Журналъ общаго собранія Присутствія 11 марта 1906 года и журналъ засѣданій VI отдѣла № 24. Церковныя Вѣдомости 1906 г. №№ 11 и 26.

разработкѣ Присутствія вопросовъ и о раздѣленіи Присутствія на отдѣлы было принято, что для удобства занятій Присутствіе раздѣляется на семь отдѣловъ съ особыми предсѣдателями изъ епископовъ, членовъ Присутствія, и съ опредѣленнымъ кругомъ подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію предметовъ.

Для занятій I Отдѣла подъ предсѣдательствомъ архіепископа Херсонскаго Димитрія были предоставлены вопросы о составѣ Помѣстнаго Собора, о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія на немъ дѣлъ и о преобразованіи центральнаго церковнаго управленія.

Ко II отдѣлу подъ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго Никандра отнесены вопросы о раздѣленіи Россіи на церковные округа и организаціи ихъ, а также о преобразованіи мѣстнаго церковнаго управленія. Сюда же присоединенъ и вопросъ о Грузинской церкви.

Къ III отдѣлу подъ предсѣдательствомъ архіепископа Ярославскаго Іакова отнесены вопросы объ организаціи церковнаго суда и пересмотрѣ законовъ по дѣламъ брачнымъ вообще и о смѣшанныхъ бракахъ.

IV отдѣлу подъ предсѣдательствомъ епископа Могилевскаго Стефана поручена разработка вопросовъ о благоустроеніи прихода, церковной школѣ, порядкѣ пріобрѣтенія церковной собственности, объ епархіальныхъ съѣздахъ и участіи священно-служителей въ общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ. Къ этому же отдѣлу по постановленію общаго собранія Присутствія 14 іюня 1906 года прибавлены и вопросы о церковныхъ имуществахъ вообще.

На V отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ епископа Псковскаго Арсенія, возложено разсмотрѣніе вопросовъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній.

VI отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Волынскаго Антонія долженъ былъ заниматься вопросами по дѣламъ вѣры: о единовѣріи, старообрядчествѣ и другими.

Къ VII отдѣлу, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Финляндскаго Сергія, отнесены вопросы о мѣрахъ къ огражденію православной вѣры и христіанскаго благочестія отъ неправыхъ ученій и толкованій въ виду укрѣпленія началъ вѣротерпимости въ Имперіи.

Въ виду могущей оказать надобности выдѣленія изъ отдѣловъ какихъ-либо вопросовъ для разработки въ особомъ составѣ членовъ отдѣловъ или совмѣстнаго обсужденія вопросовъ въ соединенномъ засѣданіи нѣсколькихъ отдѣловъ, осуществленіе этого предоставлено взаимному соглашенію предсѣдателей и членовъ отдѣловъ. Вмѣстѣ съ этимъ на предсѣдателей отдѣловъ возможно вносить на обсужденіе Присутствія, какъ главное основаніе принятыхъ отдѣлами для дальнѣйшей разработки вопросовъ, если окажется въ томъ надобность, такъ и подробныя заключенія по мѣрѣ разработки вопросовъ [1]).

Члены Особаго Присутствія могли по собственному желанію избирать тотъ или иной отдѣлъ и большинство изъ нихъ принимало участіе въ работахъ нѣсколькихъ отдѣловъ.

Такимъ образомъ на долю Особаго Присутствія выпала важная задача подготовить для предстоящаго собора матеріалъ по вопросамъ могущимъ подлежать рѣшенію собора. Въ Русской Церкви не было собора болѣе 200 лѣтъ, и естественно, что первому собору предстоитъ разсмотрѣніе многихъ сложныхъ вопросовъ, которые постепенно возникали въ теченіе цѣлаго двухвѣкового періода жизни Церкви. Кромѣ того церковныя преобразованія подобно прочимъ захватили Россію совершенно неожиданно. До наступленія 1905 года едва ли кто могъ предполагать, что теперь намъ придется заниматься вопросами о коренномъ измѣненіи церковнаго строя, существующаго уже 200 лѣтъ. Большинство русскихъ людей оказывается ко всему этому очень мало подготовленнымъ. Цензурные оковы, лежавшіе на мысли русскаго человѣка особенно же въ области церковной, не давали возможности подвергнуть должному общественному обсужденію весьма многіе вопросы, изъ которыхъ нѣкоторые считались прямо чуть ли не запретными. А теперь при разработкѣ программы преобразованій вопросы эти невольно возстаютъ въ сознаніи и требуютъ вниманія. Поэтому безъ предварительной разработки матеріала въ Особомъ Присут-

[1]) Журналъ общаго собранія присутствія 8 марта 1906 г. „Церковныя Вѣдомости“, 1906 г., № 10.

ствіи дѣятельность собора была бы крайне затруднена и могла бы надолго затянуться. Для собора будетъ очень неполезно, если Особому Присутствію не будетъ предоставлено довести свои занятія до конца или оно будетъ вынуждено вести ихъ съ вредной для дѣла поспѣшностью. Мысль о необходимости образованія особой независимой комиссіи для обсужденія вопросовъ, которые должны подлежать рѣшенію собора, возникла и въ русскомъ церковномъ обществѣ сейчасъ же, какъ только до него дошли извѣстія о дѣйствіяхъ Синода въ мартѣ 1905 года. Относительно состава этой комиссіи въ обществѣ высказывались пожеланія, чтобы вмѣстѣ съ назначенными членами вошли въ него и представители церковнаго общества отъ клира и мірянъ, которые для обезпеченія ихъ большей независимости и близкой связи съ окружающей жизнью должны быть выбраны самимъ обществомъ. Вѣдь комиссія эта призвана не разрѣшать дѣла, подлежащія вѣдѣнію собора, а лишь возможно шире разсмотрѣть вопросы и выяснить дѣйствительныя потребности современной церковной жизни. Выборные члены отъ общества очень соотвѣтствовали бы такимъ цѣлямъ, и участіе ихъ было бы весьма полезно. Особое Присутствіе, какъ видимъ, въ этомъ отношеніи не вполнѣ отвѣтило справедливымъ пожеланіямъ общества, и это нужно считать его недостаткомъ. Недостатокъ этотъ однако могъ бы быть достаточно исправленъ еще и теперь, еслибы результаты работъ Присутствія были переданы для обсужденія въ епархіи. Привлеченіе къ этому епархіальныхъ съѣздовъ изъ клира и мірянъ подъ предсѣдательствомъ епископовъ прежде всего могло бы способствовать болѣе сознательному отношенію къ задачамъ собора всей Русской Церкви. Кромѣ того предоставленіе возможности проявиться при обсужденіи коллективному уму Церкви, можетъ быть, во время повело бы къ дополненіямъ того, что могло быть упущено изъ виду Особымъ Присутствіемъ, или къ указаніямъ на то, что въ трудахъ Присутствія окажется мало согласующимся съ болѣе широкимъ церковнымъ сознаніемъ. Наконецъ и сами епархіальные архіереи явились бы на соборъ все же съ большимъ пониманіемъ настроенія своей паствы и ея отношеній къ вопро-

самъ подлежащимъ разрѣшенію на соборѣ. Вообще едва ли будетъ полезно стараться сокращать подготовительный періодъ къ первому собору Русской Церкви, долженствующему положить начало новому церковному устройству. Вѣдь и въ древнее время передъ важными по ихъ значенію для Церкви соборами обыкновенно происходили мѣстные соборы по областямъ, на которыхъ разсматривались многіе вопросы, подлежавшіе рѣшенію большого собора, и которые такимъ образомъ подготовляли къ этому церковное сознаніе. Нѣкоторые склонны утверждать, что цѣль эта уже достигнута полученіемъ въ Св. Синодѣ отъ епархіальныхъ преосвященныхъ отзывовъ по вопросу о церковной реформѣ. Но слѣдуетъ помнить, что лишь немногіе архіереи привлекли къ участію въ обсужденіи вопросовъ преобразованій епархіальные съѣзды или вообще достаточно широкій кругъ лицъ изъ духовенства и народа. Большинство же отзывовъ подъ вліяніемъ все тѣхъ же столь осуждаемыхъ теперь бюрократическихъ порядковъ церковнаго управленія составлены архіереями почти секретно отъ ихъ паствы, которая и ознакомиться съ ними получила возможность лишь послѣ опубликованія ихъ Св. Синодомъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, да и то часто въ сокращенномъ видѣ, а самое опубликованіе происходитъ столь медленно, что къ августу 1906 года, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ едва ли еще напечатана и половина всѣхъ отзывовъ. Такимъ образомъ доставленіе въ Св. Синодъ архіереями своихъ отзывовъ не можетъ замѣнить живого и сознательнаго участія клира и мірянъ въ обсужденіи намѣченной программы церковныхъ преобразованій.

Результаты работъ отдѣловъ Присутствія, повидимому, должны будутъ быть внесены на разсмотрѣніе общихъ собраній, что прежде всего необходимо для ихъ объединенія и согласованія. Программа занятій для нѣкоторыхъ отдѣловъ установлена нѣсколько искусственно и носитъ отрывочный характеръ, и работы отдѣловъ нуждаются въ дополненіи пересмотромъ ихъ съ болѣе общей точки зрѣнія, которая связала бы ихъ съ работами другихъ отдѣловъ. Кромѣ того самая задача предсоборнаго Присутствія едвали будетъ вполнѣ окончена, если ему не будетъ предоста-

влена возможность составить болѣе или менѣе цѣлый проектъ новаго церковнаго устройства въ Россіи, который могъ бы быть предложенъ вниманію собора. А для этого необходимо обсужденіе разработанныхъ въ отдѣлахъ вопросовъ и положеній въ ихъ общей связи на общихъ собраніяхъ Присутствія, тѣмъ болѣе, что уже бывали случаи, когда отдѣлы по одному и тому же вопросу расходились въ своихъ выводахъ, какъ наприм., по отношенію къ учрежденію митрополичьихъ округовъ. Безъ представленія же собору работъ Присутствія въ ихъ общей связи занятія самыя собора могутъ быть очень затруднены. Вообще отношенія общихъ собраній Присутствія къ работамъ его отдѣловъ къ сожалѣнію до сихъ поръ остаются недостаточно опредѣленными и выясненными. Во время происходившихъ уже засѣданій общихъ собраній вопросъ этотъ не одинъ разъ возбуждалъ недоумѣнія и споры [1]) Между тѣмъ при существующемъ порядкѣ и распредѣленіи занятій отдѣловъ несомнѣнно, что общія собранія Особаго Присутствія, на которыхъ принимаютъ участіе всѣ его члены, должны представлять изъ себя, такъ сказать, высшую контролирующую инстанцію для отдѣловъ, объединяющую ихъ работы и вносящую въ нихъ нужныя поправки и дополненія.

Въ настоящее время первый отдѣлъ окончилъ свои занятія. Имъ уже разсмотрѣны вопросы о составѣ и организаціи собора и о преобразованіи высшаго церковнаго управленія. Работы его, хотя и нѣсколько поспѣшно, но все-таки прошли уже и черезъ общія собранія Особаго Присутствія. Вопросы, переданные въ другіе отдѣлы, за исключеніемъ вопроса о раздѣленіи духовно-учебныхъ школъ на пастырскія и общеобразовательныя еще не успѣли поступить на обсужденіе общихъ собраній Присутствія, хотя VII и VI отдѣлы, также считаютъ, повидимому свои задачи уже исполненными. Въ виду необходимости нѣкотораго отдыха отъ столь напряженной работы, которая выпала на долю Особаго Присутствія, занятія его съ половины іюня прерваны до осени.

---

[1]) Это можно видѣть, наприм., изъ журналовъ засѣданій 12 и 15 мая. („Церк. Вѣд.“, 1906 г., №№ 22 и 23, и друг.).

ОТДѢЛЪ I.

Вопросъ объ участіи духовенства и народа въ церковномъ управленіи.

Докладъ Первому Отдѣлу Присутствія 21 апрѣля 1906 года объ устройствѣ высшаго церковнаго управленія и о необходимости введенія въ него представителей клира и народа.

Прежде чѣмъ приступить къ начертанію проекта высшаго центральнаго церковнаго управленія во всѣхъ его подробностяхъ, мнѣ кажется, необходимо установить общія основанія, на которыхъ должна быть построена теперь въ Россіи организація церковнаго управленія. Всякая дѣятельность въ направленіи законодательства, не исключая и области Церкви, нуждается въ принципахъ, которые руководили бы при составленіи проектовъ тѣхъ или иныхъ учрежденій. Только путемъ удачнаго проведенія этихъ принциповъ во внѣшнее устройство и возможно достигнуть болѣе или менѣе гармоническаго дѣйствія его частей, чтобы каждая отрасль управленія, выполняя свое дѣло, способствовала этимъ совершать свое дѣло и другимъ, а не вызывала бы какое-либо столкновеніе съ ними.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ пришлось заниматься вопросомъ о развитіи въ Россіи управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій и, благодаря этому, прослѣдить съ самаго начальнаго момента процессъ зарожденія разныхъ институтовъ по управленію церковными дѣлами христіан-

скихъ исповѣданій въ связи съ потребностями самой жизни [1]). Все это особенно ясно показало, что и при организаціи управленія церковными дѣлами очень необходимо считаться съ потребностями, выдвигаемыми самой жизнію, которыми во многомъ должны обусловливаться и самыя формы управленія. При исключеніи же изъ сферы своего вниманія условій современной жизни и ея сложныхъ потребностей мы будемъ способствовать тому, чтобы сама жизнь стала пролагать себѣ иные пути помимо установленныхъ формъ. А когда церковная жизнь начнетъ протекать такимъ образомъ, то это, какъ показываетъ историческій опытъ, можетъ вести къ ея разложенію,—во многихъ случаяхъ она прямо уничтожаетъ узкія и не соотвѣтствующія потребностямъ времени формы и порядки, вызывая вражду и раздѣленіе.

Положенія эти я могъ бы иллюстрировать многими примѣрами изъ исторіи управленія иностранныхъ исповѣданій. Но не буду занимать этимъ вниманія собранія, а замѣчу лишь, что высказанныя мною соображенія остаются справедливыми и по отношенію къ православной Церкви. Въ лицѣ, напримѣръ, русскаго старообрядчества мы имѣемъ яркій примѣръ того, что значитъ не считаться съ состояніемъ дѣйствительной церковной жизни и непремѣнно стремиться заключить ее въ тѣ или иныя формы, кажущіяся справедливыми, и основываться въ этомъ на одномъ авторитетѣ іерархіи. Наконецъ, и въ самомъ образованіи древнихъ каноновъ православной Церкви значительное вліяніе принадлежало самой жизни съ ея потребностями и вызванными ею порядками (наприм., Никейскаго собора правило 6—7 и друг.). Во многихъ случаяхъ каноны узаконяли уже то, что создала сама церковная жизнь. Выразившееся въ нихъ церковное законодательство, можно сказать, во многомъ приспособлялось къ даннымъ отношеніямъ и потребностямъ.

Такимъ образомъ, для нашихъ цѣлей крайне необходимо,—да это будетъ согласно и съ духомъ древняго цер-

---

[1]) Н. Д. Кузнецовъ. Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи. Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Книга 73 и слѣд.

ковнаго законодательства,—остановить свое вниманіе на волнующемся около насъ морѣ дѣйствительной русской жизни въ ея отношеніи къ вопросамъ церковнымъ.

Если бы наши работы не требовали необычайной и, скажу прямо, вредной для нихъ быстроты, то прежде всего слѣдовало бы возможно лучше и подробнѣе уяснить себѣ состояніе нашей церковной жизни. Но теперь приходится удовольствоваться лишь немногимъ—выхватить изъ всего моря жизни, хотя нѣсколько наиболѣе яркихъ чертъ, отличающихъ наше время отъ пережитаго Церковью ранѣе. Эти черты, по моему мнѣнію, не могутъ не быть приняты во вниманіе при составленіи проекта организаціи высшаго церковнаго управленія.

При сознательномъ отношеніи къ современной церковной жизни, едвали кто рѣшится отрицать ея многочисленныя свидѣтельства, что въ настоящее время въ русской Церкви народъ и духовенство находятся въ нравственно-духовномъ разъединеніи, а бѣлое духовенство, кромѣ того, разъединено съ епископами и настроено по отношенію къ нимъ даже враждебно [1]). Русскіе епископы въ большинствѣ случаевъ представляются духовенству и народу чѣмъ-то въ родѣ духовныхъ губернаторовъ, и уже однимъ этимъ сравненіемъ я думаю сказано многое. Всѣмъ извѣстно, какія чувства, особенно теперь вызываетъ представленіе о губернаторахъ и къ чему можетъ вести на практикѣ взглядъ на епископовъ, какъ на чиновниковъ, да еще губернаторовъ.—Здѣсь, конечно, мы не будемъ касаться причинъ этихъ печальныхъ явленій, безъ сомнѣнія, способныхъ оказывать глубокое вліяніе на всю нашу церковную жизнь, но лишь констатируемъ фактъ ихъ существованія. Разъединеніе народа съ духовенствомъ оказало, между прочимъ, немалое вліяніе и на то, что русское общество привыкло относиться къ дѣламъ церковнымъ, какъ къ чему-то для него постороннему и не требующему включенія въ сферу личныхъ и общественныхъ

---

[1]) Процессъ этотъ мы старались выяснить въ книжкѣ: *Церковь, Духовенство и Общество*. Современная потребность живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ. Москва. 1905 г.

интересовъ. Но подобное отношеніе къ дѣламъ Церкви въ настоящее время,—болѣе чѣмъ когда-либо,—опасно для самого же общества. На нашихъ глазахъ происходитъ зарожденіе новой общественной жизни. Кругомъ насъ быстро образуются разнаго рода политическія партіи, старающіяся завербовать себѣ возможно больше членовъ путемъ обѣщанія имъ земного благоденствія. Большинство мало способное разбираться въ сложнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, скорѣе по вѣрѣ въ обѣщанія и задачи партій начинаетъ вступать въ ихъ число. Партійный интересъ угрожаетъ сдѣлаться господствующимъ въ жизни, и уже теперь можно наблюдать, какъ самосознаніе многихъ выражается въ принадлежности въ той или иной другой партіи съ полнымъ почти забвеніемъ о себѣ, какъ о членѣ православной Церкви. Такимъ образомъ, среди охватившаго Россію круговорота политической жизни, церковные интересы могутъ еще болѣе ослабнуть и окончательно вытѣсниться изъ сферы яснаго сознанія очень многихъ русскихъ людей. Въ дѣлѣ важнѣйшихъ и коренныхъ церковныхъ преобразованій нельзя имѣть въ виду преимущественно права епископовъ и благо духовенства. Но едвали не на первомъ планѣ должны быть поставлены и духовныя нужды народа, этого самаго тѣла Церкви, для котораго существуетъ и духовенство. Церковныя преобразованія не могутъ не считать своей задачей не допустить русское общество все болѣе и болѣе замѣнять вѣру въ Бога, питающую въ немъ высшую жизнь, вѣрою во внѣшній порядокъ жизни съ его приманками земного благополучія. Предстоящія преобразованія должны способствовать установленію такихъ условій жизни, чтобы русское общество могло возможно разнообразнѣе и глубже сознавать объективность Церкви и свою къ ней принадлежность и вмѣстѣ возможно живѣе напоминать себѣ, что не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ. А на основаніи этого ясно выдвигается настоятельная потребность современной жизни ввести дѣла церковныя въ кругъ интересовъ личной и общественной жизни, что можетъ быть во многомъ достигнуто привлеченіемъ народа къ возможно активному участію въ дѣлахъ церковныхъ. Не слѣдуетъ также забывать, что, по-

мимо другихъ цѣлей, подобная роль народа становится теперь необходимой и для блага самой православной Церкви въ Россіи. При оканчивающемся періодѣ церковной жизни значеніе и вліяніе народа было оттѣснено началомъ бюрократическимъ, и о нуждахъ Церкви заботилось само государство. Но съ началомъ новой эпохи, когда отношенія государства къ Церкви едвали останутся прежними, и сейчасъ даже трудно сказать,—какую форму они примутъ, значенію въ дѣлахъ Церкви народа предстоитъ обнаружиться особенно ясно. Пусть же церковныя преобразованія теперь и заранѣе подготовятъ необходимыя и удобныя формы для активнаго участія русскаго народа въ дѣлахъ православной Церкви, вскормившей его и для самаго историческаго существованія. Далѣе нужно отмѣтить,—какъ совершенно новую черту времени,—измѣненіе государственнаго строя въ Россіи. Теперь верховная власть, сосредоточенная ранѣе въ Государѣ Императорѣ, раздѣлена Имъ съ народомъ. Но вѣдь Императору, какъ извѣстно, принадлежала очень активная и важная роль въ управленіи дѣлами Церкви. Такое участіе свѣтскаго начала въ дѣлахъ Церкви въ лицѣ императоровъ не только наши русскіе епископы, но и епископы эпохи вселенскихъ соборовъ и даже сами соборы считали въ порядкѣ вещей. Они не только не находили его противорѣчащимъ задачамъ и идеѣ Церкви, но даже благодарили за него императоровъ и сами о немъ просили. Поэтому естественно, что съ уменьшеніемъ значенія императорской власти, когда она перестаетъ какъ бы воплощать въ себѣ весь народъ, необходимо увеличить активное участіе народа и въ дѣлахъ церковныхъ.

Изъ сказаннаго ясно, что въ настоящее время приходится констатировать значительное отличіе въ условіяхъ нашей церковной жизни сравнительно съ прежними и особенно тѣми, которые были въ Византіи, когда образовались древніе дисциплинарные каноны. Поэтому мы отнюдь не можемъ смотрѣть на нашу церковную жизнь глазами вѣковъ давно минувшихъ и стараться во что бы то ни стало нормировать ее по требованію древнихъ каноновъ, которые прямо не могутъ разрѣшать всѣ вопросы церков-

ной жизни, грозно возстающіе передъ ними изъ ея живыхъ нѣдръ.

Недавно вниманія Присутствія было обращено на полезныя для насъ соображенія покойнаго профессора В. В. Болотова, который былъ не только глубокимъ знатокомъ церковной исторіи, но и вполнѣ вѣрующимъ и преданнымъ православной Церкви человѣкомъ. По убѣжденію Болотова, „Каноническое“ въ обычномъ словоупотребленіи есть равнозначущее понятію: согласное съ позднѣйшею практикою константинопольской Церкви: этому „каноническому“ предшествовалъ древнѣйшій строй иного типа; древняя Церковь не боялась и такихъ реформъ, которыя были очень радикальны (кто были хорепископы?). „Думаю, продолжаетъ онъ, что нѣтъ большей несправедливости, какъ репристинація формъ давнопрошедшаго, при совершенно измѣнившемся бытовомъ строѣ, утратившихъ всякую соль и силу, (наприм., пресловутое выборное начало), и *та реформа, которая дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ даннаго времени и оправдала себя фактически хорошими результатами, и есть реформа истинно каноническая, не имѣй она за собой даже ни единаго прецедента.* Исторія есть только полезный архивъ, никакъ не сводъ законовъ. „Суббота человѣка ради бысть, а не человѣкъ субботы ради“. („Церковныя Вѣдомости“, 1906 г., № 3). Въ дополненіе къ этому для подкрѣпленія своихъ соображеній я позволю себѣ сослаться на представителя науки церковнаго права покойнаго профессора Н. К. Соколова. Въ своемъ „Введеніи въ церковное право“, совершенно независимо отъ В. В. Болотова, Соколовъ проводитъ почти такой же взглядъ. Древній церковный канонъ, по его заключенію, вовсе не можетъ быть разсматриваемъ какъ сводъ дѣйствующихъ законовъ Церкви. При всемъ уваженіи къ древнему канону и признанію за нимъ большого значенія для церковнаго законодательства послѣдующаго времени, Соколовъ, однако, справедливо замѣчаетъ: „нельзя сказать, чтобы всѣ начала церковнаго управленія были въ немъ исчерпаны или развиты съ такою полнотою, чтобы послѣдующая жизнь не могла выработать новыхъ, неизвѣстныхъ канону принциповъ и потребовать ихъ примѣненія.

При жизни въ совершенно новыхъ условіяхъ въ Церкви могутъ развиться новыя начала для новыхъ учрежденій, неизвѣстныхъ древнему канону".

Нашему времени, по моему мнѣнію, особенно нужно помнить эти соображенія. Теперь въ церковной жизни во многихъ случаяхъ обнаруживается совершенно иное соотношеніе силъ, требующее приспособленія къ нимъ будущаго устройства Церкви въ интересахъ процвѣтанія ея же самой. Полное примѣненіе древнихъ каноновъ было бы возможно лишь по возстановленіи прежнихъ формъ и условій жизни. Вспомнимъ затѣмъ о необходимости ихъ толкованія. Даже здѣсь мы каждое засѣданіе слышимъ споры о пониманіи того или другого древняго правила. Древніе каноны въ дѣлѣ современныхъ преобразованій должны служить авторитетными указаніями, какъ поступала Церковь по вопросамъ ея внутренняго устройства и управленія, но что же дѣлать, если церковная жизнь несетъ въ себѣ явленія и выдвигаетъ вопросы, не предусмотрѣнные древними канонами?

Высшее учрежденіе по управленію церковными дѣлами, будетъ ли это органъ постоянный или чрезвычайный, по современнымъ условіямъ жизни, отнюдь не должно представлять изъ себя лишь собраніе епископовъ, хотя бы съ самыми большими поправками и измѣненіями нынѣшняго Синода.

Всѣмъ потребностямъ церковной жизни не удовлетворятъ теперь ни одно назначеніе или избраніе постоянныхъ членовъ Синода, ни вызовъ ихъ по строгой очереди и внѣ всякой зависимости отъ свѣтской власти, на что по чувству контраста съ существующими порядками многіе возлагаютъ теперь особенныя надежды. Нѣтъ, всего этого мало. Въ высшее церковное управленіе въ качествѣ болѣе или менѣе активныхъ членовъ должны быть какъ-либо введены міряне и бѣлое духовенство.

Совмѣстное участіе въ дѣлахъ церковныхъ епископовъ, духовенства и мірянъ прежде всего будетъ способствовать ихъ нравственно-духовному объединенію и устраненію изъ области церковной жизни крайне ядовитаго зла, заключающагося въ ихъ разъединеніи и при новыхъ условіяхъ рус-

ской жизни, по моему мнѣнію, угрожающаго большими бѣдами для Церкви. Сознаніе, что привлеченіе мірянъ и клира къ участію въ дѣлахъ церковныхъ можетъ быть полезно въ интересахъ ихъ объединенія, ясно обнаруживается и въ отзывахъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ по вопросу о церковной реформѣ. Кромѣ того, я прошу обратить вниманіе на одно важное обстоятельство. Оно даетъ мнѣ право утверждать, что мое соображеніе о необходимости привлеченія мірянъ и духовенства къ постоянному участію въ церковномъ управленіи не противорѣчитъ и общему современному церковному сознанію. Въ отзывахъ большинства преосвященныхъ, изъ которыхъ многіе основаны на заключеніи цѣлыхъ съѣздовъ духовенства и мірянъ, ясно указана потребность допущенія на предстоящій соборъ Русской Церкви духовенства и мірянъ. Присутствіе однихъ епископовъ прямо признается недостаточнымъ и даже опаснымъ для самаго авторитета собора. Вмѣстѣ съ этимъ нѣкоторые преосвященные вполнѣ согласны, что въ настоящее время одни епископы не могутъ явиться выразителями церковнаго сознанія и голоса своей паствы.

Наконецъ, даже въ здѣшнемъ отдѣлѣ, насколько мнѣ извѣстно, признана необходимость участія на предстоящемъ соборѣ духовенства и мірянъ. Но если по указаннымъ основаніямъ оно необходимо на соборѣ чрезвычайномъ, то почему же его должно исключить относительно періодическаго собора или постояннаго органа церковнаго управленія, которымъ предстоитъ вѣдать важныя дѣла Церкви и своею дѣятельностью оказывать большое вліяніе на всю церковную жизнь.

Вѣдь и на чрезвычайномъ соборѣ и въ высшемъ церковномъ управленіи епископы будутъ тѣ же. Если въ помощь къ нимъ міряне и клиръ полезны на чрезвычайномъ соборѣ, то они не менѣе могутъ быть нужны и въ органахъ управленія. Разсуждая иначе, мы можемъ впасть въ противорѣчіе съ самими собой. Одной изъ главныхъ задачъ всѣхъ ожидаемыхъ преобразованій, — въ чемъ, повидимому, всѣ согласны, является проведеніе соборнаго начала во всѣ сферы церковной жизни. А если такъ, то его нужно положить и

въ основу преобразованія органовъ высшаго управленія. По моему мнѣнію, соборное начало по существу должно быть понимаемо въ тѣсной связи съ апостольской идеей Церкви, какъ живаго организма, гдѣ каждый членъ въ свою мѣру несетъ службу цѣлому и самъ питается имъ. Примѣненіе же принципа соборности на практикѣ во многомъ обусловливается временемъ и обстоятельствами. Если же мы будемъ стараться непремѣнно подражать въ этомъ какому-либо отдѣльному періоду дѣйствительной текучей жизни, да еще въ ея далекомъ прошломъ, то мы заранѣе обречемъ себя на неудачу проведенія соборнаго начала въ нашу жизнь, съ ея особенностями и новыми потребностями. Теперь проведеніе соборнаго начала прежде всего соединено съ необходимостью объединенія епископовъ, духовенства и мірянъ и привлеченія всѣхъ членовъ церкви къ возможно активному ей служенію. Соборность именно въ этой формѣ необходима теперь и въ виду возможности измѣненія самаго положенія православной Церкви, когда, можетъ быть, потребуются совмѣстныя усилія всѣхъ членовъ Церкви для обезпеченія и защиты наиболѣе удобныхъ условій самаго церковнаго существованія.

Наконецъ при обсужденіи устройства церковнаго управленія, нужно помнить, что оно иного характера, чѣмъ государственное. Церковное общеніе по природѣ различно отъ общенія государственнаго. Государство есть преимущественно область внѣшняго порядка и внѣшней власти. Распоряженія государственной власти безъ противорѣчія съ ихъ природой могутъ быть осуществлены путемъ принужденія. Не то должно быть въ сферѣ церковной жизни. Здѣсь на первомъ планѣ нравственно-духовный авторитетъ церковнаго управленія и свободное согласіе на подчиненіе церковнымъ постановленіямъ и порядкамъ. Если же для проведенія всего этого въ жизнь нужно давленіе внѣшней власти въ родѣ, напримѣръ, государственной, способной угрожать разными внѣшними карами, не исключая штыка и пушекъ, то подобное церковное управленіе мы считали бы уклонившимся отъ своего назначенія, и оно, какъ показываетъ опытъ жизни, не достигаетъ своихъ цѣлей. Вотъ почему по отношенію къ

церковнымъ постановленіямъ такое важное значеніе имѣетъ народная рецепція. Очень близко знакомые съ церковнымъ управленіемъ и наиболѣе энергичные св. отцы, какъ напримѣръ, св. Кипріанъ Карѳагенскій и св. Василій Великій, вполнѣ сознавали необходимость участія въ этомъ и народа. Божественный судъ, выраженіемъ котораго должны служить церковныя рѣшенія, по замѣчанію св. Кипріана обнаруживается въ приговорѣ соепископовъ *и голосъ народа* [1]). Обращая вниманіе на порядокъ церковнаго управленія, св. Василій Великій утверждаетъ, что распоряженія церковныя дѣлаются тѣми, кому ввѣрено правленіе церковное, и *подтверждаются народомъ* [2]).

Такимъ образомъ уже въ интересахъ самого обезпеченія принятія церковныхъ постановленій народомъ при глубокомъ разъединеніи его съ духовенствомъ необходимо допущеніе мірянъ въ составъ органовъ церковнаго управленія.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о болѣе подробномъ устройствѣ управленія, объ установленіи правъ въ немъ мірянъ и т. п., для чего, по моему мнѣнію, придется коснуться и отношенія государства къ Церкви, я ограничиваюсь пока слѣдующими замѣчаніями:

Будущее высшее церковное управленіе въ Россіи должно принадлежать собору всей Церкви, созываемому періодически не менѣе одного раза въ 5 лѣтъ, при чемъ на этомъ соборѣ, кромѣ всѣхъ епископовъ или ихъ представителей, принимаютъ участіе представители клира и мірянъ. Завѣдываніе же текущими дѣлами, которыя могутъ быть разрѣшаемы въ порядкѣ обыкновеннаго управленія, возлагается на преобразованный Святѣйшій Синодъ. Въ Синодѣ предсѣдательствуетъ первый изъ епископовъ, и въ составъ его, кромѣ епископовъ, должны входить на извѣстныхъ условіяхъ представителя клира и мірянъ, избираемые на 5 лѣтъ на періодическомъ соборѣ или изъ числа его участниковъ или изъ числа лицъ постороннихъ.

---

[1]) Творенія св. Кипріана Карѳагенскаго, часть I. Письмо 47.
[2]) Творенія св. Василія Великаго, ч. VII. Изданіе 4. Письмо къ градоправителямъ Никополя № 222

По моему мнѣнію, только путемъ образованія двухъ подобныхъ органовъ высшаго церковнаго управленія возможно достигнуть прочнаго проведенія въ него соборности и сохраненія въ немъ живой связи съ окружающей жизнью. Дѣятельность Святѣйшаго Синода должна быть поставлена подъ контроль собора, въ которомъ всего лучше и можетъ выражаться голосъ Церкви и ея сознаніе. Безъ этого наше высшее церковное управленіе вслѣдствіе обширности и сложности задачъ православной Церкви въ Россіи легко можетъ повести къ возникновенію какой-либо новой формы бюрократизма. А если въ Святѣйшій Синодъ не ввести, кромѣ того, въ какой-либо формѣ представителей отъ мірянъ, то при ослабленіи въ церковныхъ дѣлахъ свѣтскаго элемента, къ чему многіе такъ стремятся, и сосредоточеніи всего управленія въ рукахъ одной іерархіи можно подготовить почву къ зарожденію въ церковномъ управленіи клерикализма, особенно вреднаго для Церкви въ наше время, отличающееся глубокимъ разъединеніемъ духовенства и мірянъ[1]).

Соображенія, высказанныя въ этомъ докладѣ, нашли полное одобреніе у многихъ другихъ членовъ Присутствія какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго Особаго Мнѣнія, представленнаго 1 Отдѣлу 5 мая 1906 г. отъ имени его 8 членовъ по вопросу о составѣ св. Синода.

Вопросъ о Святѣйшемъ Синодѣ, какъ постоянномъ органѣ высшаго церковнаго управленія, всего удобнѣе можетъ быть разрѣшаемъ лишь въ связи съ вопросомъ о предполагаемыхъ періодически созываемыхъ соборахъ. Во всякомъ случаѣ Святѣйшему Синоду, какъ постоянно дѣйствующему органу, предстоитъ оказывать очень большое вліяніе на всѣ области русской церковной жизни, и на составъ его должно быть обращено особое вниманіе. Устройство подобнаго постояннаго центральнаго органа управленія вовсе не предусмотрѣно древними канонами. Но какъ и всякое высшее правительственное учрежденіе въ Православной Церкви, Синодъ долженъ быть устроенъ соборно и представлять изъ себя по составу какъ бы малый соборъ, въ которомъ въ той или иной формѣ въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ должна быть представлена вся Церковь. Въ настоящее время при глубокомъ нравственно-духовномъ разъединеніи епископовъ, клира и мірянъ соборность, понимаемая въ связи съ апостольской идеей Церкви, требуетъ введенія во все церковное управленіе, не исключая и постояннаго его органа, Синода, кромѣ епископовъ, представителей клира и мірянъ. Этимъ путемъ для высшаго церковнаго управленія въ Россіи будетъ обезпечено сохраненіе болѣе живой связи съ окружающей жизнью и возможность болѣе широкаго и правильнаго обсужденія церковныхъ дѣлъ, которыя при своей многочисленности и сложности требуютъ самаго разнообразнаго опыта и знаній и близкаго знакомства съ современной жизнью. Исключеніе же изъ состава Синода мірянъ при ослабленіи участія въ Синодѣ свѣтскаго начала, къ чему теперь многіе стремятся, можетъ повести къ

зарожденію въ церковномъ управленіи клерикализма, который былъ бы особенно вреденъ въ наше время, при глубокомъ разъединеніи духовенства и народа.

На основаніи изложеннаго мы считаемъ необходимымъ для пользы Церкви, кромѣ членовъ епископовъ, ввести на извѣстныхъ условіяхъ въ составъ Синода представителей клира и мірянъ, избираемыхъ на періодическихъ соборахъ. Вопросъ же о болѣе подробной организаціи Синода, какъ-то: образованія въ немъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ, порядка производства дѣлъ и т. п., едва ли можетъ входить теперь въ число предметовъ, подлежащихъ обсужденію перваго отдѣла Присутствія, которому прежде всего необходимо установить лишь болѣе общіе и основные вопросы устройства церковнаго управленія. Кромѣ того, для участія въ обсужденіи подробностей организаціи нужно было бы привлечь и людей болѣе знакомыхъ съ этой стороной дѣла, Петербургъ, 5 мая 1906 года. Подписали профессора Н. Заозерскій, В. Завитневичъ, А. Бриллiантовъ, священникъ А. Рождественскій, М. Мацаповъ, А. Кирѣевъ, П. Аксаковъ и И. Кузнецовъ. (Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 23).

Мысли же выраженныя въ этомъ Особомъ Мнѣніи, начинаютъ встрѣчать сочувствіе и среди епархіальныхъ преосвященныхъ. Къ нему присоединился недавно епископъ Саратовскій Гермогенъ, о чемъ онъ и призналъ нужнымъ заявить открыто по поводу страннаго и грубаго протеста какого-то протоіерея Махровскаго противъ допущенія епископомъ участія представителей мірянъ на Саратовскомъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства. (Газета: Голосъ Правды, 20 іюня 1906 г. № 126).

Особое Мнѣніе въ общее собраніе Присутствія объ участіи клира и народа въ высшемъ церковномъ управленіи [1]).

На общемъ собраніи Особаго Присутствія 1 іюня былъ поставленъ вопросъ: входятъ ли въ составъ постояннаго

---

[1]) Поводомъ къ представленію этого особаго мнѣнія послужили слѣдующія обстоятельства:

Въ журналѣ засѣданія общаго собранія Присутствія 3 іюня 1906 г. записано: „Въ началѣ засѣданія съ разрѣшенія предсѣдателя Н. Д. Кузнецовъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: На прошломъ засѣданіи 1 іюня былъ поставленъ вопросъ о допущеніи клира и мірянъ въ высшее церковное управленіе на одинаковыхъ условіяхъ съ епископами. Я отрицалъ справедливость такой постановки вопроса, какъ не соотвѣтствующей всему матеріалу подвергавшемуся обсужденію I отдѣла. Въ настоящее же время я заявляю, что подобная постановка не могла правильно разрѣшить вопроса. Многіе изъ членовъ предсоборнаго присутствія вынуждены были подавать голосъ противъ допущенія клириковъ и мірянъ, ничего не имѣя и даже считая полезнымъ участіе ихъ на извѣстныхъ условіяхъ. Поэтому въ интересахъ болѣе правильнаго освѣщенія вопроса я считалъ бы нужнымъ поставить теперь дополнительный вопросъ: не встрѣчается ли необходимости допустить клиръ и мірянъ въ высшее церковное управленіе на свойственныхъ имъ условіяхъ, а вовсе не наравнѣ съ епископами. Если же это не будетъ сдѣлано, то прошу предоставить мнѣ письменно изложить свое особое мнѣніе“.

Предсѣдатель по этому поводу замѣтилъ, что вопросъ о допущеніи клириковъ и мірянъ уже достаточно выясненъ и вновь возвращаться къ нему нѣтъ основаній. Г-ну же Кузнецову предоставлено подать особое мнѣніе по этому вопросу. („Церк. Вѣдомости“, 1906 г., № 25).

органа высшаго церковнаго управленія, Св. Синода, одни епископы или же епископы, клирики и міряне? При такой постановкѣ я считаю вопросъ о клирикахъ и мірянахъ въ высшемъ церковномъ управленіи не разрѣшеннымъ. При возбужденіи мной этого вопроса на засѣданіи I отдѣла Присутствія вовсе не имѣлось въ виду, что представители клира и мірянъ должны быть введены одинаково съ епископами, а рѣчь шла лишь о допущеніи ихъ на свойственныхъ имъ условіяхъ. Другіе члены, раздѣлявшіе мысль объ участіи клира и мірянъ въ высшемъ церковномъ управленіи, также не заявляли объ объ уравненіи ихъ съ епископами. Ограничиваться формулировкой вопроса, сдѣланной въ общемъ собраніи 1 іюня, значитъ заранѣе располагать къ отрицательному отвѣту. Лично я могъ голосовать за положительное рѣшеніе вопроса лишь съ большой оговоркой, а нѣкоторые другіе члены Присутствія, вовсе не склонные отвергать участіе клириковъ и мірянъ, должны были однако отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно, только потому, что не усматривали возможности участія клириковъ и мірянъ наравнѣ съ епископами. Поэтому въ интересахъ болѣе правильнаго разрѣшенія вопроса онъ долженъ былъ подвергнуться голосованію въ иной формулировкѣ, которая соотвѣтствовала бы тому, что имѣли въ виду члены Присутствія, поддерживающіе мысль о допущеніи клириковъ и мірянъ.

Вопросъ о введеніи на извѣстныхъ условіяхъ представителей клира и мірянъ въ церковное управленіе, по моему мнѣнію, является однимъ изъ важнѣйшихъ въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій. Но къ сожалѣнію, вмѣсто достаточнаго обсужденія его въ тѣсной связи съ состояніемъ современной церковной жизни и ея особенностями многіе сразу отнеслись къ нему съ явнымъ нерасположеніемъ. Чтобы оправдать свое нежеланіе съ нимъ считаться, они прямо перешли къ указанію тѣхъ причинъ, которыми будто бы и нужно объяснять самое возникновеніе даннаго вопроса и которыя уже сами по себѣ должны подрывать его значеніе. Одни увидѣли здѣсь лишь вліяніе современнаго освободительнаго политическаго движенія, направленнаго къ демократизаціи всего строя русской жизни, а никакъ не удовле-

твореніе внутреннихъ потребностей самой Церкви. Другіе усмотрѣли скрытыя стремленія чуть ли не посягнуть на епископскій санъ вообще и добиваться церковной реформы въ протестанскомъ духѣ. Правда, разсуждаютъ сторонники такихъ соображеній, нѣкоторые изъ русскихъ епископовъ дѣйствительно поступали слишкомъ деспотично и вызвали этимъ большія недовольства. Лица же требующіе участія клира и мірянъ распространили это на всѣхъ епископовъ и теперь стараются провести ограниченіе ихъ власти вообще. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній разсмотрѣніе важнаго вопроса сразу стало на едва-ли правильный путь и пошло въ направленіи отстаиванія каноническаго или въ данномъ случаѣ чисто формальнаго положенія епископовъ съ игнорированіемъ того, что происходитъ въ дѣйствительности. Между тѣмъ въ вопросахъ, касающихся Церкви, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, нужно принимать во вниманіе явленія жизни, какъ они есть, и не только не закрывать глаза на жизненную правду, но даже и не смягчать ее. Это самый надежный путь для плодотворныхъ преобразованій. Въ основаніи ихъ должно лежать благо Церкви въ ея цѣломъ, а не права хотя бы епископовъ, которые одни, конечно, не составляютъ Церкви и сами даны для служенія ей.

Задачамъ Церкви, какъ живого организма, едва ли будетъ соотвѣтствовать, когда на первый планъ начинаютъ выдвигать права іерархіи. Римскій католицизмъ навсегда останется въ этомъ отношеніи печальнымъ примѣромъ, котораго должно избѣгать. Церковь, какъ предназначенная развивать свою жизнь и дѣятельность въ земныхъ условіяхъ, конечно, не можетъ не имѣть и разнаго рода нуждъ въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ. Въ первые вѣка, наприм., въ періодъ гоненій благо Церкви требовало одного, а въ эпоху послѣ Миланскаго эдикта съ признаніемъ христіанства государствомъ ближайшія нужды Церкви стали другими. Подобно этому и въ настоящее время церковная жизнь имѣетъ свои особенности, отличающія ее отъ той, которая была 1000 лѣтъ тому назадъ. Только, принимая во вниманіе эти особенности, и возможно произвести преобразованія, направленныя къ общему благу Церкви.

Очень характерной чертой современной жизни является особое положеніе епископовъ, не предусмотрѣнное древними церковными правилами и во всякомъ случаѣ бывшее совершенно инымъ въ эпоху ихъ составленія. Въ первые вѣка христіанства, какъ справедливо указываетъ архіепископъ Антоній, конечнымъ духовнымъ руководителемъ едва-ли не каждой личности былъ епископъ, являвшійся духовнымъ отцомъ небольшой сравнительно общины. Всѣ члены послѣдней имѣли къ нему прямой доступъ, онъ совершалъ главнѣйшія таинства, къ нему всѣ приходили слушать поученія; онъ слѣдилъ вообще за религіозно-нравственной жизнью каждаго пасомаго. „Это дѣлать ему было не затруднительно, такъ какъ подъ руководствомъ каждаго епископа находилось приблизительно столько же пасомыхъ, сколько ихъ находится теперь въ Россіи въ вѣдѣніи одного священника, если не меньше того [1]).“ Добавимъ къ этому, что древніе епископы проходили свое служеніе при меньшей сложности окружающей жизни вообще и церковной въ частности. Небольшіе размѣры ихъ епархій позволяли имъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ интересахъ окружающаго общества и лучше знать его религіозныя нужды. Имъ не приходилось тогда тратить столь много силъ и времени на дѣла чисто внѣшнія, способныя разсѣивать религіозную мысль и чувство, и отнимать у нихъ должную для епископа энергію и высоту. Болѣе правильный порядокъ вступленія на епархіи, недопущеніе перемѣщенія въ другія и вообще возможность болѣе близкихъ отношеній съ паствой поддерживали нравственную связь съ нею епископа, чему немало могло способствовать и имѣвшее мѣсто въ исторіи церкви избраніе епископовъ самимъ духовенствомъ и народомъ. Все это не могло препятствовать главной сторонѣ епископскаго служенія— его чисто пастырской дѣятельности, благодаря чему духовный авторитетъ епископовъ высоко стоялъ въ глазахъ духовенства и народа, и епископы вообще въ большей или меньшей степени могли разсматриваться, какъ средоточіе

---

[1]) О православномъ пастырствѣ. Изданіе религіозно-философской библіотеки. М. 1906 годъ, статья I, § 8.

религіозныхъ мыслей и интересовъ паствы и лучшіе выразители современныхъ церковныхъ нуждъ и потребностей.

Вотъ при какихъ приблизительно обстоятельствахъ церковной жизни и положеніи въ ней епископовъ были составлены древніе каноны, которые, конечно, не могли не принимать во вниманіе тогдашнихъ условій епископскаго служенія. Могло ли бы, наприм., быть внесено въ 7 правило Анкирскаго Собора предписаніе епископамъ внимательно испытывать жизнь каждаго и въ зависимости отъ этого назначать кающимся порядокъ покаянія, еслибы епископы не имѣли тогда возможности очень близко знать свою паству и входить въ духовныя нужды каждаго! Поэтому, естественно, если по древнимъ правиламъ, какъ стараются доказать противники участія клира и мірянъ, епископъ и могъ разсматриваться какъ представитель своей паствы, олицетворяющій или носящій ее въ своемъ лицѣ [1]). Подобное высокое положеніе епископа относительно своей паствы нѣкоторые изъ противниковъ допущенія клира и мірянъ стараются обосновать лишь на одномъ фактѣ присутствіи въ нихъ архіерейской благодати. Но такое пониманіе значенія благодатнаго дара и отношенія его къ человѣческой природѣ едва-ли согласно съ православнымъ ученіемъ о благодати, по которому вліяніе ея на человѣка во многомъ зависитъ отъ его собственнаго отношенія къ полученному имъ благодатному дару. Это вполнѣ ясно изъ извѣстныхъ наставленій св. ап. Павла своему ученику Тимофею (1 Тим. IV, 6—15) и особенно изъ его напоминанія о необходимости для Тимофея возгрѣвать даръ Божій, живущій въ немъ черезъ возложеніе рукъ апостола (2 Тим. I, 6). При разъясненіи этихъ словъ епископъ Ѳеофанъ замѣчаетъ, что здѣсь бываетъ тоже, какъ и съ получившими по притчѣ таланты: одинъ пускаетъ свой талантъ въ оборотъ, другой зарываетъ въ землю. Недостаточно получить даръ благодати нужно и возгрѣвать его или развивать... Что теченіе воздуха для огня, поясняетъ епископъ Ѳеофанъ, то труды по дару благодати для сего дара [2])...

[1]) Журналъ засѣданія I отдѣла Присутствія 18 марта 1906 г. („Церк. Вѣд.“, 1906 г. № 16 стр., 867.

[2]) Толкованіе пастырскихъ посланій св. апостола Павла. М. 1882 г., стр. 437.

Въ дополненіи къ этому не трудно привести много соображеній и указаній изъ сочиненій св. отцовъ, которые и по собственному опыту разъясняли вліяніе благодати на человѣческую природу. Такимъ образомъ можно имѣть въ себѣ благодатный даръ и не быть тѣмъ, что сообщаетъ его развитіе. Да и разсуждая иначе, мы должны бы признать представителями своихъ паствъ и ихъ олицетвореніемъ такихъ епископовъ, какъ, наприм., Несторій, Діоскоръ Александрійскій и многіе другіе, отступавшіе отъ церковнаго ученія и нарушавшіе церковный миръ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что служеніе іерархіи состоитъ, такъ сказать, изъ двухъ сторонъ. Іерархія является проводникомъ благодатныхъ даровъ въ таинствахъ и это происходитъ независимо отъ ея личныхъ свойствъ. Но кромѣ того іерархія призвана и къ той дѣятельности, которая требуетъ и ея собственныхъ усилій, и во многомъ обусловливается созданными ею самою отношеніями съ паствой.

Посмотримъ же, каково современное положеніе епископа въ Россіи.

Еще до Петра I, котораго теперь принято обвинять за существующее церковное неустройство, у насъ исторически сложилось крайне ненормальное положеніе епископовъ. Мало-по-малу, какъ свидѣтельствуетъ исторія, обыкновенный русскій епископъ обратился въ саповника и даже богатаго землевладѣльца, окруженнаго цѣлымъ штатомъ свѣтскихъ чиновниковъ. Эти архіерейскіе чиновники несли личную службу при дворѣ архіерея и управляли его имѣніями, подобно тому какъ это было у какого-либо важнаго свѣтскаго лица, но вмѣстѣ съ этимъ они занимали и разныя епархіальныя должности. Управленіе и судъ архіерейскихъ чиновниковъ были очень тягостны для духовенства и вызывали большія недовольства, какъ объ этомъ открыто заявлялъ, напримѣръ, Ростовскій священникъ Георгій Скрипица на соборѣ 1503 года [1]). По разъясненію историковъ, самое управленіе епархіями со стороны епископовъ получило частновладѣль-

---

[1]) Исторія Русской Церкви. Архіепископа Филарета. Періодъ III. Черниговъ, 1862 г.

ческій характеръ [1]). Вотъ какими чертами стало отличаться епископское служеніе въ Россіи, и развѣ этимъ не разрушалось его нравственно-духовное пастырское назначеніе?

Въ лицѣ патріарха русскій епископъ-сановникъ дошелъ и до званія великаго государя, почти равнаго царю. Съ этихъ же несвойственныхъ пріемникамъ апостоловъ земныхъ высотъ со времени Петра епископы, естественно, ниспали почти до обыкновеннаго государственнаго чиновника. Управленіе епархіями пошло въ направленіи бюрократическомъ, напоминающимъ разныя другія вѣдомства съ стоящими во главѣ ихъ чиновниками. Епископъ сдѣлался въ глазахъ духовенства и народа скорѣе администраторомъ извѣстнаго церковнаго округа, чѣмъ пастыремъ человѣческихъ душъ. Въ сознаніи очень многихъ уже давно укоренилось представленіе объ епископахъ, какъ о лицахъ по табели о рангахъ соотвѣтствующихъ генераламъ, и мы невольно приравниваемъ епархіальнаго начальника къ губернатору, а викарнаго архіерея къ вице-губернатору. Громадные размѣры епархій съ милліоннымъ населеніемъ и тысячами церквей и духовенства, ввѣряемыхъ попеченію епископовъ, заставляютъ ихъ заниматься лишь дѣлами внѣшняго церковнаго порядка и притомъ самымъ кабинетнымъ образомъ. Близкія и жизненныя отношенія епископа къ паствѣ уже давно совершенно подавлены началомъ бюрократическимъ. Епископы оказываются обыкновенно окруженными цѣлымъ моремъ бумагъ, изъ-за котораго до нихъ доходятъ только самые отдаленные и слабые отблески сложной дѣйствительной жизни. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что современное церковное управленіе требуетъ умѣлаго распоряженія разными земными средствами и чисто мірскихъ знаній и опытности. При такихъ условіяхъ нужно обладать особыми дарами и быть гораздо выше обыкновеннаго средняго человѣка, чтобы еще возможно было должное исполненіе главныхъ пастырскихъ обязанностей, направленныхъ къ возрожденію человѣческихъ душъ и соединенію ихъ съ Богомъ. И дѣйствительно, обыкновенно мы видимъ, что административная дѣятельность епи-

---

1) Н. Каптеревъ. Свѣтскіе чиновники въ древней Руси. М. 1874 г.

скоповъ почти парализовала у нихъ чисто пастырскую. Пребываніе въ молитвѣ и служеніи слова,—въ чемъ сами апостолы полагали свою первую пастырскую обязанность, для епископовъ стало встрѣчать большія препятствія и сдѣлалось едва-ли и возможнымъ. Завѣтъ апостола пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ Кровію Своею (Дѣян. XX, 28), оказался сведеннымъ къ управленію ею, да еще на подобіе чисто бюрократической дѣятельности. Замѣчательно, что такія лица, какъ св. Тихонъ Задонскій, Ѳеофанъ затворникъ и друг., обнаружившіе истинно пастырскую дѣятельность, удалялись отъ завѣдыванія епархіями. Русскій народъ и общество уже давно не слышатъ изъ устъ епископовъ-управителей слово о жизни, приспособленное къ ихъ духовному состоянію и потребностямъ. Этотъ недостатокъ и многія другія неправильности церковной жизни, естественно, стали толкать русскій народъ на удовлетвореніе своихъ религіозныхъ интересовъ внѣ вліянія духовенства или же способствовать распространенію религіознаго индифферентизма. Сколько образовалось, наприм., разнаго рода сектъ въ Россіи, и какъ много народа слѣдуютъ за ними! Сколь далеко русское интеллигентное общество отошло отъ Церкви и какъ усиленно отыскиваетъ оно для себя разные идеалы жизни помимо ихъ сокровищницы—Православной Церкви! Какъ слабо слабо пастырское сознаніе въ духовенствѣ и въ какомъ оторванномъ и ненормальномъ положеніи чувствуетъ оно себя по отношенію къ епископамъ! Все это ясно свидѣтельствуетъ, что управлять церковными дѣлами, какъ это принято у насъ, еще не значитъ пасти Церковь по заповѣди апостоловъ. „Архіерей по своей идеѣ, справедливо замѣчаетъ проф. Голубинскій, не есть только административно-судебный чиновникъ надъ духовенствомъ большаго или меньшаго округа, не имѣющій никакого отношенія къ его мірскому населенію, но есть совершенно такой же пастырь, сколько всякій приходскій священникъ есть пастырь своихъ прихожанъ съ тѣмъ только различіемъ, что онъ есть не только пастырь, но и архипастырь. По этой идеѣ первоначально каждая отдѣльная церковная община, малая или большая, или каждый отдѣльный приходъ имѣлъ

непремѣнно своего епископа... Въ уничтоженіи епископовъ сельскихъ и оставленіи только городскихъ съ образованіемъ епископскихъ округовъ или приходовъ, обнимающихъ города съ уѣздами, проф. Голубинскій усматриваетъ посягательство на архіерейство, какъ на пастырство. Только въ Греціи, по его разъясненію, при незначительности уѣздовъ епархіи были очень невелики, приблизительно не болѣе нашихъ благочиній [1]). Поэтому и посягательство не пошло слишкомъ далеко. Архіерей такого малаго округа еще въ значительной степени сохранялъ возможность оставаться истиннымъ пастыремъ своей паствы. Онъ могъ ежегодно обходить свою епархію и останавливаться въ каждомъ селеніи болѣе или менѣе продолжительное время, такъ что могъ посѣтить дома своихъ пасомыхъ, не исключая и хижинъ бѣдняковъ, чтобы съ каждымъ пастырски обо всемъ побесѣдовать и каждаго наставить на путь благочестія [2]). Сознаніе, что епископъ долженъ поступать именно такъ, въ качествѣ архипастыря и преемника апостоловъ, ясно жило въ Византіи. Въ извѣстной новеллѣ императора Алексѣя Комнена 1107 года прямо сказано, что архіерей, по примѣру апостоловъ обходившихъ вселенную для проповѣди всѣмъ, унаслѣдовавшій ихъ честь, долженъ дѣлать тоже самое. Не къ обидѣ архіерея, а напротивъ къ величайшей чести его будетъ служить, если онъ войдетъ въ хижину убогаго и изслѣдуетъ, то, что касается его, и возведетъ его къ благочестію. Ибо такой архіерей дѣлается подражателемъ учениковъ Христовыхъ и самого Христа. Этимъ въ особенности онъ и выполняетъ обязанности архіерейскаго достоинства. Для этой цѣли опредѣлена архіереямъ и пошлина, чтобы каждый, путешествуя и уча, питался отъ нея. Итакъ пусть будетъ извѣстно всякому архіерею, что означенной духовной пошлинѣ долженъ соотвѣтствовать трудъ и каждый обязанъ вы-

---

[1]) О крайне малой величинѣ епархій въ другихъ частяхъ древней Церкви сравнительно съ русскими, очень ясно и наглядно, путемъ соотвѣтствующихъ вычисленій, свидѣтельствуетъ проф. Болотовъ. Епархіи въ древней Церкви. („Церк. Вѣд.“, 1906 г., № 3).

[2]) Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. Т. I. Періодъ I. Глава III. М. 1901 г.

полнять это, какъ дѣлами это при жизни блаженнѣйшіе оные отцы и сами божественные апостолы“ [1])...

Указанія новеллы императора Алексѣя Комнена не потеряли силы и по отношенію къ русскимъ епископамъ. Недостатокъ у нихъ чисто пастырской дѣятельности, естественно, способствовалъ ненормальному положенію ихъ относительно паствы. Окружающая жизнь, какъ я уже неоднократно обращалъ вниманіе Особаго Присутствія, ясно показываетъ на глубокое нравственно-духовное разъединеніе епископовъ съ народомъ и духовенствомъ [2]). Они чувствуютъ епископовъ далекими отъ себя и чуждыми ихъ интересамъ. По вопросу объ отношеніяхъ между клиромъ и епископами близко знавшій русскую церковную жизнь и служившій хорошимъ выразителемъ и руководителемъ общественнаго мнѣнія своего времени Н. П. Гиляровъ-Платоновъ еще въ 1871 году свидѣтельствовалъ, что „еслибы рѣшились спросить объ этомъ изъ конца въ конецъ по всей Россіи, всѣхъ членовъ клира, чтобъ они высказались чистосердечно и безпристрастно, какъ передъ Богомъ и совѣстью, то результаты поразили бы публику, ужаснули епископовъ [3])... Очень характерно рисуетъ положеніе въ Россіи епископа проф. Голубинскій въ своей извѣстной „Исторіи Русской Церкви“: „Обширность нашихъ епархій, разъясняетъ онъ, должна была приводить къ тому, чтобы съ одной стороны архіереи наши поддались духу властительства или высоковластія, а съ другой стороны, чтобы подчиненное имъ духовенство исполнилось духа особеннаго смиренія и рабства. Слѣдствіемъ того и другого у насъ было то, что архіереи какъ начальники священниковъ стали по отношенію къ нимъ слишкомъ высоко и недоступно, что священники какъ подчиненные архіерея стали по отношенію къ нему слишкомъ низко и приниженно“... „Не имѣя воз-

---

[1]) Новелла эта приведена въ сочиненіи Н. С. Суворова. Къ вопросу о тайной исповѣди. М. 1906 г., глава IV, стр. 185.

[2]) Процесъ этого разъединенія мы старались выяснить въ книжкѣ: *Церковь*, *Духовенство* и *Общество*. Современная потребность живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ. М. 1905 г.

[3]) Газета „Современныя Извѣстія“, 10 октября 1871 г., № 279.

можности быть дѣйствительными пастырями для всѣхъ, архіереи наши все меньше и меньше заботились о томъ, чтобы быть таковыми пастырями нѣкоторыхъ и кончили тѣмъ, что совсѣмъ перестали быть ими, ставъ какъ бы не существующими для паствъ и оставшись только высшими церковными чиновниками, окружными начальниками приходскихъ духовенствъ [1])"...

Признаніе ненормальности положенія епископовъ, препятствующаго ихъ пастырской дѣятельности и должному отношенію къ паствѣ, въ той или иной формѣ ясно обнаруживается и у нѣкоторыхъ изъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, которые находили нужнымъ затрогивать и этотъ вопросъ. Въ извѣстныхъ „Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ", одинъ изъ преосвященныхъ прямо заявляетъ, что „одни епископы безъ участія духовенства епархіи не могутъ быть на соборѣ выразителями церковнаго сознанія, устами своей вѣрующей паствы. Они по причинѣ обширности своихъ епархій и многочисленности пасомыхъ, поставлены въ невозможность близко знать свою паству и даже подвѣдомственное имъ духовенство, не имѣютъ по той же причинѣ тѣсной связи со своею паствою. Поэтому они не могутъ быть сами по себѣ выразителями голоса своихъ паствъ [2])... Или вотъ замѣчаніе другого епархіальнаго епископа: „При необычайной обширности епархій и большомъ числѣ ихъ населенія не было въ древней Руси, нѣтъ и въ современной Россіи, непосредственныхъ близкихъ отношеній архіереевъ къ ихъ паствѣ и духовенству, вслѣдствіе чего они были и по днесь являются, не столько архипастырями, сколько высшими начальниками, окружными чиновниками [3])...

Какъ странно при такъ условіяхъ по вопросамъ предстоящихъ церковныхъ преобразованій брать въ основаніе положеніе, что епископы тѣсно связаны съ паствой и олицетворяютъ ее въ себѣ! Вѣдь это значитъ уже совершенно

---

[1]) Исторія Русской Церкви. Т. I. Періодъ I., гл. III, стр. 369 и 368.
[2]) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ. Спб. 1906 г. Часть I., № 24, стр. 521.
[3]) Отзывы еп. арх. Ч. II, № 51, стр. 52.

не считаться съ дѣйствительной жизнью и ея прямыми указаніями, а лишь внѣшне копировать то, что было въ Церкви въ прежнее время. Сначала еще необходимо постараться возстановить болѣе нормальное положеніе епископовъ, которое имѣли въ виду церковныя правила, и уже послѣ этого можно добиваться полнаго примѣненія къ современному устройству древнихъ каноновъ. Иначе мы будемъ отстаивать извѣстный церковный порядокъ ради него самого съ пренебреженіемъ жизнью, для спасенія которой предназначенъ и самый этотъ порядокъ. Въ настоящее время, при утратѣ пастырями духовнаго вліянія на общество и закравшимся духѣ взаимнаго недовѣрія между духовенствомъ и народомъ особенно необходимо возможно чистое выступленіе епископовъ передъ сознаніемъ людей въ качествѣ служителей Божіихъ. Теперь для епископовъ особенно нужно слѣдовать заповѣди апостола быть учительну (1 Тим. III, 2), и по примѣру апостола умѣть приспособляться въ этомъ отношеніи къ потребностямъ окружающихъ людей (Дѣян. XVII, 22—23), сознанію которыхъ угрожаетъ большая опасность быть захваченнымъ разнаго рода ученіями и взглядами лишь по формѣ кажущимися христіанскими. Неисполненіе же со стороны архіереевъ ихъ обязанности—быть духовными учителями паствы,—древнія церковныя правила, признаютъ полнымъ нарушеніемъ задачъ епископскаго служенія, и недостатокъ этого не можетъ быть пополненъ никакимъ формальнымъ пользованіемъ епископскими правами и властью. Епископъ, нерадящій о причтѣ и о людяхъ и не учащій ихъ благочестію, на основаніи 58 правила апостоловъ долженъ быть отлученъ. А если останется въ семъ нерадѣніи и лѣности да будетъ изверженъ. По поводу этого правила Зонара, обращая вниманіе, что на всякомъ епископѣ лежитъ непремѣнный долгъ учить народъ догматамъ благочестія и приводить его къ правой вѣрѣ и честной жизни, справедливо замѣчаетъ: Вѣдь и Богъ черезъ пророка говоритъ предстоятелямъ народовъ. „Когда Я скажу беззаконнику: смертію умрешь, а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника отъ беззаконнаго пути его, чтобы онъ живъ былъ, то беззаконникъ тотъ умретъ въ

беззаконіи своемъ, и Я взыщу кровь его отъ рукъ твоихъ“ (Іезекіиля III, 18 [1]). Объ этой же важной обязанности епископовъ напоминаетъ и 19 правило Трулльскаго собора, постановляюще, что „предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія...

Теперь болѣе чѣмъ когда либо, Россія нуждается въ добрыхъ пастыряхъ, нравственно-духовно тѣсно связанныхъ съ своими овцами, зовущихъ своихъ овецъ по имени и передъ нимъ идущихъ (Іоан. X, 3 –4)...

Но истинное и плодотворное пастырство развѣ возможно безъ возстановленія близкихъ отношеній съ паствой, безъ умѣнія понимать ея запросы и отдавать себѣ ясный отчетъ въ духовномъ состояніи людей, среди которыхъ предстоитъ дѣйствовать? Вотъ какія соображенія объ этомъ можно найдти и въ „Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ“. „Объ оздоровленіи христіанской жизни,—пишетъ одинъ изъ преосвященныхъ, безъ чистаго и любвеобильнаго общенія архіерея съ пасомыми и духовенствомъ, безъ его частаго и личнаго благодатнаго воздѣйствія на устроеніе христіанской жизни въ приходахъ и благочиніяхъ, въ которыхъ бы архипастырь являлся не столько начальникомъ, сколько отцомъ пастырей и христіанъ, связаннымъ съ ними на жизнь и на смерть, временно и вѣчно, и думать невозможно. Пока архипастыри будутъ для духовенства и народа почти чуждыми имъ чиновными властителями въ родѣ начальниковъ губерній, дѣятельная любовь и христіанскія добродѣтели не могутъ быть возстановлены въ духовенствѣ и народѣ [2])...

При столь печальномъ состояніи церковной жизни, какое обнаруживается теперь въ Россіи, развѣ возможно удовлетворить потребностямъ реформы и разрѣшить главные вопросы преобразованій выдвиганіемъ на первое мѣсто власти епископовъ и рѣзкимъ выдѣленіемъ ихъ положенія въ Церкви съ низведеніемъ роли клира и мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ лишь къ обязанности чуть-ли не внѣшняго повиновенія

[1]) Правила святыхъ апостолъ съ толкованіями. Изданіе 3-е. Московск. Общества любит. дух. просв. М. 1901 г., стр. 107.
[2]) Отзывы епарх. арх. Ч. III, № 49, стр. 13.

власти епископовъ? Полагать въ наше время въ основаніе устройства тѣхъ или иныхъ учрежденій по церковному управленію одну власть епископовъ, по моему мнѣнію, значитъ повредить всему дѣлу предстоящихъ преобразованій. Усиленіе и безъ того лишь внѣшнее, а иногда и прямо какъ гнетъ, ощущаемой власти епископовъ, при разъединеніи ихъ съ клиромъ и народомъ, еще болѣе увеличитъ разстояніе между епископами и паствой, которая прежде всего жаждетъ отъ нихъ руководства къ спасенію души, а вовсе не выступленія въ роли начальниковъ духовнаго вѣдомства или строгихъ карателей людей, внѣшне не исполняющихъ ихъ распоряженій. Кромѣ того церковное управленіе, построенное на власти разъединенныхъ съ паствой епископовъ, легко можетъ съ одной стороны способствовать развитію деспотизма, а съ другой вызывать враждебныя чувства и склонность поступать произвольно безъ единодушія съ епископами или даже вести къ отрицанію самой епископской власти, какъ это уже и произошло во многихъ странахъ Западной Европы вслѣдствіе стремленій римскаго католицизма сосредоточить все церковное управленіе въ рукахъ одной іерархіи и внѣшне подчинить ей паству. Усматривать путь къ правильному устройству управленія въ отстаиваніи власти и правъ епископовъ, какъ это дѣлаютъ противники допущенія клира и мірянъ, это помимо еще большаго закрѣпленія раздѣленія церковнаго организма, едва ли соотвѣтствуетъ и самому значенію власти и правъ въ области Церкви, пониманіе которыхъ здѣсь должно быть отлично отъ существующихъ въ области государства. Св. Іоаннъ Златоустъ, напримѣръ, находитъ нужнымъ отмѣтить, что царю ввѣрено попеченіе о дѣлахъ, а священнику о душахъ; царь принуждаетъ, а священникъ увѣщеваетъ: у одного—необходимость, у другаго—свободная воля: одинъ располагаетъ оружіемъ вещественнымъ, другой - оружіемъ духовнымъ.

Лѣтъ 35 тому назадъ въ Россіи, какъ извѣстно, былъ возбужденъ вопросъ о духовно-судебной реформѣ. При разработкѣ этой реформы обнаружились разныя теченія. Одни, по свидѣтельству Гиляров-Платонова, занялись отстаиваніемъ архіерейскаго полновластія, другіе пошли противъ

него. Замѣтимъ здѣсь кстати, что такимъ образомъ вопросъ о ненормальномъ положеніи епископовъ въ Русской Церкви и необходимости болѣе активнаго участія въ ея дѣлахъ другихъ членовъ Церкви поднимался и прежде и, конечно, ужъ не подъ вліяніемъ современнаго освободительнаго политическаго движенія. Причину этого, очевидно, нужно искать не въ какихъ либо посторонихъ для Церкви случайныхъ политическихъ обстоятельствахъ, а въ ненормальномъ состояніи самой церковной жизни, которая, какъ мы видимъ, не измѣнилась еще и въ наше время.

По поводу указанныхъ теченій при разработкѣ церковно-судебной реформы Гиляровъ-Платоновъ сдѣлалъ русскому обществу соотвѣтствующее разъясненіе, которое обращаетъ на себя вниманіе и которое не безполезно имѣть теперь въ виду и намъ: „Вотъ и споръ о непогрѣшимости, — писалъ онъ 10 октября 1871 года. Слово не произносится, но защитники архіерейской власти должны по совѣсти признаться, что они защищаютъ непогрѣшимость, если не желаютъ быть обличены въ худшемъ. Полновластіе, основанное на непогрѣшимости, будетъ имѣть по крайней мѣрѣ нравственную благовидность. Архіерейское полновластіе, говорятъ его защитники, имѣетъ основаніе въ церковныхъ правилахъ. Но церковныя правила (каноны) въ собственномъ смыслѣ взятыя не могутъ утверждать ничьего и ни въ чемъ полновластія. Они опредѣляютъ отношенія внутри самой церкви независимо отъ соотношеній ея съ другими общественными тѣлами, каково, напримѣръ, государство. А внутреннія отношенія церкви всѣ добровольны, жизнь Церкви есть выраженіе вѣры и любви, т. е. свободы въ обоихъ ея примѣненіяхъ, умозрительномъ и дѣятельномъ. Вѣра есть свободное воспріятіе истины, любовь — свободное ея примѣненіе“... Эти понятія Гиляровъ считаетъ коренными, касающимися сущности христіанства и его выраженіи черезъ Церковь. Церковныя же правила, по его убѣжденію, не могутъ противорѣчить основаніямъ христіанства и Церкви. Епископъ, если угодно, дѣйствительно полновластенъ, но вмѣстѣ и безвластенъ: полновластенъ надъ тѣми, кто его слушаетъ добровольно, не имѣетъ никакой власти — надъ тѣми, кто его не

принимаетъ. Самое понятіе о власти, Гиляровъ - Платоновъ находитъ примѣнимымъ къ іерархическимъ отношеніямъ лишь въ несобственномъ смыслѣ. Власти въ томъ смыслѣ, къ которому пріучили насъ мірскія отношенія и которымъ предполагается повиновеніе независимое отъ доброй воли, по физической невозможности противиться или по страху предвидимой кары, — такой власти совсѣмъ нѣтъ въ Церкви. „И епископскій чинъ есть, по его выраженію, не власть, а даръ и служеніе; даръ получаемый преемственнымъ рукоположеніемъ отъ апостоловъ, при содѣйствующей молитвѣ вѣрующихъ и сохраняемый чрезъ вѣрность апостольскому ученію при содѣйствіи опять общенія же вѣрующихъ въ молитвѣ и таинствахъ. Епископъ, лишенный общенія вѣрующихъ перестаетъ быть епископомъ,—не по своему праву (въ строгомъ смыслѣ право есть понятіе еще менѣе церковное, чѣмъ понятіе власть), а по существу. Съ лишеніемъ общенія онъ теряетъ даръ, имъ принятый черезъ рукоположеніе, какъ равно теряетъ его и отступничествомъ отъ апостольскаго ученія“. Но вѣрность апостольскому ученію, какъ поясняетъ Гиляровъ, сама судится собраніемъ же вѣрующихъ, хранящихъ преданіе и благодать цѣлымъ своимъ составомъ единодушнымъ въ вѣрѣ и любви, а не однимъ составомъ епископовъ. Равно наоборотъ: вѣрующіе міряне хранятъ преданіе и принадлежатъ къ Церкви при содѣйствіи епископскаго служенія. Оно связываетъ ихъ съ остальными членами Церкви: въ прошедшемъ и будущемъ непрерывностью рукоположенія, въ настоящемъ—таинствами и ученіемъ, преподаваемыми непосредственно и чрезъ рукополагаемыхъ пресвитеровъ, и взаимообщеніемъ чрезъ прочихъ епископовъ съ прочими церквами вселенной. Въ этомъ-то обоюдномъ, можно, сказать, круговоротномъ взаимно-содѣйствіи духовнаго общенія и состоитъ церковная жизнь; въ немъ и есть основаніе для іерархіи, въ немъ смыслъ таинствъ. Еслибы возможно было представить Церковь внѣ общенія съ епископомъ или епископа внѣ общенія съ вѣрующими, то было бы злоупотребленіе словами: то ни Церковь, ни епископъ. Собраніе, отвергнутое епископомъ, съ которымъ согласилось все епископство и съ нимъ остальные вѣрующіе, отлучено.

Епископъ, оставленный своею паствою, съ которою согласились всѣ остальныя паствы съ своими епископами, изверженъ. Епископъ полновластный по существу будетъ епископъ, не нуждающійся въ общеніи вѣрующихъ, или же общеніе вѣрующихъ должно будетъ признать не нуждающимся въ ихъ доброй волѣ. Тогда ихъ молитва за епископа будетъ не даръ любви вспомогающей и терпящей, а повинность; соучастіе въ таинствахъ — не духовное единеніе, а пожалованіе съ одной и знакъ подданства съ другой стороны, что и обнаруживается во взглядахъ западныхъ вѣроисповѣданій, которыя въ этомъ случаѣ оба стоятъ на одномъ началѣ, несмотря на свою противоположность... Сторонники архіерейскаго полновластія нерѣдко стараются оградить себя отъ напоминаній о ихъ сходствѣ съ католицизмомъ или протестствомъ указаніемъ, что римскіе католики признаютъ не только епископовъ, но и папу, и что ослабленіе епископской власти близится съ протестанствомъ. Но Гиляровъ считаетъ эти указанія не имѣющими значенія въ отношеніи общаго направленія мыслей. Указываемыми особенностями западныхъ исповѣданій, по его мнѣнію, доказывается лишь одно, что оба они разсуждаютъ послѣдовательнѣе православныхъ ревнителей епископскаго самовластія,—каждое въ свою сторону. *Догматъ пастыря*, по справедливому замѣчанію Гилярова, *есть только завершеніе власти нравственно уединенной отъ состава вѣрующихъ: отрицаніе іерархіи съ таинствами есть только завершеніе уединенности вѣрующихъ, обязанныхъ къ безучастному повиновенію.* Когда епископъ есть владыка для свой паствы, церковныя велѣнія котораго безусловно обязательны, тогда онъ есть глава своей Церкви. Видимымъ образомъ онъ замѣщаетъ ей невидимаго Главу, дарами Котораго единственно располагаетъ. Но видимымъ главой по существу, разсуждаютъ католики, долженъ быть одинъ, какъ одинъ невидимый, и вотъ они приходятъ къ ученію о папѣ.

Наоборотъ разсуждаютъ протестанты: Если епископство есть власть, не нуждающаяся для своей силы въ духовномъ соучастіи вѣрующихъ, слѣдовательно оно имѣетъ дѣло съ внѣшностью и есть внѣшнее установленіе, за каковую се и признаемъ. Духовная же связь съ невидимой главой

остается у каждаго непосредственно. Отсюда полное отверженіе священства съ большинствомъ таинствъ и извращеніе смысла остальныхъ. Таковы выводы обоихъ исповѣданій изъ неправильнаго пониманія значенія епископа въ Церкви. Но можно въ этомъ отношеніи не доходить до конца и останавливаться какъ бы на полдорогѣ, что Гиляровъ считаетъ уже прямо не послѣдовательнымъ. Иные утверждаютъ, что церковныя велѣнія епископа не безусловно обязательны. Относительно пасомыхъ онъ полновластенъ, но самъ подчиненъ собору епископовъ, который есть высшая власть и надъ нимъ и надъ всѣми вѣрующими; сюда въ случаѣ нужды и могутъ прибѣгать желающіе. Эти разсужденія Гиляровъ считаетъ до буквальной тождественности общими нашимъ ревнителямъ епископской власти съ западными противниками непогрѣшимости, не рѣшающимся принять законныхъ выводовъ изъ своихъ же началъ. Когда соборность всѣхъ вѣрующихъ не прибавляетъ имъ духовной силы сравнительно съ каждымъ отдѣльно, въ силу чего у собора епископовъ, спрашиваетъ Гиляровъ, оказываются лишніе дары противъ каждаго отдѣльнаго епископа? Соборность усугубляетъ епископамъ даръ таинодѣйствія, восполняетъ духовную силу. Отчего то же начало бездѣйствуетъ въ приложеніи ко всему составу вѣрующихъ, который есть соборность еще болѣе полная? „Либо соборность, отвѣчаетъ онъ, и тогда не однихъ епископовъ, а всѣхъ вѣрующихъ съ епископами включительно, и это будетъ круговое кольцеобразное движеніе, и тогда этотъ кругъ будетъ истиннымъ образомъ церкви, которому тѣло съ его кругообращеніемъ соковъ, останется дѣйствительнымъ подобіемъ, чѣмъ обыкновенно и объясняютъ устроеніе церкви. Либо одиночность, — и вотъ разсѣянныя точки протестанскаго міра съ личностями каждая по себѣ. Или же наконецъ церковь нужно представлять въ видѣ конуса, гдѣ папа на вершинѣ является для всѣхъ единственнымъ источникомъ небеснаго свѣта и силы. Во всякомъ случаѣ по основнымъ понятіямъ о церкви она должна быть представляема какъ тѣло, гдѣ есть круговращеніе соковъ, а не какъ машина, гдѣ отъ главнаго привода вертится все остальное“. Собору епископовъ, замѣчаетъ Гиляровъ - Пла-

тоновъ, не придавалось значенія военныхъ совѣтовъ, гдѣ генералы — разсуждаютъ, потому что они командуютъ. Соборами провѣрялось лишь преданіе, хранимое всею церковью во всемъ ея составѣ. Если обычай ввелъ потомъ наименованіе „отцовъ — архипастырей“ и „владыкъ,“ то даже въ худшія времена не усвоивалось епископами названія „отцовъ — командировъ“ [1]).

Остановить вниманіе на соображеніяхъ Гиляров - Платонова я считалъ нужнымъ и для того, чтобы показать, насколько осторожно слѣдуетъ поступать въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій, чтобы не уклониться отъ апостольской идеи Церкви, и какъ опасно руководствоваться по отношенію къ нимъ формальными понятіями о власти и правахъ.

То или иное церковное устройство является какъ бы затвердѣвшей мыслью или принципомъ, лежащими въ его основаніи, и въ зависимости отъ этого оно будетъ вліять на жизнь и на сознаніе людей. Если основная мысль или принципъ церковнаго устройства окажется неправильнымъ и несогласнымъ съ апостольской идеей Церкви, а лишь разсчитаннымъ на поддержаніе правъ и власти епископовъ, то подобное устройство легко можетъ подать поводъ къ дальнѣйшимъ послѣдовательнымъ, но вреднымъ для блага Церкви, выводамъ изъ неправильнаго основанія, какъ это мы видимъ на примѣрахъ римскаго католицизма и порожденія его — протестанства.

Если въ области Церкви и возможно говорить о власти и правахъ, то уже никакъ нельзя отдѣлять ихъ отъ представленія извѣстнаго нравственно-духовнаго состоянія тѣхъ, по отношенію къ кому они простираютъ свое дѣйствіе. Съ понятіемъ власти въ другихъ областяхъ жизни мы соединяемъ возможность принужденія и дѣйствованія ради общественной пользы, въ интересахъ чего-то коллективнаго, при чемъ личность, подвергающаяся дѣйствію власти, какъ таковая, теряетъ свое значеніе. Въ сферѣ же церковной жизни власть выступаетъ съ инымъ характеромъ. Она, напримѣръ, тѣмъ выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе носитель ея обна-

---

[1]) Вопросы Вѣры и Церкви. И. И. Гиляровъ - Платоновъ. Москва 1905 г. т. I. стр. 302 — 307 и Газета „Современныя Извѣстія“ 1871 года № 279.

руживаетъ не внѣшней силы и принужденія, а внутренняго самоотреченія на пользу другихъ. Спаситель ясно высказалъ своимъ ученикамъ: „вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи ихъ властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ, а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугой и кто хочетъ быть первый между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ. (Марк. X, 42—44). Церковная власть является таковой для людей лишь, насколько они признаютъ отъ нея свою зависимость и готовы ей подчиняться. Отстаиваніе же этой власти внѣшними способами или ради общаго порядка съ пренебреженіемъ духовными интересами отдѣльныхъ личностей не соотвѣтствовало бы христіанскимъ задачамъ. Св. ап. Петръ умоляетъ пастырей пасти Божіе стадо, не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ. (1 Петра V, 3). Церковная власть прежде всего должна быть проникнута христіанскимъ духомъ, а духъ этотъ требуетъ не погибели человѣческихъ личностей, а ихъ спасенія. (Лук. IX, 52—56), и при потерѣ изъ 100 овецъ даже одной побуждаетъ оставить 99 и итти за одной пропавшей, пока ея не найдетъ, а по отысканіи радоваться о ней, приглашая къ участію въ этомъ и другихъ. (Лук. XV, 4—7).

Подобно этому и понятіе права, взятое изъ области государства и служащее къ разграниченію различныхъ интересовъ, не можетъ быть примѣняемо въ томъ же смыслѣ и къ Церкви, представляющей изъ себя цѣлостный организмъ, объединяющій людей одними интересами. Въ Церкви отдѣльные члены связываются въ одно нравственно-духовное общеніе и какъ одно цѣлое работаютъ надъ продолжающимся насажденіемъ и созиданіемъ Царства Божія въ ихъ собственной средѣ и въ человѣчествѣ внѣ его стоящемъ.

Такимъ образомъ понятіемъ о власти епископовъ отнюдь не слѣдуетъ оперировать безъ неразрывно связаннаго съ нею понятія о нравственно-пастырскомъ авторитетѣ. Иначе это легко можетъ вести къ смѣшенію на практикѣ формальныхъ правъ епископовъ съ ихъ чисто-пастырской дѣятельностью и къ значительному ослабленію и даже вытѣсненію послѣдней. Опытъ жизни ясно показываетъ, что не-

рѣдко при усиленіи внѣшней власти и внѣшняго почета духовенства вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннее уваженіе къ нему понижается и его духовное вліяніе теряетъ силу.

Для насъ затемнилась самая идея Церкви. Мы не чувствуемъ исходящаго отъ нея духовнаго свѣта и силы. Мы не имѣемъ сознанія необходимости участвовать въ ея нравственно-духовномъ общеніи и относиться къ ней подобно живому члену къ своему общему организму. Мы привыкли встрѣчать въ епископахъ чиновниковъ, требующихъ повиновенія ихъ чуждымъ намъ начальственнымъ наставленіямъ и распоряженіямъ, а намъ необходимы пастыри близкіе къ нашимъ духовнымъ нуждамъ и ясно указывающіе намъ жизненный путь среди взбалмученнаго моря современной жизни...—Въ такомъ направленіи русское общество, если и не разсуждаетъ по недостатку у него интереса къ вопросамъ церковнымъ, то по крайней мѣрѣ предъявляетъ безсознательныя требованія къ духовенству. А все это, безъ сомнѣнія, должно быть принято во вниманіе при измѣненіи нашего церковнаго строя. И развѣ можно отвѣтить на столь вопіющія современныя церковныя нужды, когда намъ по поводу нихъ какъ бы говорятъ: Дайте побольше власти епископамъ и признайте ихъ положеніе, которое имѣли въ виду древніе каноны, хотя бы это положеніе и противорѣчило указываемому дѣйствительной жизнью. Тогда церковная жизнь потечетъ иначе. Сами епископы, очевидно, сдѣлаются „правиломъ вѣры, образомъ кроткости и воздержанія учителемъ“, въ паствѣ зацвѣтетъ духовная жизнь и люди ближе станутъ къ Церкви. Но представлять ходъ вещей въ такомъ порядкѣ значитъ какъ разъ и выдвигать на первый планъ формальную власть епископовъ и раздѣлять ее отъ неразрывно связаннаго съ нею ихъ нравственно-духовнаго авторитета. Въ наше время лишь путемъ высокой духовной дѣятельности, способной свѣтить всѣмъ и требующей, можетъ быть, даже прямаго исповѣдничества со стороны духовенства, только и возможно возстановить передъ сознаніемъ общества слишкомъ пошатнувшійся пастырскій авторитетъ. Возвышеніемъ же власти епископовъ при разрывѣ ихъ съ паствой и ссылками въ оправданіе этого на древніе

каноны дѣлу не поможешь. Итакъ одну изъ главныхъ задачъ предстоящихъ преобразованій ясно составляетъ созданіе такихъ условій, которыя способствовали бы объединенію разрозненныхъ членовъ Церкви, епископовъ, клира и мірянъ и возрожденію чисто пастырскаго авторитета епископовъ, съ предоставленіемъ епископамъ бо́льшей возможности для ихъ духовной дѣятельности, прежде всего и требующейся отъ нихъ, какъ пріемниковъ апостоловъ. По поводу этого можетъ быть скажутъ, что подобная дѣятельность епископовъ зависитъ отъ ихъ внутреннихъ стремленій и рѣшимости воли. Конечно, объ этомъ не нужно забывать, но значительное вліяніе на выполненіе епископами своего служенія самыхъ порядковъ управленія открыто признается въ разныхъ формахъ, какъ мы видѣли, и ими самими. Вспомнимъ, наприм., какъ много жалобъ раздается со стороны епископовъ на то, что близкое участіе Оберъ-Прокурора св. Синода въ церковномъ управленіи препятствуетъ имъ выполнять свое назначеніе. Такимъ образомъ даже и такое, казалось бы внѣшнее для Церкви обстоятельство, какъ участіе Оберъ-Прокурора, по утвержденію самихъ епископовъ, можетъ мѣшать ихъ пастырской дѣятельности. Что же остается сказать о многихъ другихъ условіяхъ, съ которыми приходится сталкиваться епископамъ, и которыя, по моему мнѣнію, уже противъ воли епископовъ способны затруднять и даже вовсе вытѣснять ихъ пастырскую дѣятельность?

Попробуйте отдать себѣ отчетъ, что такое современное церковное управленіе въ Россіи. Выше я уже обращалъ вниманіе, въ какое положеніе стали подъ его вліяніемъ русскіе епископы. Очевидно, въ церковное управленіе входятъ элементы, далеко не вполнѣ гармонирующіе съ высшей духовной дѣятельностью и даже способные понижать ея энергію. Вѣдь въ Россіи болѣе 40000 приходовъ, десятки тысячъ духовенства, монашествующихъ, множество духовноучебныхъ школъ и т. п. Все это, естественно, дѣлаетъ русскую церковную жизнь очень обширной и сложной и съ ея внѣшней стороны. Для удовлетворенія церковныхъ нуждъ необходимы большія издержки и умѣлое ихъ распредѣленіе и вообще пользованіе разнаго рода земными средствами и условіями, что не мо-

жетъ не требовать особыхъ знаній и опытности. Церковное управленіе преслѣдуетъ и интересы, такъ сказать, земнаго благоустройства Церкви и во многомъ соприкасается съ тѣми сторонами жизни, въ которыхъ Церковь выступаетъ какъ видимое земное общество. Управленіе ея въ этомъ отношеніи не заключаетъ въ себѣ ничего таинственнаго, догматическаго и напоминаетъ то, что свойственно и другимъ видимымъ обществомъ. Поэтому не удивительно, что епископы завалены дѣлами, касающимися внѣшнихъ порядковъ Церкви. Въ теченіе года ихъ наростаетъ громадное количество и у епархіальныхъ архіереевъ и въ консисторіяхъ и св. Синодѣ. Избѣжать возникновенія подобныхъ дѣлъ едва-ли будетъ возможно по условіямъ русской церковной жизни, какъ бы мы ни перемѣщали центры ея управленія и какіе бы новые порядки для ихъ рѣшенія ни вводили. Измѣненія можно достигнуть только въ ускореніи разрѣшенія дѣлъ и уничтоженіи излишнихъ инстанцій. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что въ Россіи въ виду особыхъ отношеній Церкви и государства церковное управленіе тѣсно связано съ государственнымъ, что въ свою очередь еще болѣе внѣшне его усложняетъ. Если епископы сами будутъ заниматься всѣми частями церковнаго управленія, то по-прежнему вниманіе ихъ будетъ сосредоточиваться на вопросахъ внѣшняго управленія, а не пастырства, которое въ наше время требуетъ отъ епископовъ особенныхъ усилій и высоты христіанскаго настроенія. Благодатный даръ, получаемый епископами въ качествѣ пріемниковъ апостоловъ, опять не будетъ получать должнаго развитія въ своемъ главномъ назначеніи—пасти Церковь и спасать погибающихъ въ морѣ житейскомъ людей. Теперь для плодотворнаго пастырскаго вліянія на общество епископу необходимо понимать многія тонкости настроенія общественной мысли и чувства и внимательно слѣдить въ этомъ за своей паствой, чтобы имѣть возможность по заповѣди апостола быть всѣмъ для всѣхъ (1 Коринф. IX, 22). „Нарождающіяся съ необыкновенной быстротой новыя теченія и вѣянія жизни, какъ справедливо замѣчаетъ епископъ Могилевскій Стефанъ, требуютъ силы и новизны церковнаго слова“ [1]).

[1]) Отзывы епарх. арх. ч. I. № 8. стр. 25.

Теперь для епископовъ особенно необходимо, по выраженію архіепископа Волынскаго Антонія, „не только воспринять внутрь себя начало апостольскаго духа, но и облечься имъ передъ лицомъ міра“. Что-же, неужели развитію всѣхъ этихъ важныхъ сторонъ современнаго епископскаго служенія можетъ способствовать сосредоточеніе всѣхъ отраслей церковнаго управленія въ рукахъ одной высшей іерархіи и отстаиваніе въ дѣлѣ предстоящей реформы формальныхъ правъ и власти епископовъ? Напротивъ продолжительный опытъ русской церковной жизни ясно показываетъ необходимость такого устройства управленія, чтобы епископы не растрачивали на него все свое вниманіе и силу, и чтобы многія части управленія были переданы дѣятельному участію другихъ членовъ Церкви, для чего они по своему положенію, знаніямъ и опытности могутъ быть и гораздо полезнѣе. Вѣдь и сами апостолы для сохраненія возможности своей высшей дѣятельности — пребыванія къ молитвѣ и служеніи слову, лишь только церковная жизнь стала усложнятся, завѣдываніе тѣми ея сторонами, въ которыхъ пользуются земными средствами и условіями, передали другимъ членамъ Церкви. (Дѣянія VI, 2—4). Не выше же апостоловъ современные епископы! Соображенія эти находятъ полное подтвержденіе и въ сознаніи нѣкоторыхъ преосвященныхъ. Въ отзывѣ одного изъ нихъ мы можемъ прочесть: „По примѣру временъ апостольскихъ и по образцу древне-русскихъ братствъ, мірянамъ должно быть предоставлено дѣятельное въ своей мѣрѣ участіе во всѣхъ сторонахъ церковной жизни — въ выборахъ духовенства до патріарха включительно, въ церковномъ управленіи, судѣ и учительствѣ: имъ должно быть передано завѣдываніе, подъ наблюденіемъ діаконовъ и контролемъ священниковъ и епископовъ церковнымъ имуществомъ и хозяйствомъ, благотворительными и просвѣтительными церковными учрежденіями: мы же—пресвитеры и епископы,— по примѣру апостоловъ, въ молитвѣ и служеніи слову пребудемъ. „Въ частности епископы должны быть поставлены такъ, чтобы они по примѣру апостоловъ были свободны отъ всякихъ хозяйственныхъ и канцелярскихъ дѣлъ и пребывали только въ молитвѣ и служеніи слова, чтобы они были всѣмъ

вся, первые послѣдними и большіе рабами и служители всѣхъ, велики не по высотѣ своей власти, а своимъ внутреннимъ религіозно-нравственнымъ авторитетомъ, чтобы они,—архипастыри,—знали свою паству и глашали своихъ овецъ по имени, (уменьшеніе епархій по древнему примѣру), чтобы они были первыми миссіонерами, учителями и руководителями въ религіозно-нравственной жизни и пастырей и мірянъ, чтобы къ нимъ имѣли свободный во всякое время доступъ не только всякій клирикъ, но и мірянинъ" [1]).

Такимъ образомъ, когда церковное управленіе получило новый и очень сложный характеръ внѣшней дѣятельности сравнительно съ тѣмъ, какъ было въ древности, когда понятія пасти Церковь и управлять ею отнюдь не покрываютъ одно другое и на практикѣ не могутъ быть совмѣщаемы, когда нравственно-духовная связь епископовъ съ паствой разорвана, вслѣдствіе чего власть ихъ получила чисто внѣшній характеръ, благо Церкви требуетъ привлеченія къ активному участію въ церковномъ управленіи клириковъ и мірянъ.

Необходимость участія клира и мірянъ въ церковномъ управленіи вообще и выступленіе мірянъ въ болѣе активной роли въ церковной жизни можно сказать уже достаточно проникло въ современное церковное сознаніе. Здѣсь я не буду говорить о практикѣ многихъ другихъ православныхъ церквей, взглядахъ, все болѣе и болѣе распространяющихся въ русскомъ духовенствѣ и свѣтскомъ обществѣ. Я обращаю лишь вниманіе, что и сознаніе очень многихъ изъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, затронутое вопросами предстоящихъ преобразованій, должно было отмѣтить нужду для Церкви въ допущеніи клира и мірянъ къ участію въ церковномъ управленіи. Большинство преосвященныхъ ясно высказываютъ это, когда заходитъ рѣчь о составѣ Помѣстнаго Собора Русской Церкви. Но глубоко справедливому, наприм., разъясненію архіепископа Владимірскаго Никона, многія нужды Церкви извѣстны только паствѣ и способъ удовлетворенія ихъ ощутительнѣе пасомымъ, чѣмъ пасты-

[1]) Отзывы епарх. арх. Ч. № 21 стр. 334.

рямъ, подобно тому какъ голодъ понятнѣе для алчущаго, чѣмъ для его благотворителя, степень дѣйствія лѣкарствъ и облегченія болѣзни осязательнѣе для больного, чѣмъ для врача, который по заявленію больного на безполезность лѣкарства мѣняетъ ихъ и побуждается къ этому часто не своими знаніями, а только заявленіями больного на безсиліе лѣкарствъ. „Пастыри могутъ просмотрѣть многія дѣйствительныя и важныя нужды паствы, выработать мѣры для удовлетворенія нуждъ менѣе пригодныя, чѣмъ какія можетъ сама паства“ [1]). По соображенію другаго преосвященнаго, участіе въ церковномъ управленіи всѣхъ членовъ Церкви, безъ сомнѣнія, можетъ способствовать полному, твердому выраженію мысли и всестороннему раскрытію жизни церковной“ [2]). Многіе епархіальные епископы свидѣтельствуютъ также, что допущеніе достаточно активнаго участія мірянъ въ церковное управленіе послужитъ къ сближенію ихъ съ духовенствомъ и будетъ способствовать развитію въ народѣ интересовъ къ дѣламъ церковнымъ [3]). Вотъ какъ разсуждаетъ по этому поводу Олонецкая духовная консисторія, которой за отсутствіемъ на кафедрѣ архіерея было поручено св. Синодомъ представить свои заключенія по вопросамъ церковной реформы: „Сила и крѣпость Церкви заключаются въ живомъ непосредственномъ общеніи между всѣми ея членами, и потому всякое разобщеніе между послѣдними, особенно теперь, когда организація враждебныхъ Церкви силъ поражаетъ своею сплоченностью и энергіею, непремѣнно поведетъ церковную жизнь къ большему ослабленію и дальнѣйшей расшатанности и къ еще болѣе рѣзкому разъединенію епископовъ съ клиромъ и мірянами, изъ коихъ между послѣдними нерѣдко встрѣчаются лица съ большимъ интересамъ къ вопросамъ вѣры и Церкви Христовой. Дать возможность клиру и мірянамъ принимать живое участіе чрезъ своихъ представителей на соборахъ—значило бы приблизить ихъ къ духовенству и объединить всѣхъ въ едино стадо Христово, для полной церковной жизни“ [4]).

[1]) Отзывы епарх. арх. по вопросу о церковной реформѣ. Ч. I. № 16, стр. 211.
[2]) Отзывы. Ч. I. № 3, стр. 23.
[3]) Отзывы. Ч. I, № 12, стр. 148; № 16, стр. 212.
[4]) Отзывы епарх. арх. Ч. III, № 56, стр. 195.

А сближеніе клира и мірянъ съ епископами необходимо, конечно, и для самаго осуществленія въ церковномъ управленіи начала соборности, — главной основы и задачи всѣхъ предстоящихъ преобразованій.

„Проведеніе принципа соборности, состоящаго въ широкомъ взаимодѣйствіи и живомъ общеніи всѣхъ членовъ церковнаго организма“, по сознанію епископа Могилевскаго Стефана, указываетъ на необходимость правильно организованнаго представительства мірянъ[1]). Разсуждая объ участіи на соборѣ клира и мірянъ и признавая его не противнымъ древнимъ канонамъ, епископъ Стефанъ вполнѣ правильно замѣчаетъ, что по условіямъ современной жизни паствы русской Церкви оно болѣе, чѣмъ благовременно. „При сильномъ возбужденномъ нынѣ во всѣхъ классахъ русскаго народа стремленіи къ общественности и самоуправленію, клерикальный принципъ можетъ, по его справедливому разъясненію, повести къ тому, что не только наша интеллигенція, наполовину уже отшатнувшаяся отъ Церкви, но и тѣ еще православно русскіе слои, которые не потеряли связей съ Церковью, охотнѣе будутъ искать удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ въ разнаго рода сектанскихъ общинахъ съ ихъ широкимъ самоуправленіемъ и компактной организаціей, чѣмъ въ изолирующей ихъ отъ себя Церкви“[2]). Наконецъ и само Особое Присутствіе въ I отдѣлѣ и на общихъ собраніяхъ признало, что клиръ и міряне для блага Церкви должны войдти въ составъ Помѣстнаго Собора.

Допущеніе же клира и мірянъ въ качествѣ нужныхъ членовъ Собора естественно предрѣшаетъ и введеніе ихъ на извѣстныхъ условіяхъ въ церковное управленіе вообще. Для меня по крайней мѣрѣ совершенно не понятно, какимъ же образомъ можно разсуждать иначе. Ожидаемому Собору придется разрѣшать важнѣйшіе вопросы церковнаго управленія и устройства. Почему же участіе клира и мірянъ неполезно и не допустимо въ постоянномъ органѣ церковнаго управленія св. Синодѣ? Вѣдь и этотъ органъ долженъ быть

---

[1]) Отзывы. Ч. I, № 8, стр. 80
[2]) Отзывы. Ч. I, № 8, стр. 98.

организованъ по соборному типу, епископы въ немъ будутъ тѣ же, что и на Соборѣ, вѣдѣнію его будетъ подлежать по существу то же церковное управленіе, но преимущественно лишь по его текущимъ дѣламъ. Вообще же сравнительно съ Соборомъ св. Синодъ будетъ имѣть меньшее значеніе. Если клиръ и міряне требуются на Соборѣ, почему же ихъ нужно исключить изъ состава менѣе важнаго органа управленія?

Соображенія эти находятъ подтвержденіе и въ сознаніе нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ. „Принципы, которые будутъ положены въ организацію Собора, говоритъ одинъ изъ нихъ, должны лечь въ основу организаціи церковнаго и епархіальнаго управленія, а также въ основу организаціи церковно-приходской жизни. Правильное разрѣшеніе вопроса объ организаціи Собора будетъ правильнымъ предрѣшеніемъ всѣхъ фундаментальныхъ вопросовъ, касающихся церковной реформы[1]).

При такихъ условіяхъ отрицательное рѣшеніе вопроса объ участіи клира и мірянъ въ высшемъ центральномъ учрежденіи, св. Синодѣ, мнѣ кажется, является противорѣчіемъ съ постановленіемъ о составѣ Собора, и уже однимъ этимъ оно разрушаетъ само себя.

Защитники отрицательнаго рѣшенія вопроса стараются оправдать его тѣмъ, будто бы участіе клира и мірянъ въ высшемъ церковномъ управленіи, несогласно съ основнымъ устройствомъ Церкви и древними канонами. Но значеніе этого указанія подрывается ихъ же признаніемъ необходимости допущенія представителей клира и міряпъ на Соборъ, который самъ не только входитъ, какъ важный элементъ въ церковное устройство, но и явится для него органомъ законодательнымъ и сосредоточіемъ высшей духовной власти въ Русской Церкви. Кромѣ того во избѣжаніе недоразумѣній необходимо разъ навсегда запомнить, что настаивающіе на допущеніи клира и мірянъ въ высшее церковное управленіе не стремятся уравнивать ихъ во всемъ съ епископами. Клиръ и міряне должны участвовать на свойственныхъ имъ основаніяхъ и въ тѣхъ частяхъ церковнаго

[1]) Отзывы епарх. арх., по вопросу о церковной реформѣ. Прибавленіе. № 70, стр. 3.

управленія, въ которыхъ они могутъ быть полезны. Безъ сомнѣнія, міряне не могутъ рѣшать по существу вопросы управленія чисто духовныя, связанныя съ таинственной стороной епископскаго служенія, но въ многочисленныхъ и сложныхъ вопросахъ управленія, касающихъ Церкви, какъ видимаго общества, въ которыхъ клиръ и міряне по современнымъ условіямъ могутъ быть даже полезнѣе епископовъ, нѣтъ основаній лишать ихъ возможности раздѣлять съ епископами заботы объ интересахъ Церкви. Подобное участіе клира и мірянъ составляетъ даже ихъ современную обязанность въ силу апостольской идеи Церкви и ихъ принадлежности къ Церкви въ качествѣ ея живыхъ членовъ (1 Коринѳ. XII), въ судьбѣ которой они должны быть заинтересованы отнюдь не менѣе епископовъ. Церковь, по разъясненію св. Кипріана Карфагенскаго, обитаетъ въ епископѣ, клирѣ и вѣрномъ народѣ. Она есть народъ соединенный съ своимъ пастыремъ [1]). Такимъ образомъ и по мысли св. Кипріана сосредоточеніе всѣхъ заботъ о благѣ Церкви въ епископахъ и сведеніе роли клира и мірянъ лишь къ повиновенію ихъ распоряженіямъ не соотвѣтствовало бы самой церковной идеѣ и, какъ показываетъ, напримѣръ, состояніе русской церковной жизни оно можетъ быть даже вредно для Церкви. Поэтому естественно, что св. Кипріанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ пресвитерамъ и діаконамъ нашелъ нужнымъ высказать: „Съ самаго начала моего епископства я положилъ за правило ничего не дѣлать по одному моему усмотрѣнію безъ совѣта вашего и безъ согласія народа [2])... Вотъ какъ поступалъ одинъ изъ великихъ пастырей Православной Церкви, положившій душу свою за паству! Что же, онъ нарушалъ принципы церковнаго устройства и требованіе каноновъ? О необходимости подтвержденія церковныхъ постановленій народомъ и его сознательнаго къ нимъ отношенія находятся указанія въ сочиненіяхъ св. Василія Великаго [3]). Очень хорошо разсуждаетъ объ этомъ и св. Іоаннъ

---

[1]) Творенія св. Кипріана. Ч. II. О единствѣ Церкви.
[2]) Творенія св. Кипріана. Ч. I. Кіевъ. 1891 г. Письмо 27.
[3]) Творенія св. Василія Великаго. Изданіе 4. Ч. VII. Письмо къ Никольскому причту, № 221 и Письмо къ градоправителямъ Никополя, № 222.

Златоустъ. Обращая вниманіе на примѣры совокупнаго дѣйствованія всѣхъ членовъ Церкви, св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что онъ поступаетъ такъ, чтобы мы знали, что всѣ мы едино тѣло, и столько же различаемся одинъ отъ другого, сколько членъ отъ члена и чтобы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и *сами пеклись о всей Церкви, какъ о тѣлѣ всѣмъ намъ общемъ*. Это послужитъ и къ большему утвержденію, и насъ побудитъ къ большему преспѣянію. Послушай, какъ иногда и апостолы привлекали къ участію въ своихъ рѣшеніяхъ подчиненныхъ. Такъ, когда они поставляли семь діаконовъ, то сообщили объ этомъ прежде народу. Когда Петръ избиралъ Матфія, то предложилъ о томъ всѣмъ тогда съ нимъ бывшимъ—и мужамъ и женамъ. И это потому, что здѣсь (въ Церкви) нѣтъ ни высокомѣрія начальствующихъ, ни раболѣпства подчиненныхъ... Въ Церкви должно жить, какъ въ одномъ домѣ... Слезъ достойно настоящее наше состояніе. Такъ далеко мы отторглись другъ отъ друга, между тѣмъ какъ надлежало бы изображать собою союзъ одного тѣла. Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большему. И нынѣ, если одинъ не говоритъ полезнаго, пусть другой встаетъ и говоритъ. Хотя бы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что-нибудь полезное предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній,—не оставь безъ вниманія... Не будемъ непремѣнно почитать достойнымъ предпочтенія то, что предлагаемъ сами, но то, что окажется полезнымъ, это пусть и одобряется всѣми. Многіе при слабомъ зрѣніи распознаютъ иное лучше имѣющихъ острое зрѣніе, потому что тщательно разсматриваютъ... „Такъ созидаясь, и Церковь получитъ бо́льшее приращеніе, прибавляетъ св. Іоаннъ Златоустъ [1]).

Правда, въ древнихъ канонахъ не говорится объ участіи клира и мірянъ въ церковномъ управленіи, но почему же этотъ отрицательный фактъ должно непремѣнно понимать какъ запрещеніе? Я уже обращалъ вниманіе, что во время составленія древнихъ правилъ положеніе епископа было со-

---

[1]) Творенія св. Іоанна Златоустаго. Изд. Петербург. Дух. Акад. Спб. 1904 г. Т. X., кн. 2. Бесѣда XVIII на 2 посланіе къ Коринфянамъ.

вершенно иное. Онъ стоялъ близко къ паствѣ и, не разрушая своей чисто пастырской дѣятельности, самъ могъ справляться съ несложнымъ церковнымъ управленіемъ. Необходимость участія въ немъ еще клира и мірянъ не могла тогда ощущаться столь настоятельно. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что участіе въ церковномъ управленіи народа вполнѣ замѣняло очень активное участіе въ немъ императоровъ, воплощавшихъ въ себѣ по тогдашнему возрѣнію весь народъ [1]). Поэтому, естественно, что вопросъ объ участіи клира и мірянъ не могъ въ то время подниматься за отсутствіемъ къ этому достаточныхъ основаній, и среди древнихъ каноновъ по поводу него не могло возникнуть тѣхъ или иныхъ церковныхъ правилъ. Вообще каноническими правилами не предусмотрѣно очень многое, что вызвано однако позднѣйшею церковною жизнью. Въ нихъ мы не найдемъ ничего касающагося, напримѣръ, организаціи нашей приходской жизни и даже епархіальнаго строя. Во всемъ этомъ намъ приходится поступать самостоятельно, не руководясь готовыми формулами, и конструировать управленіе лишь въ согласіи съ общими принципами церковной жизни и ея современными задачами и потребностями.

Если отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ факторахъ, подъ вліяніемъ которыхъ вызывалось образованіе древнихъ каноновъ, то становится еще яснѣе, что отсутствіе правилъ, нормирующихъ участіе клира и мірянъ, вовсе не можетъ быть разсматриваемо, какъ свидѣтельство противъ такого участія. Еще въ посланіи Варнавы задача собора опредѣляется, какъ изслѣдованіе того, что прилично и полезно всѣмъ возлюбленнымъ вообще [2]). Изъ актовъ III Вселенскаго собора видно, что соборы заботились о томъ, что „полезно и необходимо для согласія и общенія и благоустройства“ [3]).

---

[1]) Подробнѣе мной сказано объ этомъ въ книгѣ: *Преобразованія въ Русской Церкви.* Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. М. 1906 г. Глава IV, стр. 82—94.

[2]) Писанія мужей апостольскихъ. М. 1862 г. Посланіе апостола Варнавы. Гл. IV, 27.

[3]) Дѣяніе VII. Опредѣленіе святого и вселенскаго собора противъ нечестивыхъ мессаліанъ. Дѣянія Вселен. соборовъ. Издан. Казанской Дух. Академіей. Т. II.

Особенно же ясно выступаютъ мотивы, которыми руководились соборы при составленіи дисциплинарныхъ каноновъ, напримѣръ, въ 12 правилѣ Трулльскаго собора. Когда до свѣдѣнія Собора дошло, что въ Африкѣ, Ливіи и другихъ мѣстахъ епископы и послѣ совершенія надъ ними хиротоніи не отказываются жить съ своими женами, то Соборъ усмотрѣлъ въ этомъ „претыканіе и соблазнъ народамъ“, и пожелалъ воспретить это. Но какъ быть съ извѣстнымъ указаніемъ апостола, что епископъ долженъ быть одной жены мужъ, хорошо управляющій своимъ домомъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностью (1 Тим. III, 2 и 4)? И вотъ Трулльскій соборъ разсуждаетъ такъ: „Имѣя великое попеченіе о томъ, чтобы все устроять къ пользѣ порученныхъ паствъ, мы постановили, чтобы отнынѣ отнюдь не было ничего такого. Говоримъ это не въ смыслѣ непризнанія или извращенія того, что узаконено прежде апостолами, но прилагая попеченіе о спасеніи и преуспѣяніи народовъ къ лучшему и о томъ, чтобы не дать мѣста какому-нибудь нареканію на священное состояніе [1])... Такимъ образомъ польза современной паствы, забота объ ея преуспѣяніи на лучшее и удаленіе поводовъ къ нареканію на духовенство,— вотъ подъ вліяніемъ какихъ основаній возникли многіе древніе каноны. А подобныя причины, конечно, не относятся къ постояннымъ, долженствующимъ дѣйствовать въ церковной жизни во всѣ времена. Съ измѣненіемъ условій жизни и состоянія паствы, очевидно, возможны и прямо требуются новыя правила и даже отмѣна прежнихъ. Соборы ставили на первый планъ попеченіе о спасеніи окружающихъ людей и ихъ преуспѣваніе на лучшее, а вовсе не отстаиваніе извѣстнаго церковнаго порядка ради него самаго, который составляетъ, конечно, лишь вспомогательное средство для развитія христіанской жизни. Члены соборовъ не теряли чувства современной имъ дѣйствительности и подъ его вліяніемъ не останавливались даже передъ отмѣной яснаго апостольскаго правила. Вѣдь Церковь предназначена къ распространенію во всемъ мірѣ, она должна продолжаться во

---

[1]) Дѣянія Вселенскихъ соборовъ. Т. VI.

всѣ времена и охватить въ своемъ общеніи всѣ народы земли при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни. Поэтому совершенно не понятно, какимъ образомъ этотъ постоянно движущійся и расширяющійся процессъ нравственно-духовной жизни должно непремѣнно разсматриваться лишь съ точки зрѣнія положенія дѣлъ, бывшаго въ древней Византіи и стремиться, чтобы онъ, такъ сказать, окаменѣлъ въ формахъ и правилахъ, которыми и сами составители вовсе не имѣли въ виду создать какія-либо общія и неизбѣжныя нормы для церковной жизни всѣхъ временъ и народовъ. По вопросу о значеніи древнихъ дисциплинарныхъ каноновъ пользующійся въ церковныхъ кругахъ большимъ авторитетомъ митрополитъ Московскій Филаретъ разсуждаетъ такъ: „Каноны или правила св. Писанія составляютъ право непремѣнное или каноническое въ строжайшемъ смыслѣ. Опредѣленія Соборовъ и мнѣнія отцовъ Церкви есть ли не суть непремѣнныя слѣдствія правилъ св. Писанія, но токмо нѣкоторыя примѣненія оныхъ къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, подобно симъ обстоятельствамъ не суть не измѣняемы и называются въ особенности правомъ церковнымъ, которое заимствуетъ свою силу не столько отъ Божественной власти св. Писанія, сколько отъ церковнаго согласія и постановленія“ [1]). Второстепенное значеніе древнихъ каноновъ сравнительно со св. Писаніемъ долженъ былъ отмѣтить и Московскій Митрополитъ Платонъ, вызванный на это отвѣтомъ старообрядцевъ на составленную подъ его руководствомъ книгу: „Увѣщаніе Вселенской Церкви ко всѣмъ отъ нея отлучившимся“. Правила Соборовъ, по его утвержденію, относились къ прежнимъ временамъ и совершенно не могутъ быть почитаемы за равносильныя слову Божію, какъ думаютъ старообрядцы, запутывая этимъ сами себя [2]). И наука церковнаго права, подвергающая вопросъ о древнихъ канонахъ возможно широкому обсужденію, свидѣтельствуетъ, что дис-

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Московскаго Филарета. Т. I. Спб. 1885 г. № 45.

[2]) Замѣчаніе митрополита Платона въ полномъ видѣ напечатано въ Сборникѣ сочиненій И. И. Гилярова-Платонова. Т. II Урѣзанный документъ. Москва 1899 г. и въ книгѣ: Преобразованія въ Русской Церкви, Н. Д. Кузнецова. Москва. 1906 г., стр. 108.

циплинарныя нормы, относящіяся къ порядку церковнаго управленія, какъ сообразующіяся съ конкретными отношеніями мѣста и времени, не могутъ быть устанавливаемы на вѣчныя времена, не могутъ претендовать ни на непогрѣшимость, ни на неизмѣнность. Какъ всякое законодательство, направляющееся къ устроенію юридическаго порядка, дисциплинарное церковное законодательство должно двигаться впередъ вмѣстѣ съ движеніемъ церковной жизни и соотвѣтствовать ея потребностямъ[1]). Если такимъ образомъ обстоятельства времени вліяли на содержаніе древнихъ каноновъ, то вполнѣ согласно будетъ именно съ духомъ древнихъ каноновъ въ виду предстоящихъ преобразованій принять во вниманіе условія современной дѣйствительной жизни и ея новыя потребности, что я и пытался сдѣлать выше, и на что постоянно обращалъ вниманіе Особаго Присутствія[2]). Слѣдуя какъ разъ примѣру Трулльскаго Собора—стараться устроять все къ пользѣ паствы, прилагать попеченіе о спасеніи и преуспѣваніи народа къ лучшему и устранять поводы къ нареканію на епископовъ, мы и приходимъ къ заключенію о необходимости допущенія клира и мірянъ къ участію въ церковномъ управленіи. Польза русской паствы, какъ было указано, прежде всего требуетъ, чтобы епископы выступали передъ нею въ качествѣ добрыхъ пастырей, а не администраторовъ извѣстнаго церковнаго округа, которымъ некогда и не возможно оказывать на общество еще и должное духовное вліяніе. Русская паства очень нуждается въ нравственно-духовномъ объединеніи съ епископами. Только при этихъ условіяхъ для епископовъ и откроется возможность прилагать попеченіе о спасеніи и преуспѣваніи народа къ лучшему. Только тогда будутъ уничтожены и поводы къ тяжелому нареканію на епископовъ, что они стали лишь чиновниками, сосредоточившими свои заботы на внѣшнихъ дѣлахъ церковнаго управленія съ пренебреженіемъ своими главными чисто пастырскими обязанностями. Чтобы помочь

---

1) Н. С. Суворовъ. Учебникъ церковнаго права. § 85. Москва. 1902 г.
2) Журналъ засѣданія Общаго собранія 5 мая и журналъ засѣданія I Отдѣла 21 апрѣля № 9. Церковныя вѣдомости 1906 г. № 21; журналъ засѣданія Общаго собранія 12 мая. Церковн. Вѣдом. № 22 и друг.

всему этому, охранителямъ правъ епископовъ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ стараться о возстановленіи того положенія архіереевъ, которое было во время составленія древнихъ правилъ, для чего требуется значительное сокращеніе размѣровъ епархій и увеличеніе числа епископовъ въ Россіи. Епархіи никакъ не должны превышать, наприм., теперешніе уѣзды. Къ необходимости подобнаго строя склоняются и мысли нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Но противники допущенія клира и мірянъ въ церковное управленіе вовсе не расположены рѣшать вопросъ и въ такомъ самомъ естественномъ для нихъ направленіи. Одни изъ нихъ ссылаются на возможность недостатка средствъ для содержанія столькихъ епископовъ, какъ будто улучшеніе положенія епископовъ относительно паствы можетъ зависѣть отъ траты на нихъ достаточнаго количества денегъ. Другіе выражаютъ опасеніе, чтобы громадное увеличеніе числа епископовъ не повело къ умаленію ихъ авторитета и престижа власти, и этимъ лишній разъ показываютъ, что у нихъ на первомъ планѣ охраненіе формальныхъ правъ и власти епископовъ. Конечно, значительное увеличеніе числа епархіальныхъ архіереевъ во многомъ могло бы способствовать устраненію недостатковъ въ положеніи епископовъ. Но однимъ этимъ по крайней мѣрѣ въ настоящее время едва-ли было бы возможно ограничиться. Разъединеніе между духовенствомъ и народомъ зашло уже очень далеко, и возстановленіе между ними правильныхъ отношеній возможно только въ будущемъ и притомъ путемъ высокой духовной дѣятельности духовенства, доходящей въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, и до исповѣдничества. Пока же все это не произойдетъ, въ интересахъ улучшенія церковной жизни необходимы и другія мѣры, а изъ нихъ главная — призывъ епископовъ, клира и мірянъ къ общимъ заботамъ о благѣ Церкви и привлеченіе клира и мірянъ къ церковному управленію въ тѣхъ его частяхъ, которыя касаются Церкви, какъ видимаго общества. Выступленіе же клира и мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ въ болѣе активной роли, чѣмъ теперь, послужитъ, по убѣжденію многихъ, и къ самому сближенію епископовъ, клира и мірянъ. Безъ достаточнаго же увели-

ченія числа епархій, введеніе клира и мірянъ въ церковное управленіе является еще необходимѣе. Охранители архіерейской власти на основаніи все того же не оправдываемаго дѣйствительностью положенія, что епископъ тѣсно связанъ съ паствой и потому является естественнымъ ея представителемъ, возражаютъ, что допущеніе представителей клира и мірянъ въ церковное управленіе будетъ вреднымъ раздѣленіемъ живаго организма епархіи[1]). О чемъ же заботятся, дѣлая такое возраженіе? О сохраненіи того, что есть? Но едва-ли можно произвести еще большее раздѣленіе въ церковномъ организмѣ, чѣмъ существующее теперь и именно вслѣдствіе удовлетворенія формальнымъ положеніемъ епископовъ, которое слишкомъ рѣзко выставило ихъ въ качествѣ высшихъ духовныхъ чиновниковъ и слишкомъ мало оставило у нихъ чисто пастырской дѣятельности. Это-то вредное раздѣленіе между епископами и паствой и нужно уничтожить, а уже потомъ можно будетъ руководиться въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій и положеніемъ о неразрывной связи епископа съ паствой. Самая же идея представительства, какъ и все въ области Церкви, вовсе не выражается въ томъ формальномъ характерѣ, какъ въ общежитіи гражданскомъ. Здѣсь на первомъ планѣ элементъ духовно-нравственный. Представитель долженъ быть и сознавать себя нравственно-духовно связаннымъ съ тѣми, чьи мысли и нужды онъ призванъ выражать[2]).

При обсужденіи вопроса о составѣ Синода нужно также помнить, что подобный постоянный органъ высшаго церковнаго управленія вообще не установленъ древними канонами и ссылкой на нихъ вопросъ не можетъ быть рѣшаемъ. Правила Вселенскихъ Соборовъ, 5 Никейскаго, 19 Халкидонскаго, 8 Трулльскаго и 6 Седьмаго предписываютъ въ каждой области или митрополіи созывать ежегодно соборы и вовсе ничего не говорятъ о Синодѣ,

---

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 18 марта 1906 г. Церковныя Вѣдомости № 16.

[2]) Вопросъ о представительствѣ въ Церкви затронутъ нами въ книгѣ: Преобразованіе въ Русской Церкви. Гл. IV.

какъ учрежденіи постоянномъ, да еще центральномъ для всей Церкви. Задачей предписываемыхъ канонами соборовъ было разрѣшать общимъ совѣтомъ возникающія въ митрополіи спорные церковные вопросы и дѣла. По своему составу и организаціи соборы эти были близко связаны съ церковной жизнью митрополіи и предназначались къ ясному отраженію къ себѣ ея потребностей. Между тѣмъ предполагаемый Синодъ явится постояннымъ, а не періодическимъ, органомъ управленія и притомъ центральнымъ для всей Русской Церкви съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ членовъ. Здѣсь будетъ сосредоточено высшее церковное управленіе, и задачи его оказываются гораздо шире и разнообразнѣе тѣхъ, которые преслѣдовали древніе соборы въ митрополіяхъ. Поэтому основывать устройство Синода на правилахъ, относящихся къ этимъ соборамъ, какъ пытаются нѣкоторые[1]), не возможно. Это было бы такимъ произвольнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ каноновъ, которое давало бы поводъ къ отнятію у нихъ всякаго значенія по ихъ буквальному смыслу. Прототипомъ нашего Синода можетъ служить лишь, такъ называемый, Византійскій σύνοδος ἐνδημοῦσα, организація котораго однако вовсе не нормирована древними церковными правилами. Это лишь фактъ въ исторіи Церкви, который можно разсматривать какъ прецедентъ, а отнюдь не норму, опредѣляющую собой составы всѣхъ синодовъ.

Кромѣ того вѣдь и самыя задачи предполагаемаго въ Россіи Синода и кругъ его дѣятельности далеко не умѣщаются въ рамки древнихъ каноновъ и не совпадаютъ ни съ какими его византійскими прототипами. А съ задачами Синода и предметами его дѣятельности, выходящими за предѣлы чисто пастырскихъ обязанностей, — должна сообразоваться и самая его организація.

Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мысль о необходимости введенія въ составъ синода представителей бѣлаго духовенства и мірянъ раздѣляется и нѣкоторыми епар-

---

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 19 апрѣля Церковныя Вѣдомости. 1906 г. № 21, стр. 1333.

хіальными преосвященными[1]). Такимъ образомъ она вовсе не чужда и сознанію самихъ русскихъ епископовъ.

Не допускающіе введенія клира и мірянъ въ высшее церковное управленіе все таки находятъ, повидимому, нужнымъ дѣятельное участіе ихъ въ разныхъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ, которыя могутъ быть образованы при св. Синодѣ. Этого въ ихъ глазахъ и будетъ вполнѣ достаточно. Но при такомъ положеніи клира и мірянъ, по моему мнѣнію, сразу отнимается возможность провести въ устройство церковнаго управленія основной принципъ ученія о Церкви, какъ о живомъ организмѣ, развивающемся совокупнымъ усиліемъ всѣхъ его членовъ, и вытекающее отсюда начало соборности, признанное главной задачей всѣхъ преобразованій. Ограниченіе участія клира и мірянъ во вспомогательныхъ учрежденіяхъ при синодѣ поставитъ ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ чиновниковъ, подчиненныхъ Синоду и во многомъ отъ него зависимыхъ. Вмѣсто живой связи съ окружающимъ обществомъ и отраженіи въ себѣ его мыслей и потребностей между этими лицами и обществомъ будутъ стоять служебныя отношенія ихъ къ синоду. Гдѣ же въ такомъ случаѣ будетъ поводъ для нравственно-духовнаго объединенія въ общихъ заботахъ о Церкви епископовъ, клира и мірянъ въ качествѣ живыхъ членовъ церковнаго организма? Чѣмъ будетъ обезпечено по отношенію клира и мірянъ вполнѣ свободное и по совѣсти свидѣтельство ихъ о нуждахъ Церкви, столь необходимое въ постоянномъ органѣ церковнаго управленія? Можетъ-ли при такихъ условіяхъ быть гарантированъ у людей изъ клира и мірянъ достаточный притокъ изъ глубины ихъ души внутренней энергіи для служенія Церкви, если они будутъ дѣйствовать лишь въ роли подчиненныхъ чиновниковъ, соображенія и работы которыхъ могутъ не получить никакого значенія безъ всякихъ объясненій. Подобное положеніе людей изъ бѣлаго духовенства и мірянъ только еще яснѣе подчеркнетъ, что въ Россіи епископы суть выс-

---

[1]) Отзывы епарх. арх. Ч. II, № 34 стр. 175; ч. I, № 3 стр. 30; ч. I, № 21 стр. 334. Въ смыслѣ положительнаго рѣшенія этого вопроса недавно открыто высказался и Саратовскій епископъ Гермогенъ. (Голосъ Правды 20 іюня 1906 г. № 126).

шіе чиновники въ сферѣ церковнаго управленія и допущеніе клира и мірянъ къ общимъ заботамъ о Церкви возможно лишь въ роли нисшихъ чиновниковъ, обязанныхъ къ подчиненію высшимъ. А вѣдь устраненіе этого-то какъ разъ и составляетъ одну изъ задачъ церковныхъ преобразованій.

Если обратиться къ исторіи Церкви, то на ея протяженіи роль клира и мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ ясно обнаруживалась вовсе не только въ качествѣ подчиненныхъ епископамъ чиновниковъ, но и самодѣйствующихъ членовъ Церкви, когда, по выраженію св. Іоанна Златоустаго, если одинъ не говоритъ полезнаго, долженъ былъ вставать и говорить другой, хотя бы онъ былъ и меньшій. Мы разумѣемъ здѣсь, наприм., извѣстную дѣятельность св. Аѳанасія Великаго въ санѣ діакона на первомъ Вселенскомъ Соборѣ, пресвитера Мальхіона на Соборѣ для разбора ученія Павла Самосатскаго, мірянина Евсевія, адвоката Константинопольскаго, начавшаго обличать Константинопольскаго патріарха Несторія и т. д. Но и на подобное участіе многіе смотрятъ изъ за архіерейской власти и правъ и для охарактеризованія его пользуются понятіемъ какихъ-то экспертовъ или свѣдущихъ людей, заимствуемымъ изъ иной области жизни, преимущественно порядка юридическаго, гдѣ это понятіе является типическимъ. Даже такіе лица, какъ св. Аѳанасій Великій, пресвитеръ Мальхіонъ и друг., должны быть разсматриваемы, по ихъ взгляду, лишь какъ авторитетные эксперты [1]).

Я уже обращалъ вниманіе общаго собранія Особаго Присутствія на несоотвѣтствіе апостольскому ученію о Церкви опредѣленія роли клира и мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ лишь въ качествѣ экспертовъ [2]).

Добавлю здѣсь, что оно подрываетъ и отстаиваемое значеніе епископовъ. Если клиру и мірянамъ въ качествѣ свѣдущихъ лицъ будетъ поручено лишь составленіе наприм., плановъ и смѣтъ построекъ для нуждъ Церкви, устанавли-

---

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 16 марта. Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 16, стр. 890.

[2]) Журналъ общаго собранія 5 мая. Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 21, стр. 1309.

ваніе цѣнности ея имущества и т. п., то вѣдь это еще не значитъ привлекать ихъ къ управленію церковному и заставлять ихъ объединяться съ епископами въ общихъ заботахъ о благѣ Церкви, и, конечно, не о такой роли идетъ здѣсь рѣчь. Но участіе людей изъ клира и мірянъ, какъ показываетъ опытъ жизни, бываетъ необходимо и по вопросамъ, касающимся самой Церкви, наприм., для разъясненія смысла св. Писанія въ виду разныхъ запутанныхъ ученій распространяющихся въ обществѣ, и вообще для наиболѣе яркаго выраженія церковнаго самосознанія. Особенно ясно это обнаружилось во время аріанскихъ смутъ въ лицѣ св. Афанасія Великаго и при разборѣ ученія епископа Павла Самосатскаго въ лицѣ пресвитера Мальхіона, въ отсутствіи котораго одни епископы не могли вполнѣ ясно обличить неправильности ученія своего собрата[1]). Если подобные лица должны быть разсматриваемы, какъ эксперты, т. е. люди по своей спеціальности обладающіе наилучшимъ знаніемъ и пониманіемъ предмета, то оказывается, что епископы, одни являющіеся съ точки зрѣнія защитниковъ ихъ власти истинными хранителями православнаго ученія и выразителями церковнаго сознанія, нуждаются однако для выполненія этого въ экспертахъ... Очевидно, участіе клира и мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ и съ этой точки зрѣнія напрасно приравнивается къ роли какихъ-то экспертовъ.

Итакъ необходимость призыва представителей клира и мірянъ въ высшее церковное управленіе и его постоянный органъ св. Синодъ вытекаетъ изъ внутреннихъ потребностей самой церковной жизни.

Наконецъ нельзя забывать, что въ настоящее время государственный строй въ Россіи рѣзко измѣнился, а это не можетъ не отразиться и на формахъ отношеній между Церковью и государствомъ. Если связь между ними не будетъ разорвана, то естественно новый государственный строй долженъ будетъ повліять и на устройство церковнаго управленія. Въ виду привлеченія народа къ управленію государствомъ, то же самое для блага церкви должно въ извѣстной

[1]) Евсевій Памфилъ. Церковная Исторія. Книга VII, глава 29.

степени произойти и въ дѣлахъ церковныхъ уже по одному тому, что теперь въ лицѣ монарха не воплощаются всѣ права народа, какъ это было въ древней Византіи и ранѣе у насъ. Если же въ Россіи послѣдуетъ разрывъ между Православной Церковью и государствомъ, тогда тѣмъ болѣе необходимо возможно близкое участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ. Не говоря здѣсь уже о другомъ, этого прямо требуютъ интересы Церкви, какъ видимаго общества. Во всякомъ случаѣ по обстоятельствамъ времени, рано или поздно, по моему мнѣнію, придется стараться, чтобы міряне сами принимали возможно дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ, и гораздо лучше, если при церковныхъ преобразованіяхъ будутъ подготовлены для этого соотвѣтствующія формы и оно произойдетъ путемъ принципіальнымъ и мирнымъ.

Процессъ привлеченія клира и мірянъ къ дѣламъ церковнымъ съ предоставленіемъ имъ значительной активной роли въ высшемъ церковномъ управленіи уже произошелъ во многихъ другихъ православныхъ церквахъ, гдѣ не существуетъ тѣсной связи православной церкви съ государствомъ.

Вотъ какъ устроено, наприм., въ этомъ отношеніи управленіе въ Карловицкой митрополіи въ Австро-Венгріи: Согласно дѣйствующему уставу 1875 года церковное управленіе по дѣламъ касающимся стороны догматической и чисто-духовной (dogmatica et pure spiritualia) принадлежитъ архіерейскому синоду изъ карловицкаго митрополита-предсѣдателя и 6 епархіальныхъ епископовъ, созываемому митрополитомъ съ согласія императора одинъ разъ въ годъ. Другія же многочисленныя дѣла церковнаго управленія относятся къ вѣдѣнію народно-церковнаго собора. Естественными членами этого собора состоятъ епископы въ силу самаго ихъ положенія, а предсѣдателемъ—митрополитъ. Въ составъ его затѣмъ входятъ 25 выборныхъ членовъ изъ духовенства и 50 изъ мірянъ. Соборъ созывается митрополитомъ черезъ каждые три года, а также и въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Къ кругу вѣдѣнія собора, какъ указано въ уставѣ, относятся: 1) заботы о сохраненіи независимости Церкви, 2) сношенія съ архіерейскимъ синодомъ по вопросамъ о числѣ и

границахъ приходовъ, благочиній, епископствъ, организаціи духовныхъ консисторій и митрополичьяго церковнаго совѣта для аппеляцій по дѣламъ духовно-судебнымъ. 3) Организація народно-церковнаго собора, утвержденіе избранныхъ депутатовъ, распредѣленіе порядка его занятій, выборъ свѣтскаго вице-президента и секретарей. 4) Избраніе митрополита и назначеніе ему содержанія. 5) Организація Соборнаго Совѣта, который вѣдаетъ текущими дѣлами, разсматриваемыми соборомъ, выборы его членовъ, требованіе отъ него предварительныхъ соображеній по дѣламъ, подлежащимъ рѣшенію собора, и отчета въ его дѣятельности. 6) Организація Митрополичьяго Совѣта, избраніе его членовъ за исключеніемъ двухъ епископовъ. 7) Организація народно церковнаго школьнаго совѣта, избраніе его членовъ и требованіе отъ него отчета. 8) Дѣла, касающіяся епархіальнаго управленія: организація епархій, опредѣленіе ихъ числа и границъ, назначеніе содержанія епископамъ, организація епархіальныхъ собраній и другихъ вспомогательныхъ учрежденій. 9) Организація приходовъ, опредѣленіе ихъ числа и границъ, назначеніе содержанія духовенству. 10) Дѣла, касающіяся церковныхъ имуществъ: высшій надзоръ и распоряженіе ими, установленіе правилъ по ихъ управленію, пріобрѣтенію, отчужденію, и т. п., опредѣленіе ежегоднаго бюджета на общія нужды, входящія въ кругъ вѣдѣнія собора. 11) Дѣла, касающіяся организаціи школъ, избраніе главнаго школьнаго „референта“ и епархіальныхъ школьныхъ „референтовъ“ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Карловицкой митрополіи народу и духовенству отведено большое участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, какъ разъ по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которые и въ Россіи до сихъ поръ подлежатъ церковно-государственному управленію и рѣшаются далеко не одними епископами. Карловицкая митрополія въ Австро-Венгріи представляетъ изъ себя какъ бы островъ православія среди моря римскаго католицизма. Повидимому, именно столь активной роли народа въ дѣлахъ церковныхъ

[1]) Die Verfassung der orthodox-serbischen und orthodox-rümänischen Particular-Kirchen in Osterreich-Ungarn, Serbien und Rumänien von Magister Emilian Edler von Radic. Erster Buch. Prag. 1880 г.

она во многомъ и обязана, что до сихъ поръ еще не залита враждебнымъ православію моремъ римскаго-католицизма.

Будемъ также помнить, что въ Константинопольской Церкви на ряду съ Синодомъ уже 50 лѣтъ существуетъ народный постоянный смѣшанный Совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, 4 архіереевъ и 8 мірянъ, избираемыхъ на 2 года на особыхъ собраніяхъ. Совѣтъ дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ духовныхъ членовъ или самого патріарха, когда онъ присутствуетъ на засѣданіяхъ Совѣта. Къ вѣдѣнію Совѣта относятся церковныя дѣла, касающіяся имуществъ, школъ, разныхъ благотворительныхъ учрежденій и т. п. Но кромѣ того по Уставу Смѣшаннаго Совѣта члены его обязаны обращать вниманіе и на то, чтобы патріархъ прилагалъ попеченіе и ревность къ хорошему устройству православныхъ святыхъ мѣстъ въ предѣлахъ Турціи и къ прекрасному управленію ихъ имуществомъ. Каждый изъ членовъ Совѣта, какъ и всякій православный христіанинъ, узнавъ о какихъ-либо уклоненіяхъ клира, долженъ сообщить объ этомъ патріарху и Синоду, чтобы были приняты необходимыя мѣры. Самая печать употребляемая Смѣшаннымъ Совѣтомъ состоитъ изъ трехъ частей. Одна изъ нихъ находится въ распоряженіи духовныхъ членовъ Совѣта, а двѣ въ распоряженіи его свѣтскихъ членовъ. Ключъ же отъ нея находится у патріарха. Членамъ Смѣшаннаго Совѣта и другимъ представителямъ мірянъ отведена значительная роль и въ дѣлѣ избранія Константинопольскаго патріарха [1]). Подобно этому въ Антіохійской Церкви существуютъ Смѣшанные Совѣты во всѣхъ ея епархіяхъ, при чемъ особенное значеніе естественно получилъ Смѣшанный Совѣтъ въ епархіи патріарха въ г. Дамаскѣ. Во время патріаршества недавно умершаго Мелетія былъ составленъ проектъ преобразованія устройства церковнаго управленія. На ряду съ патріаршимъ Синодомъ, который подъ предсѣдательствомъ патріарха составляютъ два епархіальныхъ архіерея (митрополиты), смѣ-

---

1) Православное церковное право. Епископа Далматинскаго Никодима. Спб. 1897 г. §§ 87 и 86 и О современномъ управленіи Константинопольской Церкви. Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 11.

няющіеся въ извѣстный срокъ, и два архимандрита или епископа, живущіе при патріархѣ, въ Антіохійской Церкви долженъ быть центральный Смѣшанный Совѣтъ. Въ составъ этого совѣта входятъ 4 духовныхъ лица, члены Синода, и 8 свѣтскихъ, изъ коихъ 4 представителя православнаго населенія г. Дамаска, а 4 отъ другихъ епархій. Эти послѣдніе избираются всѣми 12 епархіями Антіохійской Церкви отъ каждой по одному, но въ засѣданіяхъ Смѣшаннаго Совѣта они участвуютъ лишь въ количествѣ 4 въ 3 смѣны по очереди отъ каждыхъ четырехъ епархій. Предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ старшій изъ митрополитовъ по рукоположенію, а иногда самъ патріархъ. Изъ церковныхъ дѣлъ къ кругу вѣдѣнія Совѣта относятся дѣла, касающіяся церковнаго имущества, доходовъ и расходовъ всѣхъ монастырей и церквей, забота о разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и вообще о внѣшнемъ благоустройствѣ Церкви. Послѣ смерти патріарха Смѣшанный Совѣтъ участвуетъ въ избраніи его мѣстоблюстителя, а затѣмъ и самаго патріарха. По отношенію къ Антіохійской Церкви можно сказать, что вообще въ дѣлахъ церковныхъ значеніе мірянъ далеко не мало[1]).

Въ Церкви Черногорской, какъ видно изъ Устава ея Синода отъ 30 декабря 1903 г. глава I § 10, кромѣ епископовъ непосредственно въ составъ св. Синода въ качествѣ его членовъ входятъ два архимандрита, три протопресвитера и синодальный секретарь[2]).

Въ Болгарской Церкви на ряду съ Синодомъ дѣйствуетъ Экзархійскій Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ экзарха изъ 6 мірянъ, избираемыхъ на 4 года клиромъ и народомъ всѣхъ епархій. Вѣдѣнію Совѣта подлежатъ дѣла о школахъ, постройкѣ церквей и пріютовъ, по управленію церковнымъ имуществомъ, контроль годовыхъ отчетовъ всѣхъ церквей и монастырей и разсмотрѣніе гражданской стороны въ брачныхъ спорахъ. Члены Экзархійскаго Совѣта и другіе пред-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія любезно сообщены намъ представителемъ Антіохійскаго патріарха въ Москвѣ архимандритомъ Игнатіемъ, который передалъ намъ съ арабскаго языка и содержаніе самаго проекта устройства управленія Антіохійской Церкви.

[2]) Новѣйшее устройство Православной Черногорской Церкви. Проф. И. С. Пальмова. Спб. 1905 г.

ставители епархій участвуютъ и въ избраніи Болгарскаго экзарха[1]).

Въ православной Сибинской митрополіи въ Австро-Венгріи высшее церковное управленіе принадлежитъ Народно-церковному собору, Митрополичьей Консисторіи и архіерейскому Синоду. Соборъ собирается черезъ каждые три года подъ предсѣдательствомъ митрополита изъ всѣхъ епископовъ, 30 духовныхъ и 60 свѣтскихъ представителей отъ епархіи. Вѣдѣнію собора подлежатъ заботы объ охраненіи свободы вѣроисповѣданія и независимости Церкви, управленіе всѣми дѣлами, касающимися церкви, школъ и ихъ имущества, избраніе митрополита и предсѣдателя Митрополической Консисторіи. Консисторія эта состоитъ изъ митрополита, епархіальныхъ архіереевъ и извѣстнаго числа духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, избираемыхъ Соборомъ изъ своего состава. Она раздѣляется на три отдѣленія, изъ которыхъ завѣдующее чисто церковными дѣлами состоитъ исключительно изъ духовныхъ членовъ. Архіерейскій же Синодъ вѣдаетъ дѣлами лишь чисто-духовными[2]).

Въ 1905 году епископами клиромъ, и представителями мірянъ былъ выработанъ Уставъ объ устройствѣ церковно-школьнаго управленія сербско-православныхъ епархій въ Босніи и Герцеговинѣ. 31 мая 1905 года уставъ этотъ получилъ одобреніе Константинопольскаго патріарха и Синода, а 31 іюля 1905 г. утвержденъ Австрійскимъ императоромъ. Какъ видно изъ Устава главы V § 201, центральнымъ органомъ по управленію православными сербскими церквами въ Босніи и Герцеговинѣ является Великій Административный и Просвѣтительный Совѣтъ въ городѣ Сараево. Въ составъ Великаго Великаго Совѣта входятъ всѣ митрополиты Босніи и Герцеговины и выборные на 3 года члены: по одному пресвитеру и 4 мірянъ отъ каждой епархіи, (§ 202). Предсѣдателями Великаго Совѣта состоятъ митрополиты, смѣняющіеся каждые два года въ порядкѣ ихъ рукоположенія

---

[1]) Болгарская Экзархійская Церковь. Проф. И. С. Пальмова. Спб. 1896 г. и Православное церковное право. Еп. Никодима. § 87.

[2]) Основныя черты церковнаго устройства у православныхъ Румынъ въ Австро-Угріи. Проф. И. С. Пальмова. Спб. 1898 г.

(§ 205). Къ вѣдѣнію Великаго Совѣта относятся разсмотрѣніе дѣлъ, восходящихъ въ него по апелляціямъ на постановленія епархіальныхъ административныхъ и просвѣтительныхъ совѣтовъ, дѣла касающіяся школъ, церковно-просвѣтительныхъ учрежденій и т. п. дѣла по надзору и управленію имуществомъ, назначеннымъ для церквей, школъ, духовенства, учителей и т. д. (§ 210)[1]).

Участіе клира и мірянъ въ высшемъ церковномъ управленіи разныхъ другихъ православныхъ церквей сосредоточивается обыкновенно въ особомъ учрежденіи, которое стоитъ на ряду съ архіерейскимъ Синодомъ, вѣдающимъ дѣла чисто духовныя, и носитъ иное названіе. Конечно, и по отношенію къ Россіи можно будетъ въ извѣстной степени слѣдовать тому же порядку. Но пока я не затрогиваю вопроса о подробностяхъ организаціи, такъ какъ рѣчь идетъ еще о самомъ принципѣ.

Итакъ, положеніе о необходимости извѣстнаго участія клира и народа въ церковномъ управленіи, по моему мнѣнію, является простымъ выводомъ изъ апостольскаго ученія о Церкви, теперешнихъ задачъ церковнаго управленія, современныхъ условій и потребностей жизни, и великой нужды въ чисто - пастырской дѣятельности русскихъ епископовъ. Осуществленіе этого положенія и можетъ послужить къ укрѣпленію вліянія Православной Церкви въ Россіи. Между тѣмъ какъ отверженіе его во имя охраненія формальныхъ правъ и власти епископовъ легко можетъ повести къ еще большему ослабленію въ народѣ интереса къ дѣламъ церковнымъ и его связи съ духовенствомъ и—кто знаетъ?—пожалуй подготовитъ и поводы для возникновенія какихъ-либо новыхъ раздѣленій въ Русской Церкви, на что уже и теперь начинаютъ обнаруживаться нѣкоторые намеки...

---

[1]) Статутъ церковно - школьнаго устройства сербскихъ православныхъ епархій (митрополій) въ Босніи и Герцеговинѣ. Сараево. 1905 г.

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 5 мая 1906 г. по вопросу о раздѣленіи голосовъ на предстоящемъ соборѣ на рѣшающіе и совѣщательные.

Понятія рѣшающаго и совѣщательнаго голоса на соборѣ чужды исторіи Церкви и канонамъ, которыми однако многіе хотятъ разрѣшать всѣ вопросы, выдвигаемые современной жизнью. Здѣсь мы, очевидно, сталкиваемся съ необходимостью руководствоваться не ими, а общими принципами, связанными съ понятіемъ о Церкви. Представленіе о различіи голосовъ заимствовано, очевидно, изъ другой области жизни изъ области порядка юридическаго. При разрѣшеніи, наприм., судебныхъ дѣлъ мы встрѣчаемся съ вопросомъ о голосѣ рѣшающемъ и совѣщательномъ. Понятіе его здѣсь и является типическимъ. Судъ, сознавая, что онъ не въ состояніи разрѣшить тѣ или иные возникающіе по ходу процесса вопросы, требующіе извѣстныхъ спеціальныхъ знаній или особаго отношенія къ жизни, допускаетъ участіе свѣдущихъ людей или экспертовъ съ голосомъ совѣщательнымъ. Эти люди вполнѣ самостоятельно, совершенно независимо отъ убѣжденій суда и непремѣнно съ свойственной ихъ опыту и знаніямъ точки зрѣнія должны установить тотъ или иной фактъ или освѣтить ту или иную сторону возникшаго вопроса. Послѣ этого судьи уже съ другой точки зрѣнія, правовой, разрѣшаютъ дѣло, принимая во вниманіе заключеніе экспертовъ. Такимъ образомъ незаинтересованность въ исходѣ дѣла и необходимость обсужденія вопроса исключительно съ извѣстной спеціальной точки зрѣнія, отличной отъ той, которой будутъ руководиться судьи, — вотъ главныя условія участія людей съ голосомъ совѣщательнымъ.

Перенесемся теперь въ область церковной жизни. Каждый живой членъ Церкви не можетъ не быть глубоко заинтересованъ въ ея дѣлахъ. Въ ней хранится та Евангельская жемчужина, для полученія которой мы должны продать все. Церковь, по выраженію святаго Іоанна Златоустаго, есть изъ душъ нашихъ устрояемый домъ, а по замѣчанію свя-

таго Амвросія Медіоланскаго, общее право всѣхъ. Когда затрогиваются интересы Церкви, это значитъ дѣло идетъ о томъ, чѣмъ мы живемъ и движемся, о нашемъ вѣчномъ спасеніи. При обсужденіи церковныхъ дѣлъ живой членъ Церкви не можетъ являться въ качествѣ только эксперта, лица болѣе или менѣе посторонняго, не долженствующаго имѣть въ виду исходъ дѣла и обязаннаго думать лишь съ своей узко спеціальной точки зрѣнія. Напротивъ въ каждомъ православномъ христіанинѣ, призываемомъ къ обсужденію церковныхъ дѣлъ, какъ разъ и не должно быть свойственнаго людямъ съ голосомъ совѣщательнымъ. Въ каждомъ изъ насъ въ большей или меньшей степени должно отражаться общее церковное сознаніе, и рѣшеніе вопросовъ должно происходить на тѣхъ же самыхъ свойственныхъ Церкви нравственно-духовныхъ основаніяхъ, какъ и у епископовъ. Иначе не стоило бы поднимать и вопроса о допущеніи на соборъ клириковъ и мірянъ. Въ области Церкви сила голоса не въ сообщаемыхъ ему юридическихъ правахъ, а въ его нравственно-духовномъ значеніи. Поэтому, на мой взглядъ, раздѣленіе голосовъ на рѣшающіе и совѣщательные по отношенію къ будущему собору нужно вовсе оставить, какъ не соотвѣтствующее православной идеѣ Церкви. Настаиваніе же на этомъ можетъ подготовить немалую опасность для собора. Развѣ не можетъ случиться, что совѣщательный голосъ мірянъ, отвергнутый епископами, окажется для общецерковнаго сознанія обладающимъ силою рѣшительнаго и это превращеніе его будетъ происходить уже не въ мирномъ общеніи на соборѣ, а путемъ борьбы и раздѣленій!

Кромѣ того, обозначеніе голоса мірянъ лишь какъ совѣщательнаго сейчасъ же подчеркнетъ въ ихъ сознаніи, что дѣла церковныя не должны касаться ихъ всецѣло. Здѣсь они не болѣе какъ свѣдующіе люди, призываемые только для выслушанія ихъ заключенія. Крикъ наболѣвшей души о благѣ Церкви, идущій изъ самой глубины сердца мірянина, можетъ оказаться не только не услышаннымъ, но и прямо отвергнутымъ рѣшеніемъ епископовъ. А развѣ это не невозможно именно въ наше время, когда епископы глубоко разъединены съ клиромъ и народомъ и когда одни епископы, —

по открытому признанію и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ извѣстныхъ намъ отзывахъ,—не могутъ быть выразителями церковнаго сознанія и голоса своихъ паствъ? Подрывать какимъ-либо образомъ участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ—это значило бы идти въ руку съ духомъ времени, который стремится окончательно вытѣснить изъ сознанія народа интересъ церковный. Просыпающаяся политическая жизнь угрожаетъ всецѣло овладѣть сознаніемъ очень многихъ и вѣру въ Бога, питающую высшую жизнь, замѣнить вѣрой во внѣшній порядокъ жизни и въ цѣли партій съ ихъ обѣщаніями земнаго благоденствія.

Отъ эпохи вселенскихъ Соборовъ, когда составлялись древніе каноны, насъ отдѣляетъ уже болѣе 1000 лѣтъ. За этотъ долгій періодъ церковная жизнь необычайно расширилась, усложнилась, обнаружила много новыхъ особенностей и выдвинула немало важныхъ и жгучихъ вопросовъ. Отмѣтимъ хотя бы раздѣленія въ нѣдрахъ Церкви, приведшія къ образованію римскаго католицизма и протестанства. Эти явленія поставили передъ сознаніемъ человѣчества великій вопросъ о самой церковной идеѣ и оттѣнили односторонніе и неправильные его рѣшенія. Многіе возникшіе подъ этимъ вліяніемъ вопросы не затрогивали сознанія древней Церкви, а потому не могли подлежать обсужденію соборовъ или быть приняты во вниманіе при составленіи древнихъ дисциплинарныхъ правилъ. Къ числу такихъ вопросовъ должна быть отнесена и роль народа въ Церкви. Она все болѣе и болѣе стала занимать вниманіе уже въ послѣдствующее время. Ее, напримѣръ, не могли не выставить на видъ и Восточные патріархи въ ихъ извѣстномъ посланіи 1848 года. И въ русской Церкви, въ эпоху ея „вавилонскаго плѣненія“ государственнымъ началомъ, самое церковное сознаніе особенно сильно протестовало противъ существенныхъ порядковъ именно въ лицѣ мірянъ. Вспомнимъ А. С. Хомякова, Кирѣевскаго, Ю. Ф. Самарина и другихъ. Какъ глубоко, по общему признанію, освѣтили они своими разъясненіями православную идею Церкви въ связи съ ея искаженіями въ католицизмѣ и протестанствѣ! Они сумѣли ярко отмѣтить имено значеніе мірянъ въ Церкви и необходимость для каж-

даго христіанина быть въ ней вполнѣ активнымъ членомъ, безъ чего мы можемъ впасть въ крайность католицизма. Соображенія этихъ лицъ находятъ подтвержденіе и у такихъ св. отцовъ, какъ св. Кипріанъ Карѳагенскій и Василій Великій. „Божественный судъ, выраженіемъ котораго должны служить церковныя рѣшенія, по разъясненію св. Кипріана, обнаруживается *въ приговорѣ епископовъ и голосѣ народа*, Гдѣ ,духовные мужи, — разсуждаетъ св. Василій Великій, — начальствуютъ при совѣщаніяхъ, *народъ же Господень послѣдуетъ имъ по единодушному приговору*, тамъ усумнится ли кто, что совѣтъ составляется въ общеніи съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, излившимъ кровь Свою за Церковь[1]). Въ другомъ мѣстѣ, обращая вниманіе на порядокъ церковнаго управленія, св. Василій утверждаетъ, что распоряженія церковныя дѣлаются тѣми, кому ввѣрено правленіе церковное, и *подтверждаются народомъ*. Наконецъ, самые вселенскіе Соборы, по разъясненію науки церковнаго права, являются таковыми и могутъ разсматриваться какъ выраженіе всего церковнаго сознанія лишь по принятіи (рецепціи) ихъ всѣмъ тѣломъ Церкви и въ томъ числѣ народомъ. Вотъ каково должно быть положеніе народа въ православной Церкви, а развѣ оно допускаетъ опредѣленіе голоса мірянъ какъ совѣщательнаго! Говорю о необходимости оставить раздѣленіе голосовъ на рѣшительные и совѣщательные вовсе не для умаленія свойственныхъ епископамъ правъ, а потому что кромѣ указаннаго подобное раздѣленіе не гармонируетъ и съ самой задачей и назначеніемъ предстоящаго собора. Соборы, — выражаясь словами одного изъ документовъ эпохи вселенскихъ Соборовъ, — имѣли цѣлью, чтобы, „при общемъ согласіи всѣхъ, по изслѣдованіи всей истины и по устраненіи всякаго пристрастія— яснѣе открылась истина и чтобы уже не могло быть никакого сомнѣнія или разномыслія“. Соборы стремились установить нравственно-духовное единеніе членовъ Церкви, а вовсе не раздѣленіе, которое какъ будто уже заранѣе под-

---

[1]) Творенія св. Василія Великаго. Ч. VII. Письмо къ Никопольскому причту. № 221.

черкивается различіемъ голосовъ по ихъ юридическимъ правамъ.

Міряне вовсе не добиваются себѣ какихъ-либо правъ, противорѣчащихъ ихъ положенію въ Церкви и нарушающихъ права епископовъ, а лишь взываютъ о допущеніи ихъ объединиться съ епископами въ общихъ активныхъ заботахъ о благѣ православной Церкви, въ судьбѣ которой они заинтересованы не менѣе епископовъ. Теперь такія общія заботы особенно необходимы въ виду господствующаго духа времени, разлагающаго самую церковную идею.

Сейчасъ мы ведемъ рѣчь о значеніи голоса, но въ скрытомъ видѣ этимъ затрогивается важнѣйшій и болѣе глубокій вопросъ о существѣ Церкви и взаимномъ отношеніи ея членовъ. Неправильное разрѣшеніе вопроса о голосѣ можетъ создать опасный прецедентъ для будущаго, когда намъ придется заняться вопросомъ о самой Церкви и считаться съ необходимостью точно и правильно формулировать ученіе объ ея существѣ.

Въ настоящее время долѣе избѣгать подобнаго вопроса едва ли уже будетъ возможно для церковнаго сознанія въ виду многихъ характерныхъ явленій окружающей жизни, вызывающихъ на его общецерковное рѣшеніе...

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 12 мая 1906 г. по вопросу о выборахъ на соборъ членовъ отъ клира и мірянъ.

Меня крайне удивляетъ, что борьба политическихъ партій изъ за выборовъ въ Государственную Думу и неразборчивое пользованіе ими средствами могли такъ сильно повліять на сознаніе многихъ членовъ Предсоборнаго Присутствія, и что они подъ этими впечатлѣніями станутъ разрѣшать вопросы о составѣ и организаціи церковнаго собора. Но такое направленіе мыслей неправильно по существу и можетъ лишь вносить путаницу въ наши разсужденія. Соборъ имѣетъ совершенно другія цѣли и задачи, чѣмъ жизнь политическая. Какъ его дѣятельность, такъ и составъ орга-

низаціи, должны опираться на духовно-нравственныя основы. Если же относительно Собора руководствоваться данными изъ области политической жизни, съ забвеніемъ глубокаго различія между ними, то нечего и собирать соборъ. Это сразу можетъ поставить все дѣло о немъ на несоотвѣтствующій ему путь. Перехожу къ вопросу о выборахъ членовъ Собора. По заявленію, г. Бердникова, здѣсь нужно держаться церковной точки зрѣнія, которая будто бы остается безъ должнаго вниманія. Оказывается, она въ древнихъ канонахъ, по которымъ епископъ имѣетъ неразрывную, тѣсную связь съ епархіей и паствой и въ лицѣ епископа на Соборѣ присутствуетъ уже вся его паства. Но развѣ возможно въ вопросахъ церковныхъ преобразованій пренебрегать такъ указаніями дѣйствительной жизни и разсматривать ея текущія потребности исключительно на основаніи древнихъ правилъ, содержащихся въ книгахъ? Въ наше время епископы какъ разъ и не состоятъ въ неразрывной и тѣсной связи съ епархіей и паствой и во многомъ не могутъ быть выразителями церковнаго сознанія и голоса своихъ паствъ. Спросите объ этомъ интересующихся дѣлами Церкви клировъ и мірянъ. Они со скорбью въ сердцѣ засвидѣтельствуютъ о глубокомъ нравственно-духовномъ разъединеніи съ епископами. Объ этомъ же прямо говорятъ и нѣкоторые изъ самихъ епархіальныхъ преосвященныхъ въ ихъ отзывахъ по вопросамъ реформы. При такихъ условіяхъ и именно съ цѣлью положить начало столь нужному нравственно духовному объединенію епископовъ и паствы и необходимо допущеніе на Соборъ клира и мірянъ съ возможно большимъ самостоятельнымъ значеніемъ, а не съ поглощеніемъ его епископами. Въ наше время это всего удобнѣе можетъ быть достигнуто черезъ выборы. Многіе высказываютъ, что въ древности Церковь не знала выборовъ, что это значитъ вводить въ ея область парламентарные порядки. Да, изъ древнихъ временъ Церкви неизвѣстны выборы и соединенное съ ними понятіе представительства, но просто по отсутствію тогда историческихъ мотивовъ къ ихъ возникновенію. Вспомнимъ о важной и активной роли императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ въ эпоху соборовъ, а по римскому воззрѣнію импе-

раторъ воплощалъ въ себѣ весь народъ и участіе императора вполнѣ могло замѣнять собой участіе народа. Напрасно вопросъ о представительствѣ разсматриваютъ здѣсь лишь съ его формальной юридической стороны. Вѣдь идея представительства имѣетъ и нравственную основу. Она содержитъ въ себѣ сознаніе потребности въ услугахъ другого болѣе способнаго и необходимости помогать людямъ кто чѣмъ можетъ. Пусть я лично не имѣю возможности что-либо совершить, наприм., выработать соотвѣтствующій задачамъ Церкви и потребностямъ ея жизни порядокъ управленія или разъяснить и формулировать какія-либо религіозныя мысли и понятія. Если я преданъ благу Церкви, я, естественно, начну отыскивать людей, болѣе меня способныхъ къ этому, которые вполнѣ могли бы замѣнить собой мое личное участіе. Если бы, наприм., вопросъ шелъ объ аріанствѣ и выясненіи православнаго ученія о Святой Троицѣ, то кто изъ насъ задумался бы избрать и просить святаго Аѳанасія Александрійскаго быть нашимъ полнымъ представителемъ на Соборѣ! Мы даже должны были бы поступить такъ по требованію своей совѣсти и по желанію блага Церкви, и въ нашемъ сознаніи и въ дѣйствительности участіе святаго Аѳанасія вполнѣ замѣнило бы наше. Вѣдь представительство это форма, а во всякую форму можно вложить разное содержаніе. Если имъ часто злоупотребляютъ, то на основаніи этого нельзя же отрицать представительство само по себѣ. Итакъ, выборы не противорѣчатъ задачамъ и духу Церкви. Но I-й отдѣлъ Присутствія, какъ оказывается, призналъ необходимымъ утвержденіе выборовъ епископами. А вѣдь это значитъ одной рукой допускать выборы, а другой ихъ уничтожать. При такой точкѣ зрѣнія не слѣдуетъ вовсе употреблять и слово выборы, а прямо высказать, что епископы приглашаютъ на соборъ кого имъ угодно. По крайней мѣрѣ, дѣло было бы ясно и не вносило бы разныхъ недоумѣній и запутанности въ понятіяхъ. Повидимому, никто не добивается, чтобы выборы происходили безъ всякаго контроля епископовъ, но этотъ контроль долженъ согласоваться съ идеей выборовъ. Епископамъ можно предоставить, наприм., право кассаціи выборовъ въ случаѣ нарушенія

ихъ порядка или право протеста противъ избраннаго въ самый соборъ. Допущеніе же простаго вычеркиванія епископами именъ избранныхъ можетъ подать лишь новые поводы къ недовольству и недовѣрію со стороны клира и мірянъ. Но я думаю, что самый лучшій и наиболѣе дѣйствительный контроль со стороны епископовъ долженъ состоять въ ихъ духовномъ воздѣйствіи на клиръ и народъ въ виду предстоящаго Собора. Къ собору клиръ и народъ должны быть нравственно-духовно подготовлены. А когда религіозное настроеніе народа поднимется и для него достаточно уяснится самая задача собора, всего менѣе можно будетъ опасаться, что на соборѣ будутъ избираемы лица не подходящіе и вредные для интересовъ православной Церкви. Профессоръ Остроумовъ, возражая сегодня противъ выборовъ и даже самаго участія мірянъ на соборѣ, утверждаетъ, что соборы являются выраженіемъ власти въ Церкви, а эта власть принадлежитъ однимъ епископамъ. По поводу этого я прошу вспомнить еще разъ часто забываемую великую роль въ дѣлахъ соборовъ императоровъ, которые, какъ я уже замѣтилъ, по тогдашнему понятію воплощали въ себѣ весь народъ. Роль эта оказалась очень полезной и была признана всею Церковью. Во всякомъ случаѣ она принадлежитъ началу свѣтскому, и теперь вслѣдствіе измѣненій въ положеніи императоровъ она во многомъ должна перейти къ самому народу...

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 1 іюня 1906 г по вопросу о допущеніи клира и мірянъ въ постоянный органъ высшаго церковнаго управленія.

Къ тому, что было высказано мной при обсужденія даннаго вопроса въ I Отдѣлѣ и помѣщено въ его журналахъ, я добавлю теперь еще слѣдующее: Если стремленіе допустить клиръ и мірянъ въ высшее церковное управленіе считать уклоненіемъ отъ православія, какъ здѣсь только что было сказано, то вѣдь придется признать что такое укло-

непіе уже произошло во многихъ православныхъ Церквахъ. Вспомнимъ о Смѣшанномъ Совѣтѣ въ Константинопольскомъ патріархатѣ, состоящемъ изъ епископовъ и почетныхъ мірянъ, о Народно-церковномъ соборѣ и его постоянномъ органѣ Соборномъ Совѣтѣ съ членами, кромѣ епископовъ, и отъ мірянъ въ Карловицкой митрополіи, о Народно-церковномъ соборѣ и его постоянномъ органѣ Митрополичьей Консисторіи въ Сибинской митрополіи, въ которыхъ участвуютъ кромѣ епископовъ и міряне. Не будемъ забывать затѣмъ состава Экзархійскаго совѣта въ Болгарской Церкви и того факта, что въ княжествѣ Черногорскомъ уже прямо членами Святѣйшаго Сунода, кромѣ епископовъ, состоятъ два архимандрита, три протопресвитера и Сунодальный секретарь. Наконецъ, и въ нашемъ Святѣйшемъ Сунодѣ долгое время были членами представители бѣлаго духовенства, да они состоятъ ими и теперь. Что же, въ этомъ нужно видѣть уклоненіе русской Церкви отъ православія?

По условіямъ современной жизни въ Россіи церковное управленіе сдѣлалось очень сложнымъ, и оно во многомъ соприкасается съ государствомъ. Вѣдь мы не предполагаемъ же разрывать союзъ Церкви и государства и отказываться отъ всякаго попечительнаго участія государства въ дѣлахъ церковныхъ, какъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ на протяженіи всей нашей исторіи. Кромѣ того, нельзя же оставлять безъ вниманія, что въ настоящее время самое государственное управленіе въ Россіи получило новый характеръ и сдѣлалось сложнѣе, а это не можетъ не отразиться и на управленіи церковномъ. Поэтому теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, понятіе „пасти Церковь“ не совпадаетъ съ понятіемъ „управлять ею во всѣхъ отношеніяхъ“, какъ здѣсь нѣкоторые, повидимому, склонны думать. Вѣдь еще въ очень раннюю эпоху, когда церковная жизнь отличалась простотой, сами святые Апостолы, преемниками которыхъ являются епископы, нашли невозможнымъ для себя завѣдывать всѣми сторонами церковной жизни. Иначе, по ихъ собственному признанію, они встрѣчали бы препятствіе къ пребыванію въ молитвѣ и служеніи слова (Дѣянія VI, 2—4). Если

такъ разсуждали и поступали святые Апостолы, на которыхъ излились особые необычайные благодатные дары, то несравненно болѣе это нужно имѣть въ виду епископамъ.

Христосъ Спаситель основалъ Свою Церковь на землѣ, и Церковь при осуществленіи своихъ задачъ не можетъ не пользоваться съ разныхъ сторонъ средствами и условіями земной жизни, а это во многомъ входитъ именно въ область церковнаго управленія. Активное и вполнѣ сознательное участіе въ церковномъ управленіи, какъ ясно каждому не закрывающему глаза на дѣйствительную жизнь, требуетъ также немалыхъ чисто мірскихъ знаній и опытности. Принимать все это на себя однимъ епископамъ значитъ — въ большей мѣрѣ отвлекать свое вниманіе отъ высшаго апостольскаго служенія и способствовать пониженію энергіи въ важнѣйшей чисто пастырской дѣятельности. И вотъ указанныя стороны церковной жизни могутъ и должны требовать попеченія и другихъ членовъ Церкви.

Будущій Святѣйшій Синодъ едва-ли можетъ быть разсматриваемъ лишь какъ исполнительный органъ періодическаго Собора, какъ предполагаютъ иные. Синодъ также явится органомъ высшаго церковнаго управленія, но только постояннымъ для завѣдыванія текущими дѣлами. Онъ также долженъ быть организованъ по соборному типу и представлять изъ себя какъ бы малый соборъ, въ которомъ такъ или иначе участвуетъ вся Церковь. А на предстоящій, Соборъ, какъ уже порѣшено, должны быть допущены клирики и міряне. Уже на основаніи одного этого участіе ихъ на извѣстныхъ условіяхъ допустимо и даже нужно и въ постоянномъ органѣ высшаго церковнаго управленія, въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Такимъ образомъ допущеніе клириковъ и мірянъ въ постоянный органъ церковнаго управленія нисколько не противорѣчитъ православію и достаточно оправдывается самыми задачами церковнаго управленія, установившимися порядками въ другихъ православныхъ Церквахъ и предположеннымъ составомъ ожидаемаго Собора... Вопросъ можетъ идти лишь объ условіяхъ и способахъ этого допущенія. Едва-ли кто будетъ настаивать, чтобы клирики и міряне

вошли въ высшее церковное управленіе во всемъ наравнѣ съ епископами. Участіе, мірянъ должно простираться напримѣръ, на дѣла, такъ сказать, церковно-правительственныя на подобіе того, какъ это уже и практикуется во многихъ другихъ православныхъ Церквахъ...

ОТДѢЛЪ II.

Вопросъ о патріаршествѣ.

Докладъ I отдѣлу Особаго Присутствія 3 мая 1906 г., объ устройствѣ высшаго церковнаго управленія въ связи съ вопросомъ о патріаршествѣ.

Вопросъ о правахъ и даже самомъ названіи перваго епископа Русской Церкви мнѣ представляется имѣющимъ большое значеніе. Отъ того или иного положенія перваго епископа во многомъ будетъ зависѣть самая судьба предполагаемыхъ преобразованій. Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что многіе даже изъ числа епархіальныхъ преосвященныхъ вопросъ о первомъ епископѣ выдвигаютъ чуть ли не какъ основной во всей реформѣ, возлагая на перваго епископа надежды избавленія отъ всѣхъ золъ. Поэтому нашему отдѣлу должно обсудить этотъ вопросъ подробнѣе, не ограничиваясь простыми краткими заявленіями о необходимости такого епископа и его правахъ. Среди отзывовъ епархіальныхъ преосвященныхъ о церковной реформѣ встрѣчаются указанія, что первый епископъ долженъ имѣть титулъ патріарха и быть носителемъ высшей центральной церковной власти. „Власть патріарха, говоритъ одинъ изъ преосвященныхъ, получитъ одинъ епископъ, а остальные 99 изъ безконтрольныхъ владыкъ сдѣлаются его послушниками: семеро (митрополиты)—непосредственными, а прочіе 92

послушниками митрополитовъ и затѣмъ уже патріарха“ [1]). Подобному патріарху должно принадлежать право непосредственныхъ сношеній съ Верховной властью и другими Церквами. Вотъ въ какихъ чертахъ уже теперь, еще до учрежденія патріарха, рисуется, его положеніе въ Русской Церкви. Какъ легко на подобной почвѣ будущему патріарху дѣйствительно обратиться въ безконтрольнаго управителя Русской Церкви? Но сторонники такихъ взглядовъ совершенно упускаютъ изъ виду, что главное зло, на которое они сами теперь много жалуются, едва-ли уничтожится при такихъ условіяхъ. Оно можетъ принять лишь другую и пожалуй болѣе вредную форму.

Русскіе епископы по отношенію къ высшему церковному управленію обезличены, участіе ихъ въ управленіи очень ослаблено. Самое же управленіе протекаетъ подъ сильнымъ вліяніемъ оберъ-прокурора, который имѣетъ для этого опору въ его непосредственной близости къ Верховной власти.— Таковы усматриваемые обыкновенно — главные недостатки церковнаго управленія. Но почему же съ учрежденіемъ патріарха, носителя сильной церковной власти, разсматривающаго остальныхъ епископовъ, какъ своихъ послушниковъ, и имѣющаго непосредственный доступъ къ Государю, невозможно повтореніе всѣхъ нынѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, какъ-то: обезличенія епископовъ, деспотизма въ управленіи и т. п? Самый санъ патріарха, съ которымъ въ исторіи Церкви соединялись невсегда одинаковыя права, — и положеніе его среди русскихъ епископовъ, какъ своихъ послушниковъ, еще скорѣе можетъ послужить поводомъ для развитія новой формы деспотизма въ церковномъ управленіи. Предполагаемое же при этомъ избраніе или приглашеніе по очереди въ Святѣйшій Синодъ другихъ епископовъ, послушниковъ патріарха, и даже созывъ по ихъ усмотрѣнію періодическихъ соборовъ, особенно если они будутъ изъ однихъ епископовъ, могутъ явиться лишь имѣющей видъ соборности удобной декораціей для возрастанія вліянія и значенія па-

---

[1]) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ. Ч. I, № 10, стр. 115.

тріарха. При такихъ условіяхъ можетъ мало-по малу образоваться уже не деспотизмъ оберъ-прокурора, который все-таки представляетъ изъ себя что-то внѣшнее, а деспотизмъ способный глубже владѣть сознаніемъ епископовъ и получать оправданіе въ обязанности повиновенія старшимъ, а относительно монаховъ еще и въ необходимости подчиненія ихъ воли главному начальнику. Предупреждаю, что въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій, когда наши стремленія должны быть направлены къ созиданію наиболѣе удобныхъ и соотвѣтствующихъ задачамъ Церкви формъ церковнаго управленія, мы должны имѣть въ виду въ качествѣ дѣятелей людей среднихъ и скорѣе даже зараженныхъ разными человѣческими слабостями и страстями. О праведникахъ или людяхъ идеальныхъ нечего думать. Они вообще рѣдки въ мірѣ и мало нуждаются во внѣшнихъ ограниченіяхъ. Для праведниковъ, какъ извѣстно, законъ не лежитъ.

Церковное устройство должно быть организовано такъ, чтобы человѣческія страсти и слабости не только не могли бы обращать его въ свое орудіе, но и находили бы въ немъ препятствіе для своего развитія. Необходимость имѣть все это въ виду достаточно устанавливается всей прежней исторіей Церкви, какъ всеобщей, такъ и Русской. Вспомнимъ свидѣтельства по этому поводу многихъ св. отцовъ, которыя намъ не слѣдуетъ забывать. Подобно обыкновеннымъ людямъ и среди высшихъ іерарховъ могутъ обнаруживаться вредныя для интересовъ Церкви склонности и страсти. Древній историкъ Евсевій отмѣчаетъ, наприм., сильное домогательство первенства у пастырей [1]). Св. Исидоръ Пелусіотъ указываетъ, что многіе добиваются епископскаго сана не ради заботы о братіяхъ и не подъ вліяніемъ самоотреченія, а для чести и покойной жизни и подъ вліяніемъ любопачалія [2]). Св. Осія Кордубскій передъ всѣмъ Сардикійскимъ соборомъ нашелъ нужнымъ высказать, что епископы имѣютъ обыкновеніе переходитъ изъ малаго города въ другой вслѣдствіе того, что поджигаются пламенною страстью любостя-

[1]) Сочиненія Евсевія Памфила. т. I. Спб. 1858 г. Церковная исторія. Книга VIII, гл. I.

[2]) Творенія св. Исидора Пелусіота. Письмо 316.

жанія и раболѣпно служатъ тщеславію, лишь бы казаться имѣющими больше власти [1]). Св. Григорій Богословъ говоритъ о своемъ времени, что не мало людей стремится къ священству, какъ къ начальству, не дающему отчета, и, что изъ-за желанія добиться предсѣдательства много замѣшательствъ происходитъ среди пастырей [2]). Св. Василій Великій, описывая самыми мрачными красками картину тогдашней церковной жизни, отмѣчаетъ рѣзко бросающееся среди нея бѣснованіе честолюбія въ тѣхъ, которымъ ввѣрены церковные корабли [3]).

Точно также прежніе русскіе епископы, наприм., на соборѣ 1681 года ясно засвидѣтельствовали возможность вреда для Церкви отъ учрежденія епископовъ съ особыми титулами и правами, которыя могутъ подать поводъ къ архіерейскимъ „распрямъ и высостямъ“. Извѣстны затѣмъ жалобы русскихъ епископовъ, наприм., Вятскаго Александра на то, что патріархъ Никонъ „вмѣнилъ за рабы святительскій чинъ“ и заставлялъ архіереевъ часа по 3—4 сидѣть на крыльцѣ крестовыхъ палатъ, а часто даже вовсе не выслушивалъ ихъ просьбъ по дѣламъ церковнымъ [4]).

Если патріархи находили возможнымъ относиться такъ къ архіереямъ, то что же сказать о бѣломъ духовенствѣ? Голосъ его въ дѣлахъ церковныхъ и даже самая личность съ ея разнообразными нуждами и не только съ пастырскимъ,

---

[1]) Правило I Сардикійскаго собора.

[2]) Творенія св. Григорія Богослова. Изданіе 3-е. Часть I. Слово 3 и часть II. Слово 26.

[3]) Творенія св. Василія Великаго. Къ Амфилохію о Св. Духѣ. Гл. XXX. Примѣч. Подобныя же указанія часто встрѣчаются и въ сочиненіяхъ св. Іоанна Златоустаго. „Мы гоняемся за (архіерействомъ), замѣчаетъ онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ, такъ же точно, какъ за мірскими должностями. Изъ-за того, чтобы быть въ славѣ, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаемъ передъ очами Божіими. (Бесѣда III на Дѣянія Апостоловъ). Въ другомъ мѣстѣ св. Іоаннъ Златоустъ горько оплакиваетъ стремленія іерарховъ къ первосѣданіямъ и цѣлованіямъ, которыя по зависти и страсти къ первенству вредно отражаются на взаимныхъ отношеніяхъ епископовъ и духовенства и на самой церковной жизни. (LXXII бесѣда на Евангеліе Матѳея, ч. III; X бесѣда на посланіе къ Ефесеямъ и XXVII на 2 посланіе къ Коринѳянамъ).

[4]) Моленіе, поданное царю Алексѣю Михайловичу Александромъ епископомъ Вятскимъ и Великопермскимъ за его святительскою рукою. Рукописи Румянцевскаго музея по описаніи Востокова. Спб. 1842 г. Сборникъ № 476., л. 247.

но и обыкновеннымъ человѣческимъ достоинствами должны были быть еще болѣе подавлены. Для священника, по свидѣтельству историковъ, двери патріаршаго дома были заперты, и не смѣлъ онъ придти къ патріарху поговорить о важныхъ дѣлахъ, касавшихся его служенія, и испросить разрѣшенія недоумѣній. Вспомнимъ, наконецъ, о вліяніи при патріархахъ на дѣла церковныя ненасытнаго дьяка Кокошилова [1]). Развѣ все это не деспотизмъ, уже ясно обнаружившійся въ исторіи во времена патріарховъ, и едва-ли онъ не хуже и не опаснѣе, чѣмъ тотъ, на который жалуются теперь?

Соборное начало въ Русской Церкви именно при патріархахъ и было особенно подавлено, что никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду при организаціи церковнаго управленія на соборномъ началѣ. Патріархъ являлся носителемъ единолинной высшей церковной власти, какъ это очень ясно обнаружилось въ лицѣ Никона. Положивъ въ основаніе церковнаго управленія внѣшній авторитетъ высшей іерархіи подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ области государства, патріаршество въ Россіи уже успѣло сыграть печальную роль въ дѣлѣ раздѣленія въ нѣдрахъ Русской Церкви, вызвавшемъ старообрядчество. Что же можетъ гарантировать Русскую Церковь, что нѣчто подобное не повторится въ ней снова съ появленіемъ патріарха, передъ которымъ всѣ другіе епископы окажутся лишь его послушниками разныхъ степеней, а клиръ и міряне не получатъ при этомъ достаточно активнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ? Какими же чертами, кромѣ того, придется характеризовать отношеніе будущаго патріарха къ бѣлому духовенству, если сами епископы сдѣлаются лишь его послушниками!

Въ наше время, при глубокомъ разъединеніи духовенства и мірянъ и при враждебности клира къ епископамъ, рѣзко выдѣлят изъ окружающаго общества главу духовенства и предоставлять ему права, какія имѣли въ исторіи патріархи, по моему мнѣнію, прямо вредно для интересовъ Православной Церкви въ Россіи, да и не соотвѣтствуетъ

---

[1]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Т. XIII, гл. I.

главной общепризнанной задачѣ всѣхъ преобразованій—проведенію соборности во всѣ сферы церковной жизни и управленія. Соборность управленія выражается вовсе не въ томъ, чтобы во главѣ управленія стоялъ патріархъ или даже нѣсколько лицъ, а въ томъ, чтобы распоряженія возможно ближе выражали требованія сознанія всей Церкви. Безъ этого условія будущее церковное управленіе, подобно настоящему, останется во многомъ основаннымъ лишь на принципѣ внѣшняго начальствованія однихъ и внѣшняго подчиненія со стороны другихъ. Если же черезъ организацію новаго порядка церковнаго управленія мы не ослабимъ въ немъ такое положеніе дѣлъ, свойственное управленію государственному, и не проведемъ черезъ него хотя къ нѣкоторому нравственно-духовному объединенію тѣхъ, кто дѣлаетъ церковныя распоряженія, и тѣхъ, кто ихъ исполняетъ, то главная задача всѣхъ преобразованій не будетъ достигнута. Вѣдь понятіе о власти въ области Церкви не совпадаетъ съ тѣмъ, къ которому насъ пріучили отношенія въ сферѣ государства, гдѣ можетъ быть достаточно повиновенія, независимаго отъ доброй воли и внутренняго состоянія, и гдѣ отсутствіе нравственно-духовной связи между правителемъ и управляемымъ не имѣетъ значенія.

Нельзя затѣмъ не обратить вниманіе, что разнаго рода доводы, приводимые сторонниками возстановленія патріаршества, при ближайшемъ разсмотрѣніи и сопоставленіи ихъ съ данными исторіи и современными условіями жизни едвали могутъ оправдывать ихъ желанія. Вообще по вопросамъ предстоящихъ преобразованій очень многіе предлагаютъ проекты новаго устройства подъ яснымъ, сильнымъ вліяніемъ недовольства существующими порядками. Въ нихъ прежде всего выступаетъ протестъ противъ того, что есть. Въ церковномъ управленіи, говорятъ обыкновенно, очень велика стала власть свѣтскаго начала въ лицѣ оберъ-прокурора. По контрасту съ этимъ главная задача реформы усматривается почти въ совершенномъ подавленіи участія свѣтскаго начала и въ увеличеніи значенія епископовъ черезъ образованіе патріарха, который долженъ совмѣстить въ себѣ чуть-ли и не всѣ обязанности оберъ-прокурора. Но вѣдь

такое направленіе мыслей въ сторону противоположную легко можетъ ввести управленіе въ другую противоположную крайность. Вообще на будущаго патріарха, по моему мнѣнію, возлагается много несбыточныхъ надеждъ, не имѣющихъ достаточно почвы въ дѣйствительной жизни ни прошлой, ни тѣмъ болѣе современной. Святѣйшій Синодъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ въ мартѣ 1905 года необходимость возглавленія Синода патріархомъ основывалъ на чести Россійскаго государства, что повторяютъ и нѣкоторые преосвященные въ своихъ отзывахъ. Но отъ подобнаго обоснованія такъ и отдаетъ мертвымъ анахронизмомъ. Если въ XVII вѣкѣ, когда въ Россіи очень цѣнились византійскіе порядки, такой мотивъ и могъ бы имѣть какое-либо значеніе, то въ настоящее время въ глазахъ народа и государства онъ по меньшей мѣрѣ безжизненъ и совершенно неспособенъ удовлетворить церковное сознаніе. Кромѣ того о требованіяхъ чести государства всего правильнѣе будетъ спросить само государство.

Иные въ доказательство необходимости въ Россіи патріарха рѣшаются утверждать, что отсутствіе его есть главная причина отчужденія отъ Церкви ревнителей каноновъ—старообрядцевъ. „А старообрядцы, прибавляетъ одинъ изъ преосвященныхъ, собираются создать своего лжепатріарха и обѣщаютъ возить его въ Москвѣ въ золотой каретѣ 12-ю лошадьми“ [1]). Но развѣ старообрядцы отошли отъ Церкви не по другимъ болѣе глубокимъ причинамъ и развѣ въ этомъ печальномъ для Церкви фактѣ важная роль не принадлежала именно Всероссійскому патріарху? Если въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій принаравливаться къ желаніямъ и намѣреніямъ старообрядцевъ, то вѣдь намъ пришлось бы не только установить, но и ввести въ число условій полученія спасенія креститься двумя перстами, совершать богослуженіе по старымъ книгамъ и т. п.

Всероссійскій патріархъ говорятъ затѣмъ, „будетъ духовнымъ вождемъ разноплеменной православной паствы, предметомъ общей восторженной любви и сосредоточеніемъ

---

1) Отзывы епарх. арх. по вопросу церковной реформы. Ч. III, № 55.

церковнаго самосознанія христіанъ. Съ введеніемъ патріаршества высоко поднимется религіозное и народное чувство, значительно реализуется сама Церковь въ сознаніи русскихъ людей, ослабнетъ вражда между племенами, совершенно ослабнетъ расколъ, поколеблется латинство и сектанство и могучею волною разойдется христіанскій энтузіазмъ въ клирѣ и народѣ [1])...

Изъ этой области мечтаній вернемся на минуту къ дѣйствительной жизни. Русскіе епископы глубоко разъединены съ клиромъ и народомъ, а въ клирѣ возбуждаютъ даже вражду. Вслѣдствіе теперешняго ненормальнаго положенія епископы, о чемъ прямо заявляютъ и нѣкоторые изъ нихъ самихъ, не могутъ являться средоточіемъ церковнаго самосознанія. Кромѣ того, дѣла церковныя русское общество уже давно привыкло разсматривать, какъ что-то для себя посторонне, не требующее включенія въ сферу личной и общественной жизни. Какой же необычайный нравственный и психологическій переворотъ долженъ произойти въ архіереяхъ, клирѣ, народѣ и томъ епископѣ, который станетъ патріархомъ, чтобы въ церковной жизни все могло пойти такъ, какъ мечтаетъ одинъ изъ сторонниковъ патріаршества! Подъ вліяніемъ чего же мы должны надѣяться на столь глубокій переворотъ и кто можетъ намъ его гарантировать? Неужели же все это непремѣнно принесетъ намъ громкое званіе Всероссійскаго патріарха и сосредоточеніе въ немъ особой власти?

Не согласнѣе ли съ данными жизни разсуждать какъ разъ наоборотъ?

Сообщеніе первому епископу высшаго церковнаго титула и власти можетъ способствовать еще большему обособленію церковныхъ дѣлъ и поддержанію розни между клиромъ и епископами. Особенности нашего времени легко могутъ сдѣлать патріарха не предметомъ общей восторженной любви, для чего по крайней мѣрѣ теперь ужъ очень мало основаній, а скорѣе предметомъ нерасположенія и поводомъ къ раздѣленіямъ въ Церкви. Совершенно не доказанными явля-

---

[1]) Отзывы епарх. архіереевъ. Ч. III., № 55.

ются также соображенія, что будущій патріархъ сдѣлается выразителемъ церковнаго самосознанія или основаніемъ для лучшей реализаціи въ умахъ идеи Церкви. Церковная исторія не подтверждаетъ подобныхъ надеждъ, и онѣ должны быть отнесены къ числу безпочвенныхъ. Неужели, напримѣръ русскій патріархъ Никонъ выражалъ собой церковное самосознаніе, когда сравнивалъ свою власть съ солнцемъ, а свѣтскую съ луной, или заявлялъ посланнымъ къ нему отъ Государя, что „первый архіерей во образѣ Христа, а митрополиты, архіепископы и епископы во образѣ учениковъ и апостоловъ!“ Или можетъ быть церковное сомосознаніе и истинную церковную идею реализовалъ патріархъ Адріанъ, когда распространялъ свое посланіе противъ брадобритія, направленное къ осужденію именемъ христіанства чисто гражданской реформы Петра! Кромѣ того, нѣкоторые, предлагая учрежденіе патріарха, находятъ возможнымъ говорить о немъ, какъ о воплощеніи совѣсти для земной власти. Эти соображенія еще менѣе понятны. Если русскіе епископы не въ состояніи играть теперь такую роль, то почему же возведеніе одного изъ нихъ въ санъ патріарха сдѣлаетъ его способнымъ явиться воплощеніемъ совѣсти для властей земныхъ? Если для этого достаточно установленія непосредственныхъ сношеній съ Верховной властью, какъ, повидимому, склонны думать сторонники такого взгляда,— то вѣдь это можно устроить и безъ сана патріарха. Пусть къ Верховной власти имѣетъ доступъ предсѣдатель Святѣйшаго Синода.

Наконецъ, мало основательными и даже едва-ли соотвѣтствующими апостольской идеѣ Церкви являются попытки оправдать введеніе титула патріарха требованіями величія Русской Церкви. Величіе Церкви совершенно другого рода, чѣмъ, напримѣръ государства. Высокіе титулы и внѣшній блескъ имѣютъ здѣсь постороннее значеніе. Русская Церковь можетъ обнаружить свое величіе прежде всего своей нравственно-духовной силой, сплачивающей всю массу русскаго народа въ направленіи къ Богу во едино. Такое состояніе ея и будетъ служить прочнымъ основаніемъ для уваженія и почета со стороны другихъ меньшихъ и болѣе

слабыхъ внутренно православныхъ церквей. Точно также и для установленія сношеній Русской Церкви съ другими православными Церквами вовсе нѣтъ необходимости въ учрежденіи патріарха, какъ полагаютъ нѣкоторые. Сношенія эти, было бы къ этому достаточно нравственно-духовныхъ основаній, могутъ происходить и безъ патріарха, отъ имени Синода черезъ его Предсѣдателя. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что всѣ доводы о необычайномъ значеніи патріарха во многомъ представляютъ отраженіе древнихъ византійскихъ взглядовъ, которые едва-ли могутъ найдти мѣсто въ современномъ общественномъ и церковномъ сознаніи. Стоитъ только сравнить ученіе о Константинопольскомъ патріархѣ Эпанагоги, памятника IX вѣка, взгляды котораго имѣли большое вліяніе въ Византіи, и мы безъ труда убѣдимся, что нынѣшніе сторонники патріаршества въ Россіи стремятся руководствоваться уже омертвѣвшими отъ времени и разрушительныхъ дѣйствій исторіи прежними византійскими взглядами. По разъясненію Эпанагоги, патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христа, дѣлами и словами выражающій истину. Въ число его обязанностей, между прочимъ, поставлено обращать всѣхъ еретиковъ къ единенію съ Церковью, а въ защиту правды и догматовъ говорить, не смущаясь, предъ лицомъ царя, при чемъ царь и патріархъ разсматриваются, по меньшей мѣрѣ, какъ двѣ равныя власти. Невѣрныхъ патріархъ долженъ посредствомъ увлеченія свѣтлымъ и чуднымъ своимъ дѣяніемъ сдѣлать подражателями своей вѣры. Патріарху же принадлежитъ изъясненіе каноновъ и отеческихъ преданій[1]). Вотъ книжный древній византійскій взглядъ на патріарха, по духу, какъ видимъ, близкій нынѣшнимъ сторонникамъ патріаршества въ Россіи. Но вѣдь слѣдовало бы помнить, что письменное начертаніе обязанностей еще нисколько не обезпечиваетъ возможности ихъ фактическаго исполненія. Образъ патріарха, выдвигаемый въ Эпаногогѣ, далеко не соотвѣтствовалъ настоящей дѣятельности византійскихъ патріарховъ. Кромѣ того относительно

---

1) О характерѣ и значеніи эпанагоги. Вл. Сокольскаго. Византійскій Временникъ т. I Спб. 1894 г.

Византіи вообще не нужно забывать, что церковная жизнь въ ней вовсе не достигала того, чтобы она могла служить идеаломъ для насъ. Тамошняя система церковнаго управленія сопровождалась сильной централизаціей церковной власти и соборное начало было оттѣснено въ ней на задній планъ. По своему началу и сущности, какъ справедливо разъясняетъ проф. А. И. Брилліантовъ, система эта возникла на политической почвѣ, и соборныя формы присоединились къ ней, можно сказать, post factum въ виду необходимости считаться съ древними правилами[1]). Она имѣла разрушительное вліяніе на митрополичій строй и содѣйствовала еще большему упадку соборной жизни. Въ виду подобныхъ указаній исторіи, а также современныхъ условій жизни, многіе сторонники патріаршества, очевидно, совершенно безпочвенно, а потому и напрасно, увлекаются такъ византійскими взглядами. Вѣдь для доказательства необходимости учредить патріарха недостаточно надѣлить его въ своемъ воображеніи великими свойствами и обязанностями, а нужно еще установить и гарантировать возможность ихъ выполненія въ связи съ дѣйствительной жизнью.

Если же кто пожелалъ бы строго руководствоваться положеніемъ дѣлъ въ нынѣшней Константинопольской Церкви, то фактъ существованія въ ней патріарха не можетъ служить достаточнымъ примѣромъ для подражанія. Въ Турціи патріархъ является и гражданской главой православнаго населенія, чѣмъ во многомъ и объясняется его положеніе. У насъ же въ подобной роли патріарха нѣтъ нужды, да она едва-ли и согласна съ его назначеніемъ, какъ перваго архипастыря человѣческихъ душъ. Во многихъ же православныхъ церквахъ Востока, какъ наприм., Греческой, Сербской, Румынской и друг. вовсе нѣтъ патріарха. Поэтому мотивомъ къ учрежденію въ Россіи въ XX вѣкѣ патріарха не могутъ служить приводимыя нѣкоторыми соображенія, что руководящій административный типъ православнаго Востока не-

---

[1]) Записка проф. А. И. Брилліантова. Приложеніе къ Отзыву С.-Петербургскаго Митрополита. Отзывы епарх. арх. Ч. III № 53.

обходимо требуетъ возглавленія и русскаго церковнаго управленія властью патріаршею[1]).

Наконецъ, прежній опытъ византійской, да и нашей русской исторіи, едва-ли подтверждаетъ еще одно высказываемое въ пользу патріаршества утвержденіе, что патріаршество избавитъ Церковь отъ обезличенія передъ государствомъ, обезпечитъ ихъ солидарность и создастъ правильный порядокъ ихъ взаимныхъ отношеній. Если имѣть въ виду уже одно происшедшее въ Россіи измѣненіе государственнаго строя, то именно учрежденіе патріаршества какъ разъ и не создастъ правильнаго порядка во взаимныхъ отношеніяхъ Церкви и государства и не обезпечитъ ихъ солидарность. Подробнѣе объ этомъ я скажу, когда у насъ будетъ обсуждаться важный вопросъ о положеніи православной Церкви въ Россіи.

Что учрежденіе патріаршества вовсе не является необходимымъ и не составляетъ главную задачу преобразованій, подтверждается и соображеніями нѣкоторыхъ преосвященныхъ, высказанными въ ихъ отзывахъ. Одинъ изъ нихъ, отрицая нужду и пользу отъ патріарха, приводитъ для этого слѣдующія основанія: Патріархъ безъ особенной власти не сдѣлаетъ для блага Церкви болѣе того, что можетъ сдѣлать Святѣйшій Синодъ. Патріархъ же съ особенной властью легко можетъ допустить много злоупотребленій. Патріархъ долженъ благоразуміемъ и святостью превосходить всѣхъ архипастырей, безъ чего онъ можетъ унизить свой санъ и потерять всякое уваженіе. По указаніямъ исторіи, безъ патріарха Церковь можетъ управляться не хуже, чѣмъ при патріархѣ. При патріархахъ въ нашей и другихъ Церквахъ происходили распри и разныя печальныя событія, въ которыхъ главную роль играли патріархи. Патріаршій санъ, возвышая одного епископа надъ всѣми другими, способствуетъ ложному и крайне вредному сомнѣнію. Говорятъ, Оберъ-Прокуроръ стѣсняетъ Святѣйшій Синодъ, но и волю патріарха еще легче стѣснить. Учрежденіе патріарха, иначе осо-

---

[1]) См. наприм., записку проф. И. Соколова въ Приложеніи къ Отзыву Петербургскаго митрополита по вопросамъ реформы. Отзывы. Ч. III. № 53.

бенное возвышеніе одного епископа, несогласно съ примѣромъ св. апостоловъ, изъ которыхъ ни одинъ не позволялъ придавать себѣ особенное значеніе, не смотря на выдающіяся качества[1]).

Наконецъ вспомнимъ, что противъ возстановленія въ Россіи патріаршества былъ и московскій митрополитъ Филаретъ, въ глазахъ очень многихъ пользующійся большимъ церковнымъ авторитетомъ. Разъ патріаршество уничтожено, Филаретъ не усматривалъ необходимости его возстановлять. Для него оставалось непонятымъ, почему патріархъ окажется лучше Синода, да и велика-ли разница, что первый членъ Синода не называется патріархомъ. Филаретъ не видѣлъ достаточныхъ основаній, чтобы съ учрежденіемъ патріарха вышла бы великая польза для Церкви и чтобы подъ вліяніемъ собственно этого свѣтская власть измѣнила бы свои отношенія къ духовной.

Изъ другихъ лицъ, заслуживающихъ вниманія по своей общественной дѣятельности и близкому знакомству съ вопросами церковными, можно указать на покойнаго Н. А. Гилярова-Платонова, который горячо отрицалъ необходимость введенія у насъ патріаршества. Первенствующая Церковь, писалъ онъ, не знала самого названія патріарха... Всякое главенство епископовъ есть только шагъ въ направленіи къ папизму и отступленіе отъ соборнаго начала. Гиляровъ-Платоновъ вовсе не усматривалъ, чтобы съ учрежденіемъ патріарха Церковь пріобрѣла бы больше независимости, а полагалъ скорѣе наоборотъ. Единоличная администрація еще далѣе отодвинетъ насъ отъ управленія соборнаго „единственнаго истиннаго типа для управленія Церковью“[2])...

Многіе потребность въ патріархѣ обосновываютъ на 3 правилѣ Константинопольскаго и 28 правилѣ Халкидонскаго соборовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о возвышеніи Константинопольскаго престола въ виду важности политическаго положенія самого города. Но правила эти относятся — лишь къ епископу Константинополя и разрѣшать вопросъ о пат-

---

[1]) Отзывы епарх. архіереевъ. Ч. I № 5.
[2]) Газета: Современныя Извѣстія. 1880 года № 96.

ріархѣ для Россіи не могутъ. По поводу такихъ стремленій Гиляровъ-Платоновъ справедливо указываетъ, что „порядокъ установленный правилами Константинопольскаго собора развѣ на вѣки обязателенъ. Развѣ и онъ не былъ только примѣнительнымъ и именно къ имперіи Константина. Развѣ Церковь стала оттого выше, что ввела добавочную организацію, которой у ней не было въ предшествующіе вѣка? Или Церковь апостольская и первыхъ двухъ вѣковъ была менѣе Церковью или менѣе совершенною, что у нея вовсе не было патріарха и той градаціи степеней, которая внесена потомъ заимствованіемъ изъ формъ государственныхъ? Совершенно наоборотъ церковное управленіе постепенно тѣмъ далѣе отходило отъ своего истинно церковнаго апостольскаго духа, чѣмъ болѣе уподобляло себя и примѣняло къ формамъ управленія государственнаго и чѣмъ болѣе епископы приближались своимъ типомъ къ правителямъ гражданскимъ“[1]). Вообще же по вопросу о патріаршествѣ Гиляровъ-Платоновъ писалъ, что можно возражать противъ учрежденія Святѣйшаго Синода и находить необходимымъ его преобразованіе, но за упраздненіе патріаршества Петръ достоинъ только благодарности.

Мнѣ кажется, что въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій особенное вниманіе должно быть обращено на устройство Синода, какъ постояннаго органа высшаго церковнаго управленія, и на положеніе въ немъ перваго епископа. Періодическіе соборы, которые, конечно, необходимы какъ завершеніе устройства всего управленія, и, повидимому, уже намѣчаются нами, всетаки явятся органами очень сложными и, такъ сказать, громоздкими. Правильное отправленіе ими своихъ функцій будетъ зависѣть отъ многихъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Епископы не всѣ и не всегда будутъ въ состояніи собираться на соборы, да и самый созывъ соборовъ требуетъ согласія свѣтской власти и многихъ другихъ благопріятныхъ условій. Громадныя размѣры Россіи, неудобства путей сообщенія, всякаго рода временныя и мѣстныя обстоятельства,—все это въ той или иной степени,

---

[1]) Ibid. 1880 г. № 86.

не можетъ не оказывать вліянія на соборы. Изъ прежней исторіи Церкви, напримѣръ, извѣстно, что предписываемые церковными правилами періодическіе соборы далеко невсегда осуществлялись, несмотря на постоянныя почти напоминанія объ этомъ со стороны соборовъ Вселенскихъ и на расположеніе къ такому порядку со стороны власти государственной. По свидѣтельству покойнаго профессора В. В. Болотова, сами епископы находили для себя болѣе удобнымъ имѣть дѣло прямо съ центральной церковной властью, чѣмъ съ цѣлымъ соборомъ, на которомъ они ограничивали другъ друга. Очевидно, періодическій соборъ — органъ управленія практически нетрудно обходимый. Кромѣ того вѣдь и самый созывъ его во многомъ будетъ зависѣть отъ ревности къ дѣламъ Церкви со стороны органа постояннаго.

Постоянному же органу, Святѣйшему Синоду, придется непрерывно наблюдать за всѣми сторонами церковной жизни и удовлетворять ея текущимъ потребностямъ. Въ виду столь важной роли Святѣйшій Синодъ долженъ быть разсматриваемъ нами и организуемъ, какъ малый соборъ, въ которомъ въ той или иной формѣ должна участвовать какъ бы вся Церковь.

По выраженію многихъ, русскою Церковью долженъ управлять патріархъ при помощи Синода. Синодъ будетъ лишь при патріархѣ, вслѣдствіе чего и предлагаютъ назвать его патріаршимъ. По моему же мнѣнію, для большаго обезпеченія начала соборности въ церковномъ управленіи центръ тяжести долженъ быть не въ первомъ епископѣ, а именно въ самомъ Синодѣ. Не Синодъ долженъ состоять при первомъ епископѣ, а скорѣе первый епископъ при Синодѣ, выступающій однако среди другихъ епископовъ въ качествѣ его предсѣдателя. Такимъ образомъ высшее церковное управленіе, какъ органъ постоянный, должно сосредоточиваться въ Святѣйшемъ Синодѣ и происходить отъ имени Синода. Уже самъ Синодъ, тамъ, гдѣ это удобно и необходимо, предоставляетъ своему предсѣдателю дѣйствовать единолично, по уполномочію отъ Синода, при чемъ предсѣдатель даетъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Поэтому многія права, какими предлагаютъ надѣлить перваго епископа, должны принадлежать Синоду. Такъ, напримѣръ, не первому епи-

скопу, а Синоду должно принадлежать право утвержденія избираемыхъ на вакантныя епископскія каѳедры и утвержденія важнѣйшихъ распоряженій епископовъ. Отъ Синода же должно зависѣть и право обозрѣнія епархій, которое онъ можетъ поручить или предсѣдателю или какому-либо другому члену Синода изъ епископовъ. Предсѣдатель Синода избирается пожизненно на періодическомъ соборѣ. Вмѣстѣ съ этимъ на случай замѣны предсѣдателя избирается ему помощникъ, который и вообще помогаетъ ему въ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ смерти предсѣдателя Синода и его помощника до времени созыва собора, на которомъ они избираются, въ отправленіе обязанностей предсѣдателя вступаетъ старѣйшій епископъ изъ постоянныхъ членовъ Синода.

Предполагаемый постоянный органъ высшаго церковнаго управленія въ Россіи носитъ названіе „Всероссійскій Святѣйшій Правительствующій Синодъ“.

Конечно, названіе или титулъ перваго епископа самъ по себѣ имѣетъ уже сравнительно второстепенное значеніе. Но всетаки, кромѣ указанныхъ выше соображеній и въ интересахъ болѣе спокойнаго, соборнаго и отвѣчающаго потребностямъ времени теченія церковной жизни въ Россіи я полагалъ бы полезнѣе не сообщать будущему представителю Синода титулъ патріарха. Ужъ слишкомъ много разныхъ тяжелыхъ воспоминаній соединилось въ исторіи съ этимъ пышнымъ титуломъ и стремленіями къ достиженію связаннаго съ нимъ высокаго положенія. Кромѣ того патріархъ не всегда имѣлъ одинаковыя права и положеніе. Поэтому введеніемъ титула патріарха можно подать лишній поводъ пользоваться имъ для усиленія своихъ правъ и положенія.

Наконецъ по вопросу о титулѣ нужно принять къ свѣдѣнію, особенно же тѣмъ, кто стремится современную церковную жизнь нормировать непремѣнно по древнимъ канонамъ, 48 правило Карѳагенскаго собора, который постановилъ: „Епископъ перваго престола да не называется экзархомъ іереевъ или верховнымъ священникомъ или чѣмъ-либо подобнымъ, но только епископомъ перваго престола“...

Рѣчь въ I Отдѣлѣ Присутствія 12 мая 1906 г. по вопросу о патріаршествѣ.

При разрѣшеніи вопроса о патріархѣ и Синодѣ прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что должно поставить на первомъ планѣ, Синодъ или перваго епископа. Я уже обращалъ вниманіе, что постоянный органъ высшаго церковнаго управленія долженъ быть сосредоточенъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, а не въ первомъ епископѣ. Синодъ будетъ съ первымъ епископомъ, а не первый епископъ съ Сунодомъ. Профессоръ Алмазовъ возражалъ противъ такого соображенія и указывалъ, что перваго епископа и Синодъ нужно сравнивать съ головой и тѣломъ. Но я думаю, что подобное сравненіе едва-ли можетъ разъяснить, какъ въ дѣйствительности должно опредѣлить отношенія Синода и перваго епископа. Да кромѣ того едва ли возможно разсматривать перваго епископа какъ главу! Это вскорѣ могло бы повести къ образованію единоличной церковной власти, теперь по сложности жизни недостаточной и вредной. Далѣе, здѣсь утверждали, что въ виду обширности территоріи Россіи, превышающей размѣры всѣхъ патріарховъ древности, первый епископъ долженъ носить титулъ патріарха. Безъ этого титула русская Церковь была бы низведена въ единицы второго разряда. Но всѣ подобныя указанія едва ли могутъ разрѣшать вопросъ о церковномъ титулѣ теперь, когда понятія значительно измѣпились и далеко ушли отъ древнихъ византійскихъ. Во всякомъ же случаѣ потребность въ патріаршемъ титулѣ должна быть обоснована на внутреннихъ потребностяхъ Русской Церкви, а не на ея величинѣ или раздѣленіи по византійскимъ представленіямъ церковныхъ единицъ на разные разряды. Съ учрежденіемъ патріаршества, говорятъ затѣмъ, возстановится гармонія между свѣтской и духовной властью. Но такое соображеніе могло бы имѣть еще какое-либо значеніе, если бы въ Россіи государственный строй остался прежнимъ. При новомъ же строѣ учрежденіе патріарха скорѣе и не создастъ ожидаемой гармоніи. По мнѣнію

г. Алмазова, патріаршество у насъ упразднено фактически, но въ идеѣ не исчезало и народъ ждетъ его возстановленія. Но чѣмъ же это доказано? Напротивъ, у большинства лицъ, знакомыхъ съ исторіей патріаршества, едва ли найдется такое желаніе, а еще тѣмъ болѣе, стремленіе считать его идеаломъ устройства Русской Церкви. Синодъ, замѣняющій собой патріарха, обратился, говорятъ, въ государственное учрежденіе и во главѣ его стоитъ не митра или мантія, а Оберъ-Прокуроръ, и что эту ненормальность нужно устранить. Правда, но при чемъ же здѣсь патріаршество? Преобразуйте Св. Синодъ, дайте ему предсѣдателя, который будетъ во главѣ, — вотъ зло и исправлено. Вмѣстѣ съ этимъ насъ успокаиваютъ, что теперь нечего опасаться клерикализма, патріархъ не можетъ быть папой. Конечно, такъ. Если бы въ наше время какой-либо патріархъ вздумалъ стремиться быть папой, то по поводу этого послѣдовалъ бы, вѣроятно, лишь взрывъ гомерическаго смѣха. Клерикализмъ можетъ развиться въ самомъ церковномъ управленіи. Интересы Церкви, какъ цѣлаго, или духовныя потребности народа могутъ быть обсуждаемы съ точки зрѣнія сословной и не принимаемы достаточно во вниманіе. А все это очень возможно въ виду ненормальнаго положенія епископовъ и разобщенія ихъ съ паствами. Наконецъ вѣдь и мантія съ неменьшимъ произволомъ можетъ распоряжаться церковными дѣлами. Центръ тяжести церковнаго управленія, повторяю, долженъ быть въ св. Синодѣ, въ которомъ будетъ и первый епископъ. Что касается возношенія его имени въ церковныхъ молитвахъ, то и молитва о Синодѣ и его предстоятелѣ не нарушила бы молитвеннаго настроенія.

Особое мнѣніе въ общее собраніе Присутствія по вопросу о патріаршествѣ.

Въ своемъ Особомъ мнѣніи по вопросу о допущеніи клира и мірянъ въ высшее церковное управленіе я обращалъ вниманіе на возможность вреда для правильнаго развитія церковной жизни въ Россіи, особенно же при ея современныхъ условіяхъ, если въ основаніе предстоящихъ церковныхъ преобразованій будетъ положено охраненіе формальныхъ правъ и власти епископовъ. Подобныя опасенія, на мой взглядъ, тѣмъ болѣе увеличиваются, когда кромѣ этого церковнымъ устройствомъ предполагается еще нарушить идею равенства между епископами и формальныя права и власть одного изъ нихъ возвысить на счетъ остальныхъ. Я разумѣю принятыя на общихъ собраніяхъ Присутствія 1 и 3 іюня 1900 года большинствомъ членовъ положенія о правахъ и титулѣ перваго епископа Русской Церкви. Предполагаемыя для него титулъ патріарха и особыя права, независимыя отъ Св. Синода, рѣзко выдѣлятъ его изъ среды всѣхъ другихъ епископовъ. Первому епископу, по мнѣнію большинства, должно принадлежать высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ Русской Церкви, и въ нужныхъ случаяхъ онъ можетъ даже предлагать Синоду принять соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка. Онъ имѣетъ право посылать учительныя посланія и пастырскія воззванія ко всей Русской Церкви и вообще пользуется преимуществомъ чести предъ всѣми епископами Русской Церкви и имя его поминается при богослуженіи во всѣхъ церквахъ Россіи [1]).

Когда въ основаніе церковныхъ преобразованій полагается охраненіе формальныхъ правъ и власти епископовъ, естественно доходить до возможно большаго требованія въ этомъ отношеніи и добиваться учрежденія центральной епи-

---

[1]) Журналъ общаго собранія Присутствія 3 іюня 1906 г. („Церк. Вѣдомости“, 1906 г., № 29, стр. 2318).

скопской власти единоличнаго характера, передъ которой остальные русскіе епископы, по категорическому разъясненію одного изъ сторонниковъ патріаршества архіепископа Волынскаго Антонія, должны сдѣлаться лишь ея послушниками разныхъ ранговъ и степеней [1]). Въ созданіи единоличной власти патріарха, независимой отъ Синода, многими усматривается чуть-ли не самое лучшее средство къ сохраненію единства въ Русской Церкви и къ способствованію епископамъ правильно осуществлять свое служеніе. А для оправданія самаго учрежденія патріаршества, какъ въ его идеѣ, такъ въ отдѣльныхъ предполагаемыхъ для него правахъ, дѣлаются ссылки на древніе каноны, и оно выставляется чуть-ли не какъ необходимая норма церковнаго устройства вообще, требуемая канонами. Сторонники патріаршества утверждаютъ, что организація церковнаго управленія съ патріархомъ во главѣ и даже самая идея подчиненія всѣхъ епископовъ государства одному установлена 34 Апостольскимъ правиломъ [2]). Для ясности припомнимъ это правило: „Епископамъ всякаго народа (ἑκάστου ἔθνους), говоритъ оно, подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу (ὡς κεφαλὴν) и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ, но и *первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ о Господѣ во Святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ.*

Изъ содержанія правила видно, что оно имѣетъ въ виду начало народное или національное, какъ на это и обращалъ вниманіе I отдѣла Присутствія профессоръ П. С. Суворовъ [3]). Если мы желаемъ пользоваться канонами научнымъ образомъ, т.-е. возможно объективнѣе и, достаточно примѣняясь къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, а не подъ

---

[1]) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ. Спб. 1906 г., ч. I, № 10, стр. 115.

[2]) Журналъ засѣданія I отдѣла 5 мая 1906 г. („Церк. Вѣдом.“, 1906 г., № 22, стр. 1485 и 1493).

[3]) Журналъ засѣданія 12 мая 1906 г. („Церковныя Вѣдомости“, № 22, стр. 1506).

вліяніемъ какихъ-либо личныхъ скрытыхъ стремленій, то при разъясненіи смысла древнихъ каноновъ намъ необходимо не забывать условій того времени. На пространствѣ римской имперіи, какъ извѣстно, жило большое число разныхъ народностей и должно было находиться много первыхъ епископовъ, которыхъ имѣетъ въ виду 34 правило апостоловъ. Поэтому изъ него вовсе нельзя выводить требованіе необходимости учрежденія въ Россіи патріарха, какъ единственнаго перваго епископа съ особыми правами для всего государства и всѣхъ проживающихъ въ его предѣлахъ народностей. Подобное толкованіе правила совершенно отрываетъ его отъ времени и пространства и не согласуется съ его буквальнымъ смысломъ. Кромѣ того для лучшаго пониманія 34 Ап. правила нужно обратить вниманіе на его цѣль, отмѣчаемую въ самомъ его содержаніи. Правило это должно служить къ поддержанію единомыслія между епископами, а отсюда и его вполнѣ категорическое требованіе, чтобы первый епископъ *ничего* не дѣлалъ безъ согласія всѣхъ.

По толкованію Зонары, первенствующій епископъ согласно 34 Ап. правилу, отнюдь не долженъ превращать свое положеніе въ преобладаніе, дѣйствовать самовластно и поступать безъ общаго согласія своихъ сослужителей [1]). Безъ воли всѣхъ епископовъ, какъ сказано въ Славянской Кормчей по поводу 34 Ап. правила, и старѣйшій епископъ да не творитъ ничтоже. Такимъ образомъ, если слѣдовать этому Апостольскому правилу, то организація церковнаго управленія должна возможно лучше обезпечивать сохраненіе единомыслія между епископами и возможно менѣе способствовать превращенію перваго епископа въ такую личность, въ отношеніи которой остальные епископы могутъ быть разсматриваемы лишь какъ его послушники. Ясно, что и со стороны задачъ церковнаго управленія, рисовавшихся въ умѣ составителей Апостольскихъ правилъ, рѣзкое выдѣленіе перваго епископа изъ среды всѣхъ другихъ и предоставленіе ему особыхъ правъ, которыя онъ можетъ осуществлять еди-

---

[1]) Правила Святыхъ Апостоловъ съ толкованіями. Изданіе Моск. общ. люб. дух. просв. М. 1901 г., стр. 64.

нолично, не только не находитъ оправданіе въ ссылкѣ на 34 Ап. правило, а скорѣе направлено къ его нарушенію. Полагая цѣлью поддержаніе единомыслія въ дѣлахъ церковныхъ, правило понимаетъ его, очевидно, какъ свободный, нравственно-духовный актъ, а не одно то или другое внѣшнее его выраженіе. Цѣль правила не будетъ достигнута, если епископы или по всегда возможному у людей недостатку твердости духа или по какимъ-либо выгоднымъ для нихъ соображеніямъ будутъ выражать вынужденное или даже и неискреннее согласіе на предложенія патріарха. При учрежденіи патріарха съ особыми независимыми отъ Св. Синода правами, которыми онъ легко можетъ пользоваться въ желательномъ для него направленіи, для русскихъ епископовъ устанавливается возможность внѣшнихъ давленій со стороны патріарха и возможность способнаго ослаблять чистоту и энергію ихъ дѣятельности опасенія, что противорѣчія патріарху могутъ угрожать очень непріятными и вредными послѣдствіями, какъ это уже и обнаруживалось въ нашей исторіи, напр., въ отношеніяхъ патріарха Никона къ несогласному съ нимъ епископу Павлу Коломенскому.

Принимая между прочимъ во вниманіе указанный смыслъ 34 правила апостоловъ, я и говорилъ въ своемъ Докладѣ I отдѣлу 3 мая 1906 года и вообще постоянно старался отмѣтить на засѣданіяхъ Присутствія[1]), что органами высшаго церковнаго управленія въ Россіи кромѣ періодическихъ соборовъ долженъ быть Св. Синодъ, а никакъ не патріархъ съ независимыми отъ Синода правами. Первый епископъ, если и можетъ выступать изъ среды другихъ, то лишь съ извѣстнымъ преимуществомъ чести, но дѣйствовать можетъ единственно только въ качествѣ предсѣдателя Синода. Поскольку удобны и допустимы единоличныя дѣйствія перваго епископа, онъ и долженъ совершать ихъ съ согласія Синода, и такимъ образомъ, какъ требуетъ 34 Ап. правило, онъ не будетъ „творить ничего безъ разсужденія всѣхъ“. Такая именно постановка церковнаго управленія, по свидѣ-

---

[1]) Журналы засѣданій I отдѣла 12 и 17 мая 1906 г. („Церк. Вѣдом.“, 1906 г., № 22, стр. 1480, 1504, 1522, 1531).

тельству проф. Московской Духовной Академіи Н. А. Заозерскаго, и имѣетъ за собой каноническія основанія [1]). Кромѣ 34 Ап. правила въ доказательство необходимости въ Россіи патріаршества приводятся 9 правило Антіохійскаго собора и разныя другія, въ которыхъ идетъ рѣчь о древнихъ митрополитахъ. Но что такое древній митрополитъ? Епархіи, принадлежавшія къ одной провинціи, обыкновенно составляли церковный округъ. Епископъ же главнаго города провинціи получилъ названіе митрополита. Такихъ митрополитовъ на пространствѣ римской имперіи было немало. Поэтому, когда въ канонахъ идетъ рѣчь о митрополитѣ, то для правильнаго ихъ пониманія нужно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ понятіемъ одного изъ многихъ областныхъ епископовъ имперіи. Если же это понятіе мы произвольно замѣняемъ нашимъ понятіемъ патріарха, какъ одного епископа для всего государства и съ особыми правами, то вѣдь это значитъ, что мы создаемъ собственные каноны или по крайней мѣрѣ пользуемся древними канонами несогласно съ ихъ яснымъ смысломъ. Церковныя правила, относящіяся къ митрополитамъ, вовсе не нормируютъ отношенія между епископами и тѣмъ первымъ, котораго предполагаютъ учредить въ качествѣ патріарха. Въ виду немалаго числа древнихъ митрополитовъ предоставленіе имъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ въ предѣлахъ области нисколько однако не выдвигало этимъ кого-либо изъ нихъ изъ среды всѣхъ другихъ. Они естественно ограничивались другъ другомъ. Безъ сомнѣнія, будетъ далеко не одно и тоже, сообщать ли особыя права многимъ областнымъ епископамъ или же возвышать надъ всѣми епископами одного въ цѣломъ государствѣ. Кромѣ того въ церковно-исторической наукѣ существуетъ убѣжденіе, что возникновеніе митрополичьяго института совпадаетъ съ развитіемъ соборной системы управленія. Если это такъ, то всѣ права предоставляемыя митрополитамъ должны быть обсуждаемы еще и въ связи съ требованіемъ осуществленія соборности областного управленія, по смыслу которой пер-

---

[1]) Журналъ засѣданія I отдѣла 5 мая 1906 г. („Церк. Вѣдом ", 1906 г., № 22, стр. 1482.

вый епископъ „ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ“. Такимъ образомъ утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что предполагаемое въ Россіи патріаршество однородно съ древней митрополіей и представляетъ лишь увеличенную ея копію [1]), значитъ неправильно примѣнять древнее понятіе митрополита, сложившееся при извѣстныхъ условіяхъ, къ современнымъ условіямъ образовавшимъ иное понятіе перваго епископа Поэтому никакъ нельзя усматривать именно осуществленіе древнихъ каноновъ въ учрежденіи въ Россіи патріарха съ правами древняго областного митрополита, какъ предлагаютъ многіе. Невозможность нормировать предполагаемое патріаршее управленіе канонами, касающимися прежняго областного управленія, отмѣчена и проф. П. С. Суворовымъ на засѣданіяхъ I отдѣла Присутствія [2]).

Для оправданія введенія въ Россіи патріаршества ссылаются далѣе на существованіе въ римской имперіи большихъ церковныхъ единицъ-діоцезовъ, на что есть указанія и въ древнихъ канонахъ. Но вѣдь и такихъ діоцезовъ было нѣсколько. Во главѣ ихъ, хотя и стояли епископы, получившіе впослѣдствіи названіе патріарховъ, но ихъ все таки было гораздо больше одного, и ихъ нельзя разсматривать, какъ показателей необходимости одного перваго епископа для всего государства. Кромѣ того въ большей части діоцезовъ была система митрополичьяго управленія, при которой каждая церковная область являлась болѣе или менѣе самостоятельной единицей, и стоящій во главѣ ея митрополитъ былъ связанъ соборнымъ устройствомъ управленія. Все это должно было составлять значительный противовѣсъ противъ излишняго вліянія центральной духовной власти и являться не малымъ ограниченіемъ для развитія самовластія діоцезальнаго епископа. Значеніе митрополитовъ въ этомъ отношеніи можно видѣть, наприм., изъ содержанія извѣстнаго 6 Никейскаго канона, въ которомъ многіе усматриваютъ зарожденіе власти получившей впослѣдствіи названіе патріаршей.

---

[1]) Журналъ засѣданія общаго собранія 1 іюня 1906 г. („Церк. Вѣдом.“, 1905 г., № 25, стр. 1911).

[2]) Журналъ засѣданія I отдѣла 5 мая 1906 г., № 22, стр. 1481.

Что существованіе древняго митрополичьяго строя могло дѣйствовать ограничивающимъ образомъ на діоцезальнаго епископа и препятствовать излишнему его возвышенію, показываетъ, повидимому, и противоположный фактъ развитія сильной центральной власти и притязаній римскаго епископа при отсутствіи въ Италіи митрополичьяго управленія.

Наконецъ канонами нигдѣ не устанавливается необходимость патріаршества для церковнаго строя вообще. Въ канонахъ можно найдти лишь признаніе патріаршества, какъ факта, а это уже совершенно не то, что установленіе его въ видѣ общей нормы. Фактъ могъ бы возвыситься въ данномъ случаѣ до степени нормы, если бы появленіе патріарховъ было вызвано чисто церковными причинами и вытекало изъ основныхъ принциповъ христіанской жизни и еслибы институтъ этотъ возникъ, какъ продуктъ нормальныхъ условій церковной жизни, желательныхъ для всякаго времени.

Но патріаршество, какъ свидѣтельствуетъ церковная исторія, развилось подъ инымъ вліяніемъ, и самое развитіе его сопровождалось едва-ли полезными для церковной жизни явленіями. Не вдаваясь въ подробныя изслѣдованія и справки изъ области исторіи, здѣсь достаточно будетъ отмѣтить, что сами сторонники введенія въ Россіи патріаршества признаютъ, что патріаршество образовалось путемъ развитія формъ церковнаго управленія подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ государственной жизни [1]) и что съ развитіемъ патріаршаго управленія исчезла власть митрополитовъ и они стали лишь титулованными епископами [2]). Къ этому еще нужно добавить, что патріаршество стало способствовать развитію сильной централизаціи церковнаго управленія, едва-ли вполнѣ соотвѣтствующей его основнымъ задачамъ, и повело къ ослабленію въ немъ соборности [3]). Патріархи, по замѣчанію

---

[1]) Журналъ общаго собранія Присутствія 1 іюня 1906 г. Церк. Вѣд. № 25, стр. 1910.

[2]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 5 мая 1906 г. Церк. Вѣдом. № 22, стр. 1910.

[3]) Срав. Записку проф. А. И. Бриліантова, приложенную къ отзыву по вопросамъ церковной реформы Петербургскаго митрополита Антонія. Отзывы епархіальныхъ архіереевъ ч. III, № 53.

одного церковнаго историка, есть проявленіе роста іерархіи въ высоту. Высота эта, какъ показалъ многовѣковой опытъ исторіи, выступила болѣе съ внѣшнимъ характеромъ, очень напоминающимъ что-то заимствуемое изъ области государства. Кромѣ того въ лицѣ, наприм., римскаго епископа стремленіе въ высоту потеряло почти всякіе земные предѣлы, а у такихъ патріарховъ, какъ, наприм., Византійскій Михаилъ Керуларій [1]) и русскій Никонъ положеніе на высшей внѣшней ступени іерархіи затемняло въ сознаніи границы церковнаго и государственнаго. Все это въ большей или меньшей степени вполнѣ и обнаружилось въ исторіи Константинопольскаго патріарха. Имѣть его въ виду намъ слѣдуетъ еще и потому, что „то единство управленія, которое выясняется въ каноническомъ правѣ въ главномъ и существенномъ, по справедливому замѣчанію покойнаго проф. В. В. Болотова, есть воспроизведеніе практики одной Константинопольской Церкви, засвидѣтельствованной въ достаточномъ количествѣ памятниковъ [2]). По вопросу о патріаршествѣ мы постоянно и слышимъ разныя указанія на Церковь Константинопольскую.

Въ исторіи образованія Константинопольскаго патріархата почти незамѣтно дѣйствія причинъ чисто церковныхъ, а возникъ онъ вслѣдствіе политическаго положенія города, какъ столицы востока, слишкомъ большой роли императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ и все болѣе и болѣе возраставшаго въ нихъ вліянія Константинопольскаго епископа. Въ 3 правилѣ Второго Вселенскаго Собора прямо и сказано, что Константинопольскій епископъ „да имѣетъ преимущество чести по римскомъ епископѣ, потому что городъ оный есть новый Римъ“, потому что онъ, по толкованію Аристина, получилъ честь быть городомъ царя и синклита [3]). Но однимъ преимуществомъ чести для Константинопольскаго

---

[1]) Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній. Проф. И. С. Суворова. Москва. 1902 г.

[2]) Епархіи въ древней Церкви. Проф. В. В. Болотова. Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 3.

[3]) Правила св. Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями. Выпускъ II. Москва. 1897 г.

епископа, какъ это обыкновенно наблюдается въ исторіи, дѣло, конечно, не ограничилось. Преимущество чести скоро проложило путь и для полученія преимущества власти. Въ Константинополь, какъ столицу, естественно, постоянно пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ епископы. По многимъ дѣламъ епископы обращались къ императору съ просьбами и жалобами, и среди нихъ прямо установился обычай апелляціи къ императорамъ. Къ участію въ обсужденіи подобныхъ дѣлъ императоры естественно нерѣдко приглашали Константинопольскаго епископа, а иногда и прямо поручали разсмотрѣніе этихъ дѣлъ ему или совмѣстно и съ другими находившимися въ городѣ епископами. При такихъ условіяхъ многіе епископы не могли не заботиться добиться расположенія Константинопольскаго епископа, и этимъ содѣйствовали утвержденію его преимуществъ. Константинопольскіе епископы фактически стали пріобрѣтать все большее и большее значеніе въ дѣлахъ церковныхъ. Упроченію и расширенію такого положенія они способствовали и сами, и въ этомъ получали могущественную поддержку со стороны византійскихъ императоровъ. Константинопольскіе епископы начали, наприм., едва-ли вполнѣ согласно съ требованіемъ каноновъ вмѣшиваться въ церковное управленіе областей Ефесской, Кесарійской и Праклійской и тѣмъ уничтожать ихъ прежнюю самостоятельность. Дѣйствія Константинопольскихъ епископовъ одобрялись императорами и, наприм., Феодосій Младшій въ 421 году издалъ законъ, по которому всѣ важнѣйшія спорныя дѣла, касающіяся церкви въ Иллиріи, должны быть рѣшаемы не иначе, какъ по согласію съ епископомъ Константинополя, такъ какъ, замѣчаетъ законъ, городъ этотъ пользуется преимуществами древняго Рима. Другимъ указомъ тотъ же императоръ повелѣлъ, чтобы безъ согласія Константинопольскаго епископа не были рукополагаемы епископы Азіи и Фракіи [1]). Историки поясняютъ, что возвышеніе Константинопольскаго епископа совершалось не безъ борьбы и неудо-

1) Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою Церковью. Спб. 1878 г., гл. I.

вольствій. „Ефесъ съ Азіей и Кесарія съ Понтомъ по временамъ, когда открывалась къ тому возможность протестовали противъ казавшагося незаконнымъ возвышенія Константинополя,—но тщетно. Сила брала верхъ“ [1]). Протесты противъ этого раздавались и со стороны Александрійскаго епископа. Между нимъ и Константинопольскимъ епископомъ возникали по этому поводу большія несогласія, которыя по временамъ обнаруживались въ крайнихъ проявленіяхъ раздраженія [2]).

Трудно сказать, какое оправданіе во всемъ этомъ съ чисто церковной точки зрѣнія могли найдти Константинопольскіе епископы въ виду, наприм., опредѣленій Третьяго Вселенскаго Ефесскаго Собора. Подтверждая право предстоятелей Кипрскихъ церквей самимъ производить рукоположеніе епископовъ, Ефесскій Соборъ постановилъ, что это должно быть соблюдаемо и въ другихъ округахъ и во всѣхъ областяхъ, чтобы никто изъ епископовъ не занималъ чужой области, которая прежде и издревле не признавала надъ собой власти ни его, ни его предшественниковъ. „Если же кто, сказано въ опредѣленіи Собора, занялъ или силою подчинилъ себѣ, пусть возвратитъ ее, чтобы правила отцовъ не были нарушены, чтобы подъ предлогомъ священства не вкралась гордость земной власти и чтобы мы не утратили, погубляя мало-по-малу, той свободы, которую даровалъ намъ Своею Кровію Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ. Итакъ благоугодно святому и вселенскому собору сохранить чистыми и неприкосновенными въ каждой области тѣ права, какія она имѣла отъ начала по древнему обычаю. Каждый митрополитъ имѣетъ право для своего удостовѣренія взять списокъ съ этого опредѣленія. Если же кто представитъ постановленіе противное нынѣшнему опредѣленію, весь святой и вселенскій соборъ опредѣлилъ, да будетъ оно недѣйствительно [3]). Въ другомъ мѣстѣ, обсу-

---

[1]) Духовенство древней Вселенской Церкви Проф. А. П. Лебедева. Москва 1905 г. Отд. I. Глава VI.

[2]) Константинопольскій патріархъ. Т. Барсова. Гл. I, стр. 51.

[3]) Дѣянія Вселенскихъ соборовъ. Изданіе Казанской Дух. Академіи. Т. II. Казань. 1893 г. Дѣяніе VII. Опредѣленіе собора.

ждая вопросъ о положеніи епископовъ въ областяхъ Европы, тотъ же Соборъ указываетъ, что въ городахъ Европы не должно быть вводимо ничего новаго, но „пусть управляются по древнему обычаю епископами, отъ которыхъ зависѣли издавна, такъ какъ и нынѣ нѣтъ ни одного митрополита, который иначе присвоилъ бы власть, ни послѣ на будущее время не должно вводить ничего новаго въ древніе обычаи [1])... Возраженія противъ власти, пріобрѣтенной фактически Константинопольскимъ епископомъ, и указанія на вредъ отъ этого для мѣстной церковной жизни [2]) раздавались и на четвертомъ вселенскомъ Халкидонскомъ соборѣ. Но существующій и въ то время уже очень вліятельный фактъ оказался сильнѣе разныхъ противныхъ ему соображеній. Изъ актовъ Халкидонскаго собора, напримѣръ, Дѣянія его XVI, видно, что многіе епископы согласіе свое на подчиненіе Константинопольскому епископу мотивировали уже установившимся порядкомъ или тѣмъ, что они сами и ихъ предшественники уже получили отъ него свое рукоположеніе и уже имѣютъ удовольствіе быть у него въ подчиненіи. Въ извѣстномъ 28 правилѣ Халкидонскій соборъ подтвердилъ власть Константинопольскаго престола рукополагать митрополитовъ Понтійскаго, Азійскаго и Фракійскаго округовъ и епископовъ у иноплеменниковъ этихъ округовъ. Основаніемъ же къ этому соборъ прямо выставилъ признаваемое имъ справедливымъ разсужденіе, чтобы „городъ, почтенный царскимъ правительствомъ и синклитомъ, и имѣющій равныя преимущества съ древнимъ царственнымъ Римомъ, былъ возвеличенъ подобно ему и въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ“... Уполномоченные тогда еще православнаго римскаго папы, какъ видно изъ актовъ Дѣянія XVI, протестовали противъ этого опредѣленія и указывали, что оно нарушаетъ прежнія соборныя постановленія. По окончаніи же самого собора папа Левъ Великій написалъ епископамъ бывшимъ на соборѣ, что онъ всѣмъ сердцемъ принимаетъ постановленія, касающіяся предметовъ вѣры, но выражаетъ

---

[1]) Тамъ же. Прошеніе поданное Собору епископами Византійскимъ и Селевкійскимъ. Стр. 13.

[2]) Тамъ же. Т. IV. Акты. Дѣяніе XI.

несогласіе по вопросу о власти Константинопольскаго епископа и напоминаетъ о необходимости соблюденія никейскихъ опредѣленій о правахъ церквей. „Пусть безчестное (?) домогательство, замѣчаетъ папа, не желаетъ ничего чужого и пусть никто не ищетъ себѣ прибытка черезъ лишеніе другого. Ибо сколько бы суетное возвышеніе ни устраивало себя на вынужденномъ согласіи и ни считало нужнымъ укрѣплять свои желанія именемъ соборовъ,—все будетъ слабо и ничтожно, что несогласно съ канонами упомянутыхъ отцовъ. Ваша святость изъ чтенія моихъ посланій можетъ узнать, что апостольскій престолъ благоговѣйно пользуется ихъ правилами и что я при помощи Господа нашего пребываю стражемъ, какъ каѳолической вѣры, такъ и отеческихъ преданій [1]).

Въ посланіи же къ императору Маркіану въ стремленіяхъ Константинопольскаго епископа Анатолія, который былъ во время Халкидонскаго собора, папа усматриваетъ проявленіе гордости, при чемъ оговаривается, что за другія дѣянія онъ желалъ бы обнять Анатолія съ братскою любовью [2]).

Принятіе Халкидонскимъ соборомъ 28 правила историки объясняютъ тогдашними обстоятельствами, благопріятно сложившимся для Константинополя. „Соборъ Халкидонскій, замѣчаетъ проф. Лебедевъ, велъ свою дѣятельность въ полной зависимости отъ тогдашнихъ константинопольскихъ властей,—свѣтской и церковной. Враги же и соперники Константинопольскаго епископа были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ епископъ Александрійскій, который обыкновенно враждовалъ противъ него былъ осужденъ на Халкидонскомъ соборѣ. То былъ еретикъ, монофизитъ Діоскоръ, а потому съ этой стороны никакого протеста не могло быть. Епископъ Іерусалимскій Ювеналій, хотя и не могъ сочувствовать (онъ прежде держалъ сторону Діоскора) возвышенію Константинополя, тѣмъ не менѣе, какъ замѣшанный въ

---

[1]) Посланіе папы Льва къ епископамъ, которые собрались на святомъ Халкидонскомъ соборѣ. Тамъ же. Т. IV, отд. III, § XII.

[2]) Посланіе папы Льва къ маркіану Августу. Тамъ же. Т. IV, отд. III, § XIV.

дѣйствіяхъ собора монофизитскаго, такъ называемаго, разбойничьяго подъ руководствомъ Діоскора же, долженъ былъ помалчивать, потому что самъ нуждался въ милости и снисхожденіи со стороны собора. Епископомъ Антіохійскимъ въ это время былъ Максимъ, креатура епископа Константинопольскаго. Поэтому, если онъ и хотѣлъ протестовать, то онъ долженъ былъ сдерживаться. Что касается епископовъ ближайшимъ образомъ заинтересованнымъ возвышеніемъ Константинополя, разумѣемъ Ираклійскаго, Ефесскаго и Кесарійскаго, то и они также не могли идти противъ теченія. Кафедра епископа Ефесскаго въ это время объявлена была праздною, слѣдовательно не имѣла защитника; предстоятеля округа Ираклійскаго на соборѣ не было; оставался одинъ епископъ Кессарійскій, но онъ одинъ ничего не могъ сдѣлать. Послѣдній протестовалъ, но слабо, именно его подписи нѣтъ подъ Халкидонскимъ опредѣленіемъ о возвышеніи Константинопольской кафедры. Значитъ все вообще обстояло благополучно, и Константинополь возвысился на счетъ трехъ созданныхъ предшествующею исторіей патріархатовъ: Фракійскаго, Азійскаго и Понтійскаго [1]). Самое сохраненіе Константинопольскимъ епископомъ утвержденныхъ за нимъ Халкидонскимъ соборомъ правъ историки объясняютъ тѣмъ, что онъ находилъ въ томъ сильную опору у императорской власти. Не мѣшаетъ кромѣ того замѣтить, что съ теченіемъ времени Константинопольскіе патріархи стали обнаруживать попытки поставить себя въ совершенно исключительное положеніе на всемъ Востокѣ и заявлять о своемъ преимуществѣ по достоинству и власти сравнительно съ патріархами Александрійскимъ, Антіохійскимъ и Іерусалимскимъ [2]). По разъясненію Эпанагоги, памятника IX вѣка, составленнаго, какъ утверждаютъ многіе изслѣдователи, при участіи патріарха Фотія, Константинопольскому предстоятелю оказывается уже дозволеннымъ и въ предѣлахъ другихъ патріаршихъ престоловъ

---

[1]) Духовенство древней Вселенской Церкви. М. 1905 г. Отд. II, глава VI, стр. 222—223.

[2]) Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ. Н. Скабалановича. „Христіанское Чтеніе“, 1885 г., № 1—2. Сравн. проф. П. С. Суворова. Византійскій папа. Гл. III, стр. 71.

не только давать ставропигіи, но и наблюдать и исправлять возникающія разногласія и полагать предѣлы судамъ [1])... Здѣсь вселенскому патріарху въ отличіе отъ другихъ прямо присвоивается уже право наблюденія и суда во всѣхъ патріархатахъ. Нужно также имѣть въ виду, что устанавливаемый Эпанагогой взглядъ на патріарха, какъ на „живой и одушевленный образъ Христа, дѣлами и словами выражающій истину", относится лишь къ одному Константинопольскому патріарху. Кромѣ того константинопольскіе патріархи въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ приняли титулъ „вселенскаго", возбуждавшій разныя недоумѣнія и оказавшій далеко неблаготворное вліяніе на отношенія между церквами восточной и западной. Какъ бы умѣренно по примѣру нѣкоторыхъ ни стараться толковать этотъ титулъ, онъ, безъ сомнѣнія, служилъ для обозначенія особаго положенія въ Церкви Константинопольскаго патріарха. Возникновеніе этого титула относятъ къ началу VI столѣтія, когда одинъ изъ собранныхъ патріархомъ Іоанномъ Каппадокіяниномъ σύνοδος ἐνδημοῦσα въ составѣ 43—44 епископовъ, которые, конечно, такъ или иначе не могли не чувствовать свою зависимость отъ патріарха, при представленіи патріарху своихъ рѣшеній назвалъ его „святѣйшимъ и блаженнѣйшемъ отцомъ отцовъ, архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ". На соборѣ же, напримѣръ, 879 года одинъ изъ митрополитовъ именовалъ Фотія „единымъ пастыремъ, святѣйшимъ господиномъ и вселенскимъ патріархомъ". Уже изъ сопоставленія названія „вселенскій" съ понятіемъ отца отцовъ или единого пастыря видно, что новый титулъ долженъ былъ указывать на исключительную роль Константинопольскаго патріарха въ Церкви въ качествѣ отца отцовъ и единаго пастыря. Въ подобномъ смыслѣ онъ былъ понятъ и римскими епископами, всегда ревниво оберегавшими свои собственныя преимущества и очень чувствительными ко всякаго рода возвышеніямъ въ положеніи другихъ іерарховъ. Противъ новаго титула протестовалъ папа Пелагій II, а затѣмъ особенно сильно воз-

[1]) О характерѣ и значеніи Эпанагоги. Проф. В. Сокольскаго. Византійскій Временникъ, издаваемый при Академіи Наукъ, т. I, выпускъ I, Спб. 1894 г.

ставалъ противъ него Григорій Великій, извѣстный у насъ подъ именемъ св. Григорія Двоеслова, папы римскаго.

Въ разныхъ письмахъ на Востокъ папа старался доказать неумѣстность въ церкви титула „вселенскій“ и необходимость его уничтоженія. Вниманіе Константинопольскаго патріарха св. Григорій обращалъ на то, что ни апостолъ Петръ, „безспорно первый изъ членовъ святой и вселенской Церкви“, ни Павелъ, ни Андрей, ни Іоаннъ, которые могутъ разсматриваться какъ главы отдѣльныхъ народовъ, и никто изъ святыхъ никогда не желали именоваться вселенскими. Въ глазахъ папы титулъ этотъ является надменнымъ и способнымъ вносить соблазнъ. Поэтому папа убѣждалъ патріарха отказаться отъ него и отвращаться льстецовъ, которые оказываются тѣмъ опаснѣйшими врагами, чѣмъ болѣе разсыпаются въ похвалахъ. Въ письмѣ же къ императору—Маркіану св. Григорій утверждалъ, что не одинъ онъ, а вся Церковь смущена тѣмъ, что изобрѣтеніемъ гордаго и надменнаго титула нарушаются благочестивые законы, почтенные соборы и даже самыя заповѣди Господа Іисуса Христа. Въ присвоеніи подобнаго титула папа справедливо усматривалъ по меньшей мѣрѣ скрытое униженіе другихъ іерарховъ. Не видя успѣха своихъ стараній, Григорій Великій нашелъ нужнымъ высказать Константинопольскому патріарху Кириаку, что первымъ доказательствомъ любви патріарха къ нему и ко всѣмъ братіямъ послужитъ отказъ отъ употребленія гордаго титула, и что признакомъ въ патріархѣ истинной любви будетъ, если изъ за титула гордости не произойдетъ раздѣленія между ними. Въ другомъ письмѣ папа уже прямо предупреждалъ Кириака, что при нежеланіи отвергнуть титулъ вселенскій миръ между ними никоимъ образомъ существовать не можетъ.

Но и это грозное предупрежденіе о возможности глубокаго по своимъ послѣдствіемъ вреда для Церкви не заставило патріарха уничтожить громкій внѣшній титулъ, вызывавшій возраженія и неудовольствія со стороны Рима. Если оставить мысль, что Константинопольскіе патріархи старались сохранить титулъ изъ за честолюбія, то все-таки приходится признать, что на этотъ внѣшній титулъ тогдашній византій-

скій умъ возлагалъ большія, но едва-ли согласныя съ церковными задачами и оправдываемыя исторіей, надежды въ интересахъ Церкви. Кромѣ императоровъ и самихъ патріарховъ св. Григорій обращался по этому поводу и ко всѣмъ восточнымъ епископамъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно его окружное посланіе. „Съ кажущимся приближеніемъ конца міра, говорилъ папа восточнымъ епископамъ, врагъ рода человѣческаго обнаруживаетъ признаки своего пришествія въ томъ, что сами священники, обязанные противодѣйствовать ему своимъ добродѣтельнымъ и скромнымъ образомъ жизни, являются его предтечами черезъ употребленіе этого титула гордости. Поэтому папа увѣщалъ и совѣтовалъ епископамъ, чтобы никто изъ нихъ какимъ-либо образомъ не принялъ этого титула, никто не сочувствовалъ ему, никто не назывался имъ въ письмахъ, не употреблялъ его ни въ какихъ другихъ документахъ или не прибавлялъ къ своей подписи, по какъ свойственно служителямъ всемогущаго Бога каждый да хранитъ себя цѣлымъ отъ этого ядовитаго зелья и да не даетъ хитрому злоумышленнику доступа къ себѣ, такъ какъ этотъ титулъ служитъ къ обидѣ и раздѣленію всей Церкви и, такъ сказать, къ посрамленію всѣхъ епископовъ, ибо если одинъ станетъ называться вселенскимъ, въ такомъ случаѣ произойдетъ то, что они перестанутъ быть епископами“ [1]).

Но, конечно, и это обращеніе къ епископамъ не могло достигнуть цѣли. Что могли сдѣлать при громадномъ значеніи Константинопольскаго патріарха восточные епископы, готовые смотрѣть на себя, какъ на его дѣтей. Могли-ли они дружно поидти противъ желанія отца отцовъ?

Послѣдующіе папы по вопросу о титулѣ „вселенскій“ примѣромъ Григорія Великаго, руководствовались, но также тщетно. Папа Левъ IX, напримѣръ, называлъ этотъ титулъ святотатственной узурпаціей и въ своихъ соображеніяхъ естественно ссылался на авторитетъ Пелагія II и Григорія Великаго. Конечно, по поводу обличеній папами Константинопольскихъ

---

[1]) Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою Церковью. Проф. Спб. Дух. Академіи Т. Барсова. Спб. 1878 г. Глава III.

патріарховъ трудно не подумать, что многіе изъ папъ, не замѣчая бревна въ своемъ глазу, выставляли на показъ сучекъ въ глазахъ патріарховъ, но во всякомъ случаѣ папы хорошо пояснили, что титулъ „вселенскій“ представляетъ все-таки сучекъ который долженъ быть вынутъ и который выросъ, очевидно, на почвѣ разныхъ преимуществъ чести и власти Константинопольскаго патріарха.

Несмотря на протесты папъ и отсутствіе согласія всей Церкви Константинопольскіе патріархи благодаря своему положенію пользованіе титуломъ „вселенскій“ мало-по-малу обратили уже въ обычай, а это въ свою очередь стало затѣмъ пріобрѣтать въ ихъ глазахъ характеръ основанія для возможно широкаго распространенія его власти. Михаилъ Керуларій, наприм., высказывалъ, что въ юрисдикціи Константинопольской кафедры находится весь Востокъ и даже Западъ долженъ поучаться у Константинопольскаго патріарха, такъ какъ „не напрасно онъ носитъ титутъ вселенскаго“ [1]).

Возвышеніе чести и власти Константинопольскаго патріарха, естественно, повело къ развитію сильной централизаціи церковнаго управленія. Мало-по-малу центральное положеніе въ немъ перешло къ „вселенскому“ епископу, отцу отцовъ. Отъ него потребовалось достаточно реагировать на самыя разнообразныя явленія церковной жизни на обширномъ пространствѣ. Участіе въ управленіи патріарха стало во многомъ замѣнять прежніе, предписываемые канонами, областные соборы. Но при ограниченности человѣческой природы, ея чувствъ и способностей у Константинопольскаго патріарха естественно перестало хватать зрѣнія, чтобы все видѣть самому, слуха, чтобы выслушивать всѣхъ нуждающихся и являющихся въ столицу по дѣламъ церковнымъ, памяти, чтобы обо всемъ помнить какъ должно, и мыслей, чтобы обсудить самому все въ связи со всѣмъ. Явилась необходимость какъ-нибудь расширить человѣческую природу патріарха и пополнить ея недостатки для принятой имъ на себя роли. Такимъ средствомъ было признано уч-

---

1) Раздѣленіе церквей при М. Керуларіѣ. П. Скабалоновича. Христіанское Чтеніе 1885 г. № 1 и 2. Стр. 116.

рожденіе разнаго рода помощниковъ патріарха. Мало-по-малу, какъ свидѣтельствуютъ историки, около патріарха образовался цѣлый дворъ духовныхъ сановниковъ, которые стали раздѣляться на хоры и пентады, какъ своего рода классы и степени[1]). Ближайшіе помощники патріарха, эксокатакилы, въ Синтагмѣ прямо и сравниваются съ пятью чувствами патріарха, посредствомъ которыхъ онъ все видѣлъ, слышалъ и всѣмъ распоряжался. Какъ пять чувствъ, замѣчаетъ одинъ изъ греческихъ историковъ, никогда не оставляютъ живаго человѣка, такъ эксокатакилы никогда не удаляются отъ патріаршаго ребра, а Вальсамонъ наприм., должность хартофилакса изъ разряда эксокатакиловъ называетъ „устами и рукою патріарха“. Отношеніе его къ патріарху Вальсманъ сравниваетъ съ отношеніемъ Аарона къ Моисею и говоритъ, что хартафилаксу даются патріархамъ ключи царства небеснаго[2]). Эксокатакилы, очевидно, вслѣдствіе представленія ими изъ себя какъ бы дополненія личности патріарха занимали мѣста непосредственно при немъ, выше не только пресвитеровъ, но и епископовъ, и въ Церкви и въ другихъ собраніяхъ. Отсюда между прочимъ хорошо видно, какъ излишнее и не соотвѣтствующее обыкновеннымъ свойствамъ человѣческой природы значеніе, придаваемое въ церковномъ управленіи одному лицу, можетъ приводить къ извращенію нормальныхъ церковныхъ понятій и порядка, по которымъ, наприм., епископы уже въ силу своего сана должны стоять выше пресвитеровъ, а пресвитеры діаконовъ. Оказывается, важность личности патріарха отодвинула на второй планъ даже значеніе степеней іерархіи. Но для правильнаго хода церковнаго управленія прибавленіе къ патріарху однихъ способностей эксакатакиловъ было недостаточно. Ихъ человѣческія способности также потребовали дополненія въ помощи другихъ. Около эксокатакиловъ образовались подъ ихъ управленіемъ цѣлые „секреты“ съ новыми чиновниками для завѣдыванія отдѣльными частями управленія. Такимъ образомъ патріархъ могъ отзываться на церковныя нужды и рѣшать церковныя дѣла, лишь

---

[1]) Т. Барсовъ, Константинопольскій патріархъ. Глава V, стр. 258.
[2]) Ibid.

какъ они доходили до него, такъ сказать, послѣ нѣсколькихъ преломленій въ чувствахъ и сознаніи разныхъ чиновниковъ, составляющихъ „секреты“, эксокатакиловъ и другихъ, которыя можетъ быть очень были отличны отъ чувствъ и сознанія самого патріарха. Стремленіе къ централизаціи церковнаго управленія около одного лица сейчасъ же повело къ развитію бюрократизма. Примѣръ Константинопольскаго патріарха показываетъ, что патріаршество, какъ я уже обращалъ вниманіе Присутствія въ своемъ докладѣ I Отдѣлу 3 мая 1906 г.[1]), очень легко уживается съ разными формами бюрократизма, и само по себѣ нисколько еще не гарантируетъ отъ возникновенія какой-либо новой формы бюрократизма, принесшаго Россіи уже много вреда.

Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что самое учрежденіе разныхъ духовныхъ чиновниковъ при патріархѣ, по разъясненію изслѣдователей этого вопроса, имѣло также въ виду свидѣтельствовать о необыкновенной важности положенія патріарха и окружить его возможно торжественной внѣшней обстановкой и притомъ не только при отправленіи патріархомъ обязанностей церковнаго управленія, но даже и во время богослуженія[2]). Вообще устройство церковнаго управленія вслѣдствіе участія въ немъ такого важнаго лица, какъ патріархъ, организовалось въ подражаніе управленію императоровъ, и въ Византіи его старались приблизить къ государственному. Къ церковному управленію, очевидно, и въ этомъ отношеніи слишкомъ примѣшивалось начало чуждое, заимствуемое изъ иного порядка жизни, который самъ постоянно нуждается въ благотворномъ воздѣйствіи Церкви и едва-ли можетъ служить для нея образцомъ.

Съ теченіемъ времени положеніе, присвоенное себѣ римскимъ епископомъ, стало служить достойнымъ подражанія во многомъ и для патріарха Константинопольскаго. Исторія свидѣтельствуетъ о стремленіи Константинопольскихъ патріаховъ играть такую же роль на Востокѣ, какую приготовили для себя папы на Западѣ. Указанія на право и

---

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 3 мая 1906 г. Церковныя Вѣдомости 1906 г., № 21.

[2]) Т. Барсовъ, Константинопольскій патріархъ. Глава V.

власть Константинопольскаго патріарха во 2 правилѣ II Вселенскаго собора, по которому ему предоставлено „преимущество чести *по* римскомъ епископѣ“ и въ распространившихъ его далѣе правилахъ 28 Халкидонскомъ и 36 Трулльскомъ, въ Византіи многіе стали понимать въ томъ смыслѣ, что предлогъ *по* (μετά) означаетъ лишь порядокъ времени, а не какое-либо низшее положеніе сравнительно съ епископомъ римскимъ. Предлогъ *по* толкуетъ, наприм., Аристинъ, здѣсь обозначаетъ не честь, но время, подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: по многомъ времени и епископъ Константинопольскій получилъ равную честь съ епископомъ римскимъ“ [1]). Такое пониманіе принято и въ Славянской Кормчей. Чтобы добиться признанія за Константинопольскимъ патріархомъ по отношенію къ Востоку тѣхъ преимуществъ, которыми пользовался римскій папа на Западѣ, изъ Константинополя было отправлено въ Римъ при папѣ Іоаннѣ XIX даже особое посольство, окончившееся, конечно, неудачею [2]). Нѣкоторые склонны думать, что Константинополь подобнымъ чрезмѣрнымъ возвышеніемъ своего епископа хотѣлъ ограничить притязанія Рима. Можетъ быть, это и такъ, но фактъ остается фактомъ. Во всякомъ случаѣ въ двадцатыхъ годахъ XI столѣтія, по заключенію проф. П. С. Суворова, „въ Константинополѣ думали путемъ мирныхъ переговоровъ съ папой получить признаніе константинопольскаго епископа восточнымъ папой“. Когда это не удалось и на мирное достиженіе цѣли не усматривалось никакихъ шансовъ, патріархъ Керуларій рѣшился путемъ войны съ Римомъ добиться того, чего нельзя было достигнуть путемъ мирнымъ. Фактически онъ и безъ того былъ единственнымъ іерархическимъ главой на Востокѣ... Это фактическое положеніе „Керуларій закрѣпилъ путемъ разрыва съ Римомъ, потому что послѣ разрыва уже никто не могъ предъявлять къ нему никакихъ притязаній на высшую надъ нимъ власть“ [3]).

---

[1]) Правила св. Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями. Выпускъ II. Москва 1897 г., стр. 97 и 99.
[2]) Т. Барсовъ. Константинопольскій патріархъ. Глава II.
[3]) Византійскій папа. Москва 1902 г. Глава II, стр. 78 и 79.

Такимъ образомъ возвышеніе Константинопольскаго епископа вслѣдствіе политическаго значенія города, повидимому, несло въ себѣ зародыши какихъ-то неизвѣстныхъ для насъ, но едва-ли желательныхъ явленій въ исторіи православной Церкви и подавало поводы къ притязаніямъ на особое исключительное положеніе въ церкви Константинопольскаго патріарха. Трудно сказать, къ чему привело бы все это, еслибы паденіе Византіи не измѣнило хода всемірной исторіи и не отняло реальную почву для дальнѣйшаго развитія подобныхъ стремленій Константинопольскаго патріарха.

Подобно этому образовался и патріархатъ Іерусалимскій. За епископомъ Іерусалима, какъ города имѣющаго особое значеніе въ исторіи христіанства, 7 правиломъ Никейскаго Собора было признано фактически уже ранѣе установившееся преимущество чести. Возвышеніе чести повело и къ преимуществамъ власти. Особенно сильно сталъ добиваться этого Іерусалимскій епископъ Ювеналій во время Третьяго Вселенскаго Собора. Потерпѣвъ неудачу на соборѣ, Ювеналій сумѣлъ склонить на сторону своихъ домогательствъ императора, который издалъ указъ о независимости Іерусалимскаго епископа и оподчиненіи его власти Палестины, Финикіи и Аравіи въ явный ущербъ правамъ и власти патріарха Антіохійскаго. Все это, конечно, подало поводъ къ разнымъ спорамъ и недовольству между этими епископами. На Четвертомъ Вселенскомъ Соборѣ состоялось наконецъ соглашеніе между Максимомъ, епископомъ Антіохійскимъ, и Ювеналіемъ Іерусалимскимъ въ томъ, что Финикія и Аравія снова переходятъ къ патріархату Антіохійскому, а власть патріарха Іерусалимскаго распространяется лишь на 3 области Палестины [1]). Вообще по поводу образованія Іерусалимскаго патріархата также приходится замѣтить, что исторія его исполнена борьбы коллизій и пререканій [2]).

Не будемъ же забывать, что въ основаніе образованія власти Константинопольскаго епископа положенъ политиче-

---

[1]) Дѣяніе VII Халкидонскаго Собора. Дѣянія Вселен. Соборовъ. Т. IV. Казань 1878 г.

[2]) Духовенство Древней Вселенской Церкви, проф. А. П. Лебедева. Отд. II, гл. VI.

скій элементъ въ видѣ внѣшняго преимущества города. Очень характерно это выражаетъ, наприм., Аристинъ при толкованіи 28 Халкид. правила: „Епископъ новаго Рима (Константинополя) единочестенъ съ епископомъ древняго по причинѣ перенесенія скипетровъ. Посему епископы Понта, Фракіи и Асіи и иноплеменные принимаютъ рукоположеніе отъ епископа Константинопольскаго [1]). Это же основаніе проводится, очевидно, и въ 36 правилѣ Трулльскаго Собора, который Константинопольскому епископу указываетъ второе мѣсто послѣ Римскаго, а Іерусалимскаго ставитъ на самое послѣднее. Между тѣмъ, если держаться чисто церковнаго значенія города, то Іерусалимской кафедрѣ по важности совершившихся въ Іерусалимѣ событій должно было бы отвести первое мѣсто.

По поводу 28 правила Халкидон. и 2 правила Второго Вселенскаго Собора Вальсамонъ обращаетъ еще вниманіе, что въ древности всѣ митрополиты были независимы и были рукополагаемы своими собственными соборами и что порядокъ этотъ измѣнился съ появленіемъ 28 Халкид. правила [2]). Патріаршій институтъ развивался, очевидно, въ ущербъ митрополичьему и несъ въ себѣ задатки къ образованію сильной централизаціи церковнаго управленія, которая можетъ быть тѣмъ вреднѣе для самой церковной жизни, чѣмъ обширнѣе предѣлы государства.

При выясненіи себѣ исторіи возникновенія многихъ патріархатовъ и особенно Константинопольскаго, не говоря уже о многихъ послѣдующихъ въ этомъ патріархатѣ событіяхъ [3]), развѣ можно усматривать въ появленіи ихъ общей нормы для организаціи церковнаго управленія? Считать ихъ нормой нельзя уже потому, что въ древности не было полнаго единства формъ церковнаго управленія [4]). Правило же

---

[1]) Правила святыхъ Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями. Вып. II. Москва 1897 года, стр. 260.

[2]) Правила святыхъ Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями. Вып. II. Москва 1897 года, стр. 93 и 261.

[3]) Въ этомъ отношеніи я обращаю вниманіе на книгу проф. И. С. Суворова. Византійскій папа.

[4]) Епархіи въ древней церкви. Проф. В. В. Болотова. Церк. Вѣдом. 1906 г. № 3.

28 Халкидонскаго собора и немногія другія, гдѣ упоминается о патріархахъ, должны быть понимаемы лишь въ отношеніи къ тѣмъ патріархамъ, которые въ то время существовали, какъ фактъ. Никакому распространительному толкованію, а еще тѣмъ болѣе уже совершенно произвольному примѣненію по аналогіи подлежать они не могутъ. Это было бы созданіемъ новыхъ правилъ, содержаніе которыхъ можетъ и должно быть предварительно подвергнуто всестороннему обсужденію, и еще большой вопросъ, насколько современное церковное сознаніе могло бы удовлетвориться доказательствомъ необходимости возвышенія одного епископа надъ всѣми въ виду первенствующаго политическаго положенія города или проведеніемъ чуть-ли не полнаго параллелизма между церковнымъ и государственнымъ устройствомъ, къ чему, какъ показываютъ многія данныя, столь склоненъ былъ византійскій умъ [1]). Еслибы, наприм., въ доказательство необходимости патріаршаго сана и власти для Петербургскаго епископа, стали приводить соображеніе, что Петербургъ, какъ мѣсто пребыванія царя и его правительства, долженъ быть возвеличенъ и въ церковномъ отношеніи, то развѣ такой аргументъ не явился бы для громаднаго большинства просто мертвымъ анахронизмомъ! Кромѣ того многіе изъ самихъ ревнителей древнихъ каноновъ навѣрное потребуютъ возвышенія въ дѣлахъ церковныхъ не Петербургскаго, а Московскаго епископа, такъ какъ именно Москва почему-то должна быть разсматриваема какъ третій Римъ.

Желающимъ брать за образецъ византійскіе порядки церковнаго управленія слѣдуетъ имѣть въ виду и справедливое указаніе проф. Болотова, что порядки эти представляютъ собою „послѣдовательную эксплуатацію естественнаго тяготѣнія периферіи къ своему политическому центру, какимъ во дни оны былъ новый Римъ востока—Константинополь“,

---

[1]) Особенно ясно это обнаруживается, наприм., въ Эпанагогѣ, византійскомъ памятникѣ IX вѣка, и въ предисловіи къ VI новеллѣ Юстиніана. Характеръ и значеніе Эпанагоги. Вл. Сокольскаго. Византійскій Временникъ. Спб. 1894 г. Т. I. Выпускъ I. Отд. 1 и Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской имперіи. Проф Курганова. Казань 1880 г.

и что они едва-ли могутъ претендовать на честь быть самыми удобными и для Россіи [1]).

Одинъ изъ сторонниковъ патріаршества въ Россіи, проф. М. А. Остроумовъ по крайней мѣрѣ прямо и заявилъ на засѣданіи I Отдѣла, что каноны не учреждаютъ патріарховъ. „Церковные каноны, по его разъясненію, не учреждаютъ никакой должности, ни епископовъ, ни дьяконовъ, ни дьячковъ. Они все это находятъ уже существующимъ, признаютъ и въ себѣ отражаютъ, не учреждаютъ они и патріарховъ, о которыхъ въ канонахъ упоминается, если не ошибаюсь, только три раза, Двукратнаго правило 15 и 16 и Софійскаго правило I, въ которомъ упоминается патріархъ Фотій. Патріаршество основано на обычаѣ: да хранятся древніе обычаи, сказано въ 6 правилѣ Перваго Вселенскаго Собора, понеже утвердися обыкновеніе и древнее преданіе, сказано въ 7 правилѣ объ Іерусалимскомъ епископѣ, чтобы онъ имѣлъ послѣдованіе чести. Можно слѣдовательно сказать, что и патріархи не учреждены канонами. Но съ другой стороны мы видимъ, что патріархи признаны канонами и каноны ничего не говорятъ противъ ихъ существованія. Съ этой точки зрѣнія они каноничны“ [2]).

Такимъ образомъ о каноничности патріаршаго института можно говорить лишь съ извѣстной точки зрѣнія, именно въ смыслѣ признанія существовавшаго факта и отсутствія его отрицанія. Но изъ подобнаго факта, который возникъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій жизни и притомъ скорѣе нецерковныхъ, и который ясно несетъ на себѣ печать мѣста и времени, еще нельзя выводить патріаршество, какъ обязательную каноническую норму, къ чему однако, повидимому, и направлено указаніе, что каноны не учреждаютъ, а только признаютъ и должности епископовъ, дьяконовъ и друг. Но такое сопоставленіе патріарховъ со степенями іерархіи совершенно произвольно и нисколько не помогаетъ признанію патріаршества въ качествѣ общей нормы. Существованіе іерархіи является нормой для всякаго церковнаго устройства,

---

[1]) Епархіи въ Древней Церкви.

[2]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 17 мая 1906 г. Церк. Вѣд. 1906 г. № 22, стр. 1531.

основанной на св. Писаніи и соединенной съ догматической стороной христіанскаго ученія. Соборы не только не могли не признавать ее, потому что иначе они перестали бы выражать собой христіанское сознаніе, но и полагали ее въ основаніе своихъ правилъ. Между тѣмъ какъ учрежденіе епископа съ высшимъ титуломъ, съ особыми правами и преимуществами, справедливо можетъ еще возбуждать сомнѣнія въ полномъ согласіи его съ духомъ христіанства. Подобная идея, нарушающая равенство между епископами, по мнѣнію профессора Казанской Духовной Академіи В. И. Несмѣлова, противорѣчитъ основному смыслу ученія Спасителя, чтобы апостолы и ихъ преемники не походили на князей и владыкъ народныхъ, а желающіе быть между ними первыми достигали бы этого не посредствомъ особыхъ правъ и преимуществъ, а только особымъ усердіемъ въ своемъ смиренномъ служеніи всѣмъ [1]). Соображеніе проф. Несмѣлова раздѣляется немалымъ числомъ лицъ вполнѣ принадлежащихъ къ церкви, и даже нѣкоторыми епархіальными преосвященными [2]).

Если разсматривать патріаршество съ точки зрѣнія пользы этого института для Церкви, то и съ этой стороны мы не найдемъ достаточно основаній для признанія его желательной нормой церковнаго управленія. По даннымъ исторіи едва-ли можно доказать, что патріаршество вообще представляетъ изъ себя явленіе очень благотворное для Церкви, какъ міроваго общества, долженствующаго охватить въ своемъ общеніи всѣхъ людей. Напротивъ даже при такихъ важныхъ моментахъ исторіи, какъ раздѣленіе церквей, когда отъ надѣленныхъ высшими титулами и властью іерарховъ казалось бы особенно требовалось полное самоотреченіе и заботы о благѣ всей Церкви, у нихъ ярко выступаютъ заботы о титулахъ и о сохраненіи всей широты своей власти [3]).

---

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 17 мая 1906 г.

[2]) Отзывы епарх. арх. по вопросу о церковной реформѣ. Ч. I, № 5.

[3]) По разъясненіямъ многихъ изслѣдователей этой важной въ исторіи христіанства эпохи среди ея печальныхъ явленій ясно выступалъ вопросъ о правахъ и преимуществахъ Константинопольскаго и Римскаго епископовъ. Во всякомъ случаѣ необходимо сознаться, утверждаетъ проф. Петербургской Дух. Академіи Т. Барсовъ, что какъ несогласія между Римомъ

и Константинополемъ по дѣлу Игнатія и Фотія были продолженіемъ прежнихъ между ними размолвокъ и служили послѣдствіемъ именно взаимнаго ихъ разномыслія по вопросу о преимуществахъ римской и константинопольской кафедръ, такъ въ свою очередь и окончательное раздѣленіе Западной и Восточной церквей произошло не безъ дѣятельнаго участія того же фактора. Окончательное раздѣленіе церквей проф. Барсовъ считаетъ послѣдовательнымъ результатомъ тѣхъ натянутыхъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ, которыя обнаружились со времени, когда папы не захотѣли признать, а константинопольскіе епископы оставить предоставленныя имъ преимущества. Постепенное расширеніе этихъ преимуществъ еще болѣе ухудшало эти отношенія, вызывая большее и большее противодѣйствіе со стороны Рима. (Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою Церковью. Спб. 1878 г. Глава II). Другой проф. той же академіи, историкъ И. Скобалановичъ, обстоятельства раздѣленія церквей характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: Въ столкновеніяхъ Рима съ Константинополемъ со времени патріарха Фотія преобладающее значеніе имѣлъ вопросъ по преимуществу практическій—о власти и правахъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго, и отъ постановки этого вопроса зависѣла постановка разностей не только дисциплинарно-обрядовыхъ, но и догматической (т. е. о св. Духѣ), Какъ скоро доходило до столкновенія между папами, увлеченными безмѣрностью притязаній и константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, охранявшимъ свою самостоятельность, тогда не только догматическая разность получила истинное свое освѣщеніе, но и разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя чуть не возводились въ догматы. Если же папы молчали о своемъ примативѣ, не дѣлали покушеній подчинить себѣ церковь восточную, то не только разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя трактовались въ духѣ снисхожденія и взаимнаго уваженія, но и разность въ догматѣ не дѣлалась источникомъ раздора. И такъ какъ не сообразно было съ достоинствомъ догматической истины, пишетъ проф. Скабалоновичъ, допускать сознательное и завѣдомое отъ нея уклоненіе, то при этомъ поступали такъ, что о догматической розности или совершенно умалчивали или успокаивали совѣсть вѣрующихъ давая отступленію толкованіе, при которомъ оно получало значеніе истины". (Раздѣленіе церквей при Михаилѣ Керуларіѣ. Христіанское Чтеніе 1884 г. № 11 и 12, стр. 729—730). Проф. Н. С. Суворовъ вполнѣ подтверждаетъ указаніе г. Скабалоновича, что „движущею причиною раздѣленія церквей были не обряды и не догматы, а вопросъ о власти, и что до Керуларія, какъ при самомъ Фотіѣ, такъ и при его преемникахъ съ каждымъ улучшеніемъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ всякія розности и обрядовыя и догматическія забывались". Но вмѣстѣ съ этимъ г. Суворовъ отмѣчаетъ, что по даннымъ исторіи „безмѣрныхъ" притязаній на права и власть не былъ чуждъ въ то время и патріархъ Константинопольскій. (Византійскій папа. Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи. Москва 1902 г. Гл. II, стр. 70 и 71).

Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ, вредъ которыхъ все болѣе и болѣе обнаруживается еще и до сихъ поръ, привело возвышеніе нѣкоторыхъ епископовъ надъ всѣми другими и образованіе ихъ единоличной власти и правъ. Стремленіе поддерживать эти земныя преимущества не остановило епископовъ, какъ наприм., римскихъ, пользоваться для этого и всякаго рода земными средствами и способами, часто совершенно чуждыми природѣ Церкви, а черезъ это сами же епископы посѣвали зерна будущей реформаціи и протестантства, изъ которыхъ въ свою очередь съ теченіемъ времени ясно вышли уже зародыши полнаго невѣрія и отрицанія самаго христіанства.

изучавшій этотъ вопросъ Н. П. Аксаковъ находитъ возможнымъ категорически утверждать, что какъ титулъ такъ и разныя преимущества патріарховъ возникаютъ въ VI столѣтіи на почвѣ новеллъ и распоряженій Юстиніана и внѣ всякаго соборнаго освященія получаютъ въ послѣдующихъ вѣкахъ дальнѣйшее внѣканоническое развитіе [1]).

Что древніе каноны не учреждаютъ патріаршества, какъ нормы, можетъ свидѣтельствовать и 48 правило Карфагенскаго Собора: „Епископъ перваго престола да не именуется экзархомъ іереевъ или верховнымъ священникомъ или чѣмъ-либо подобнымъ, но только епископомъ перваго престола". При толкованіи этого правила Зонара поясняетъ, что, по его мнѣнію, оно установлено не для чего другаго, а для устраненія тщеславія и гордости и для уничтоженія надменности [2]). Основаній же для подобной цѣли правила, какъ я обращалъ вниманіе I Отдѣла Присутствія въ своемъ докладѣ по вопросу о патріаршествѣ въ Россіи, въ исторіи Церкви можно найдти не мало [3]). Другой древній толкователь Аристинъ по поводу 48 Карфагенскаго правила справедливо замѣчаетъ, что достоинство священства у всѣхъ одно и тоже и не долженъ называться этотъ верховнымъ священникомъ, а тотъ простымъ священникомъ. Славянская Кормчая понимаетъ это правило въ томъ смыслѣ, что „первый епископъ не начальникъ святителямъ, ни крайній святитель, но епископъ перваго сѣдалища наречется".

Такимъ образомъ 48 Карфагенское правило ясно требуетъ охраненія идеи полнаго равенства между епископами и допускаетъ лишь признаніе среди нихъ перваго между равными, да и то не въ силу какого-либо его личнаго положенія, а вслѣдствіе важности занимаемой имъ кафедры. А со всѣмъ этимъ едва-ли можетъ согласоваться понятіе о патріаршествѣ, какъ нормѣ церковнаго управленія, особенно же въ его историческихъ проявленіяхъ.

---

[1]) Патріаршество и каноны. Спб. 1906 г. стр. 18.
[2]) Правила св. Помѣстныхъ Соборовъ съ толкованіями. Изд. Москов. Общ. Люб. Дух. Просв.
[3]) Журналъ засѣданій I Отдѣла 3 мая 1906 г. Церк. Вѣд. 1906 г. № 21.

Итакъ необходимость введенія въ Россіи патріаршества не можетъ быть основана на требованіи древнихъ каноновъ или на доказательствахъ изъ св. Писанія. Поэтому для сторонниковъ этой мысли остается одинъ болѣе надежный путь— установить необходимость патріаршества на основаніи какихъ-либо важныхъ потребностей современной церковной жизни и очевидной пользы отъ него для осуществленія Православной церковью въ Россіи своихъ вѣчныхъ задачъ. Но до сихъ поръ въ этомъ отношеніи еще не слышалось какихъ-либо вполнѣ достаточныхъ соображеній, ясно вытекающихъ изъ основныхъ принциповъ церковной жизни, а всѣ доводы, приводимые за патріаршество, или покоятся на какой-то слѣпой вѣрѣ въ этотъ институтъ, далеко не оправдываемой исторіей, или же обнаруживаютъ стремленіе смотрѣть на русскую церковную жизнь византійскими глазами и оцѣнивать ея современныя потребности съ точки зрѣнія византійскихъ понятій. При разборѣ того, что говорится обыкновенно за введеніе патріаршества, нельзя не отмѣтить, что здѣсь прежде всего проглядываетъ пользованіе методомъ доказательства отъ противнаго. Существующее при отсутствіи патріарха плохо, такъ нужно добиваться его учрежденія,—вотъ основное положеніе многихъ разсужденій о необходимости патріаршества. Подъ вліяніемъ недовольства тѣмъ, что есть, патріаршество почему-то признается какъ само собой разумѣющееся средство къ устраненію недостатковъ. Во главѣ русскаго церковнаго управленія мало-по-малу фактически сталъ Оберъ-Прокуроръ св. Синода, который вслѣдствіе своего центральнаго положенія дѣйствительно нерѣдко оказывалъ излишнее, а то и прямо вредное вліяніе на дѣла церковныя. Сведите роль Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи почти на нѣтъ, а во главѣ его и центрѣ поставьте патріарха,—предлагаютъ сторонники этого института,—и тогда церковное управленіе въ Россіи пойдетъ нормально и чуть-ли не зацвѣтетъ даже заглохшая теперь церковная жизнь! До какой степени могутъ уходить въ этомъ отношеніи мысли сторонниковъ патріаршества, покидающія твердую почву исторической и современной дѣйствительности, ясно показываютъ соображенія о патріаршествѣ, приводимыя

въ отзывѣ Волынскаго архіепископа Антонія по вопросамъ реформы. Въ своемъ докладѣ Первому Отдѣлу Присутствія 3 мая 1906 г. я уже обращалъ вниманіе на нѣкоторыя прямо восторженныя мѣста изъ этого отзыва, касающіяся патріаршества, но совершенно не убѣдительныя въ смыслѣ необходимости введенія его въ настоящее время въ Россіи. Добавимъ къ этому, что архіепископъ кромѣ того высказываетъ глубокое сожалѣніе, что въ мартѣ 1905 года св. Синоду не удалось добиться установленія въ Россіи патріаршества чисто бюрократическимъ путемъ, безъ участія не только всей Церкви, но даже и всѣхъ ея епископовъ. „Еслибы такое радостное событіе совершилось, то не позже Троицы, говоритъ онъ, состоялся бы и законный Помѣстный Соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ, а къ осени св. Церковь процвѣла бы такой силой благодатной жизни и духовнаго оживленія, что оно увлекло бы паству далеко-далеко отъ тѣхъ звѣрскихъ интересовъ, которыми теперь раздирается наша родина, а самодержавная власть непоколебимо и радостно стояла бы во главѣ народной жизни. По лицу родной страны раздавались бы священныя пѣснопѣнія, а не марсельезы, въ Москвѣ гудѣли бы колокола, а не пушечные выстрѣлы, черноморскія суда, украшенныя бархатомъ и цвѣтами, привозили бы и отвозили преемниковъ апостольскихъ престоловъ священнаго Востока, а не измѣнниковъ, не предателей руководимыхъ жидами, и вообще революціи тогда бы не было ни теперь, ни въ будущемъ, потому что общенародный восторгъ о возстановленіи православія послѣ долгаго его плѣна и подступиться не далъ бы сѣятелямъ безбожной смуты“ [1])...

Картины, рисуемыя въ воображеніи, по контрасту съ существующимъ для оправданія своихъ желаній, едва-ли могутъ быть принимаемы во вниманіе въ дѣлѣ важныхъ церковныхъ преобразованій и пригодны лишь въ „утопіяхъ“. Мало этого. Уничтоженіемъ въ Россіи патріаршества архіепископъ готовъ, повидимому, объяснять и уклоненія рус-

[1]) Отзывы епарх. арх. по вопросу о церковной реформѣ. Ч. III. № 55, стр. 193.

скаго общества отъ христіанскихъ началъ жизни. „Нашъ народный бытъ, утверждаетъ онъ, повернулъ на ложную дорогу заимствованій нехристіанскихъ правилъ жизни отъ Запада вмѣстѣ съ кончиной послѣдняго патріарха и съ тѣхъ поръ развилъ съ логическою послѣдовательностью себя любивыя, горделивыя и чувственныя начала быта языческаго, онъ выработалъ типъ русскаго нигилиста, изъ размноженія коего возникъ теперешній ужасающій всю вселенную безобразный мятежъ противъ родины и противъ христіанской вѣры. Исполнился Божій глаголъ: поражу пастыря и разыдутся овцы“....[1]). Кто же эти овцы по отношенію къ патріарху?—Если къ нимъ должны быть отнесены и епископы то вѣдь это повтореніе лишь другими словами римско-католическаго взгляда патріарха Никона, что „первый архіерей во образѣ Христа, а митрополиты, архіепископы и епископы во образѣ учениковъ и апостоловъ“. Если же здѣсь имѣется въ виду лишь народъ, то вѣдь епископатъ въ Россіи, къ которому прежде всего и примѣнимо понятіе пастыря, не уничтоженъ. Удаленіе же многихъ овецъ изъ народа отъ Церкви зависитъ отъ причинъ болѣе глубокихъ, отъ ненормальнаго положенія епископовъ въ отношеніи исполненія ими пастырскихъ обязанностей, а вовсе не отъ отсутствія среди нихъ епископа съ титуломъ патріарха. Увѣрять, что епископы не являются истинными пастырями по причинѣ отсутствія въ Россіи патріарха значитъ еще болѣе ронять русскихъ епископовъ въ глазахъ общества. Вообще самый методъ доказательства отъ противнаго, если и достаточенъ во многихъ случаяхъ въ области математики, то въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни онъ совершенно не надеженъ, нисколько не убѣдителенъ и обыкновенно носитъ на себѣ ясныя черты вліянія предвзятыхъ идей.

Кромѣ того относительно разсматриваемыхъ соображеній въ пользу патріаршества нельзя еще не замѣтить, что они построены, повидимому, на томъ неправильномъ основаніи, которое извѣстно въ логикѣ подъ названіемъ post hoc, ergo

---

[1]) Журналъ общаго собранія Присутствія 1 іюня 1906 г. Церк. Вѣд. 1906 г. № 25.

propter hoc, т. е. послѣ того, слѣдовательно по причинѣ этого. Изученіе историческихъ данныхъ временъ русскаго патріаршества и эпохи преобразованій не только не оправдываетъ утвержденія, что будто бы въ зависимости отъ уничтоженія патріаршества общественный бытъ въ Россіи уклонился отъ христіанскихъ началъ жизни, а скорѣе показываетъ, что этому уклоненію, а равно и уничтоженію патріаршества прежде всего способствовали сами же патріархи. Никонъ, какъ извѣстно, слишкомъ рѣзко выдѣлялъ свое положеніе въ Церкви и высоко возносился даже надъ всѣми другими епископами. По отношенію же къ государству онъ претендовалъ на положеніе равное царю. Въ предисловіи къ изданному при немъ Служебнику 1655 года царь и патріархъ именуются „богоизбранной и богомудрой двоицей“. Никонъ скоро усвоилъ себѣ получившій осуществленіе въ римской католицизмѣ взглядъ на преимущество духовной власти передъ свѣтской и обнаруживалъ явную тенденцію къ преобладанію надъ послѣдней. Такія стремленія Никона, конечно, нисколько не вытекающія изъ задачъ церковной жизни естественно побудили Петра I принять мѣры для предотвращенія на будущее время возможности подобныхъ случаевъ, для государства не полезныхъ и для Церкви вредныхъ. Кромѣ того съ наступленіемъ царствованія Петра Великаго началось сближеніе Россіи съ Европой, умственный кругозоръ русскаго человѣка сталъ замѣтно расширяться, и наступило время переоцѣнки многихъ прежнихъ цѣнностей. Въ такую-то важную и переходную въ жизни государства эпоху русскій патріархъ оказался совершенно не на высотѣ своего положенія. Въ сознаніи тогдашняго патріарха Адріана понятіе церковнаго и даже христіанскаго оказалось слишкомъ тѣсно связаннымъ съ даннымъ общественнымъ порядкомъ и обычаями. Вмѣсто того чтобы пастырски руководить русское общество и помочь ему держаться христіанскихъ идеаловъ въ новыхъ формахъ жизни патріархъ самъ не могъ достаточно раздѣлить въ своемъ сознаніи широту христіанской духовности отъ преходящихъ и измѣняющихся формъ жизни. Не понявъ значеніе переживаемаго момента для послѣдующаго отношенія

русскаго общества къ Церкви, патріархъ принялся отстаивать именемъ христіанства съ угрозами муками ада внѣшніе порядки и обычаи жизни, не исключая и самыхъ обыденныхъ житейскихъ, какъ это можно видѣть, наприм., изъ посланія Адріана противъ брадобритія[1]). Все это не могло не повліять вредно на сознаніе общества относительно истинной идеи Церкви и не повлечь подрыва пастырскаго авторитета патріарха и духовенства въ глазахъ самаго государя и русскаго общества, что ясно и замѣчается, наприм., въ „Исторіи Россійской“ Татищева, котораго во многомъ можно разсматривать, какъ выразителя взглядовъ тогдашняго времени. Съ тѣхъ поръ прошло уже два вѣка, и въ теченіи ихъ русское общество вслѣдствіе затемненія въ его сознаніи истинной идеи Церкви продолжало все болѣе и болѣе отдаляться отъ Церкви съ сохраненіемъ того взгляда на духовенство, не исключая и патріарха, который началъ устанавливаться въ немъ со времени Петра[2]). Поэтому въ дѣлѣ возвращенія русскаго общества къ Церкви прежде всего необходимо позаботиться возстановить чисто пастырскій, нравственно духовный авторитетъ духовенства, а это далеко не можетъ быть достигнуто введеніемъ по прежнему примѣру патріаршества съ формальнымъ возвеличеніемъ правъ и власти одного епископа.

Нельзя также не выразить протеста противъ примѣненія къ прежнимъ и будущимъ патріархамъ названія главы Церкви[3]). Употребленіе его въ наше время можетъ способствовать уже и такъ глубоко распространившемуся въ обществѣ затемненію истинной апостольской идеи Христіанской Церкви. Съ понятіемъ главы Церкви должна быть неразрывна мысль о Христѣ Спасителѣ, и никакихъ внѣшнихъ подобій или намѣстниковъ Его православное ученіе не допускаетъ уже по одному тому, что всякое подобіе или замѣстительство въ этомъ случаѣ было бы лишь искаженіемъ самой Главы и Ея отношенія къ Церкви. Всѣ епископы, а тѣмъ болѣе ни

---

[1]) Оно приведено нами въ книжкѣ: Церковь, Духовенство и Общество.
[2]) Ibid.
[3]) Журналъ общаго собранія Присутствія 1 іюня. Церковн. Вѣдомости 1906 г. № 25, стр. 1910.

какой либо одинъ изъ нихъ, должны быть разсматриваемы лишь какъ служители Церкви и пріемники апостоловъ, которые изъ своей среды не избирали никакой главы и не говорили о подобномъ главенствѣ въ Церкви. Да, наконецъ, если бы съ патріархами дѣйствительно слѣдовало соединять понятіе о главѣ Церкви, то куда могло бы зайти церковное общество, имѣющее такихъ главъ, какъ русскіе патріархи Никонъ и Адріанъ, или многіе византійскіе, изъ которыхъ иные прямо становились руководителями и защитниками разныхъ уклоняющихся отъ православія ученій и стремленій!

Сторонники патріаршества, какъ это видно изъ отзыва того же епископа, пытаются затѣмъ понимать патріаршество, какъ одну изъ основъ православнаго церковнаго строя. Но мы уже выяснили, что патріаршество является лишь фактомъ въ исторіи Православной Церкви, возникшимъ подъ воздѣйствіемъ далеко не церковныхъ причинъ, а вовсе не обязательной нормой церковнаго управленія. Не мало времени Православная Церковь существовала, во многихъ мѣстахъ существуетъ и теперь и навѣрное будетъ существовать и впредь безъ института патріаршества, и это обстоятельство еще, конечно, нисколько не можетъ удалять ее отъ православной нормы.

Подчеркивая далѣе, что Церковь есть институтъ воинствующій и должна воинствовать всѣмъ дарованнымъ ей духовнымъ оружіемъ, а наипаче отлученіемъ, дабы невѣрующіе кощунники не носили личину людей церковныхъ, архіепископъ Волынскій и нѣкоторые другіе выводятъ и отсюда необходимость имѣть въ Россіи патріарха. „Воинство, замѣчаетъ онъ, нуждается въ военачальникѣ, а его у насъ нѣтъ“ [1]). Онъ есть въ Православной Церкви и безъ патріарха, отвѣчу я, и притомъ болѣе надежный и близкій къ каждому изъ насъ, это Пастыреначальникъ Христосъ Спаситель, обѣщавшій пребывать въ Церкви до скончанія вѣка. (Матѳ. XXVIII, 20). Все дѣло лишь въ томъ, чтобы всѣ мы, особенно же епи-

[1]) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ. Ч. III, № 55, стр. 193.

скопы, старались слышать Его голосъ и духовно въ Немъ объединяться, а безъ этого въ борьбѣ съ врагами не поможетъ учрежденіе никакихъ внѣшнихъ вождей въ родѣ патріарха. Если бы духовенство и народъ дѣйствительно должны были смотрѣть на патріарховъ, какъ на своихъ военачальниковъ и пошли бы за такими вождями, какъ Несторій, Діоскоръ Александрійскій и другіе, то церковное общество уже давно сбилось бы съ истиннаго пути и отдалось бы въ руки врагамъ. Да и вообще развѣ можно быть увѣреннымъ, что отъ возвышенія власти одного епископа и созданія для него очень высокаго внѣшняго положенія церковное общество сдѣлается и духовно и сильнѣе и нравственно объединеннѣе! Вѣдь самое понятіе военачальника приложимо къ области Церкви, очевидно, лишь въ самомъ переносномъ смыслѣ и не совпадаетъ же оно съ понятіемъ начальника для войска. Очень увлекаться въ этомъ отношеніи земными порядками и подобіями опасно. Исторія римскаго католицизма показываетъ, что учрежденіе одного военачальника для всей Церкви заключаетъ въ себѣ возможность спутать въ сознаніи людей отношенія ихъ къ истинному Пастыреначальнику.

Странно также указывать въ числѣ доводовъ за патріаршество въ Россіи необходимость примѣненія военачальникомъ въ Церкви разныхъ духовныхъ орудій, а особенно отлученія. Мы уже не говоримъ здѣсь, что именно это духовное оружіе, по свидѣтельствамъ, наприм., исторіи римскаго-католицизма, протестанства и русскаго старообрядчества, далеко не всегда достигаетъ цѣли и оказывается полезнымъ для Церкви. Въ наше же время посылать отлученіе направо и налѣво всего менѣе возможно. Большинство людей заблуждаются вслѣдствіе затмѣнія въ ихъ сознаніи самой церковной идеи и христіанскихъ идеаловъ и очень часто по независящимъ отъ нихъ причинамъ. Для обращенія ихъ къ Церкви и сохраненія въ ней подростающаго поколѣнія весьма необходимо возстановленіе пошатнувшагося пастырскаго авторитета путемъ нравственно-духовнымъ, а отнюдь не увеличеніемъ его внѣшняго блеска и власти, да еще съ угрозой отлученія. Во всякомъ же случаѣ, если отлученіе и допу-

стимо въ Церкви, оно должно быть предоставлено не единоличному усмотрѣнію патріарха, а рѣшенію всего церковнаго собора, причемъ для возможно осторожнаго и правильнаго употребленія отлученія вовсе нѣтъ необходимости въ учрежденіи именно патріарха.

Теперь, пишетъ архіепископъ Антоній, доказывая пользу патріаршества, епископы, „стѣсненные въ своей церковной дѣятельности, въ отношеніи личнаго благополучія и личной свободы предоставлены себѣ и могутъ допускать различныя вольности безъ всякаго контроля. Но вотъ они желаютъ имѣть надъ собой не только патріарха, но и изъявляютъ готовность подчиниться митрополитамъ. Власть патріарха пополучитъ вѣдь одинъ, а остальные 99 изъ безконтрольныхъ владыкъ сдѣлаются его послушниками: семеро непосредственными, а прочіе 92 послушниками митрополита и затѣмъ уже патріарха. Это столько же похвально со стороны епископовъ, сколько полезно для Церкви, ибо, при ослабленіи общей церковной дисциплины необходима твердая власть и надъ всѣми нами“ [1]).

Такимъ образомъ отъ существующихъ недостатковъ и здѣсь дѣлается выводъ о необходимости введенія въ Русской Церкви принципа подчиненія всѣхъ епископовъ единоличной власти одного съ титуломъ патріарха. Кромѣ того совершенно неясно, почему нынѣшняя признаваемая самимъ епископомъ безконтрольность русскихъ архіереевъ должна быть сосредоточена у одного изъ нихъ съ обращеніемъ всѣхъ другихъ въ его послушниковъ? Принципъ подчиненія единоличной власти одного, необходимый для начальствованія войскомъ, полезный для управленія монастырями, иногда нужный въ жизни государственной, совершенно не установленъ въ св. Писаніи по отношенію къ Церкви. Апостолы были всѣ равны, и епископы въ качествѣ ихъ пріемниковъ должны почерпать силы для церковной дѣятельности и уничтоженіи своего произвола не въ твердой власти патріарха, а въ сознаніи своихъ пастырскихъ обязанностей и своей великой отвѣтственности передъ Пастыреначальникомъ и въ общеніи съ

[1]) Отзывы епарх. архіереевъ. Ч. I., № 10, стр. 115.

Нимъ. Если у епископовъ этого не будетъ, то никакая твердая единоличная власть не поможетъ ихъ служенію. А если это будетъ, то единоличная власть одного епископа надъ всѣми не только излишня, но можетъ быть даже и вредна. Изъ исторіи русскаго патріаршества можно видѣть, что патріархи нерѣдко прямо стѣсняли церковную дѣятельность епископовъ и вовсе нельзя признать, чтобы они способствовали пастырскому авторитету и вліянію епископовъ.

Вотъ какими чертами характеризуетъ, наприм., время патріарха Никона московскій митрополитъ Макарій въ своей извѣстной „Исторіи Русской Церкви“: „Надъ духовенствомъ Никонъ властвовалъ съ неограниченною волею и деспотически. Онъ держалъ себя высоко и малодоступно по отношенію не только къ нисшему клиру, но и къ самимъ архіереямъ, не хотѣлъ называть ихъ братьями, особенно тѣхъ, которые отъ него получили рукоположеніе, не уважалъ ихъ сана, что особенно показалъ въ своемъ извѣстномъ поступкѣ съ епископомъ Коломенскимъ Павломъ, нарушалъ ихъ права, отнимая у нихъ монастыри и приходскія церкви, которыя приписывалъ къ своимъ излюбленнымъ монастырямъ и бралъ подъ свою непосредственную власть. Съ безпощадною строгостью и суровостью преслѣдовалъ всѣхъ въ средѣ бѣлаго и монашествующаго духовенства, кого считалъ виновнымъ въ чемъ-либо, постоянно наполнялъ ими свои темницы и наполнилъ даже отдаленные монастыри Сибири, которые до Никона были почти пусты“ [1]).

Такова засвидѣтельствованная исторіей возможность деспотизма при единоличной твердой центральной церковной власти патріарха и вредныя послѣдствія отъ нея, какъ для самого пастырскаго авторитета епископовъ, такъ и для свободы въ ихъ церковной дѣятельности.

Кромѣ того возникаетъ естественный вопросъ, если всѣ русскіе епископы для болѣе правильнаго исполненія своихъ обязанностей нуждаются въ твердой власти патріарха, то почему же сообщеніе твердой власти одному изъ нихъ сдѣлаетъ его инымъ, не только способнымъ быть вполнѣ незави-

---

1) Исторія Русской Церкви. Т. XII, стр. 305. Спб. 1883 г.

симымъ, но и пользоваться своей властью исключительно ко благу Церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать, повидимому, въ рѣчи архіепископа Волынскаго въ общемъ собраніи Присутствія. Оказывается, что своимъ исключительнымъ положеніемъ и обаяніемъ своего высокаго жребія патріархъ можетъ „всѣхъ примирять въ любви и благоговѣніи предъ собою, отображая въ себѣ Христа, распявшагося за наше спасеніе, и оправдывая этимъ Его предреченіе, егда вознесенъ буду отъ земли вся привлеку къ себѣ“. „Вмѣщающая въ своемъ сердцѣ полноту помѣстной Церкви, облагодатствованная личность,—поясняетъ архіепископъ, — почти непроизвольно отрѣшается отъ земнаго себялюбія и, нося въ своемъ сердцѣ Христово достояніе, отражаетъ на лицѣ своемъ Божественную славу, какъ Моисей Боговидѣцъ, сошедшій съ Синая послѣ бесѣды со Всемогущимъ[1]).

Въ этихъ словахъ слышится уже не только отжившій и вовсе не признанный соборами книжный византійскій взглядъ, напримѣръ, Эпанагоги, которая разсматриваетъ Константинопольскаго патріарха, какъ живой и одушевленный образъ Христа, дѣлами и словами выражающій истину[2]), но и нѣчто большее. Патріаршій титулъ и власть выдвигаются чуть-ли уже не какъ новая степень іерархіи, носящая въ себѣ особаго рода освященіе благодатью, отрѣшающее отъ земнаго себя любія, сообщающее достояніе Христово и отраженіе на лице патріарха Божественной славы подобно Боговидцу Моисею. Такимъ образомъ здѣсь уже ясно обнаруживается прямо вѣра въ институтъ патріаршества. Вѣра эта, конечно, нигдѣ въ св. Писаніи не устанавливается и церковными канонами не предписывается. Совершенно не оправдывается она и церковными исторіями, не исключая и русской, которыя скорѣе свидѣтельствуютъ какъ разъ противъ всякой возможности подобной вѣры въ патріарховъ.

Изъ исторій мы видимъ, что возвышеніе на высшую ступень іерархіи обыкновенно даетъ усиленную пищу земному

---

[1]) Журналъ засѣданія Общаго собранія Присутствія 1 іюня 1906 г. Церковныя Вѣдомости 1906 г., № 25.

[2]) Эпанагога глава I титулъ II. Византійскій Временникъ, т. I. Выпускъ I. Спб. 1894 г.

себялюбію и не только не сопровождается отраженіемъ на лицѣ патріарха Божественной славы, а нерѣдко способствуетъ ослабленію въ немъ самого христіанскаго духа и заботъ о благѣ всѣхъ членовъ Церкви, которыя вытѣсняются стремленіями прежде всего получше сохранить или подальше распространить свою высшую власть и значеніе.

Кромѣ того въ настоящее время, отличающееся помраченіемъ въ общественномъ сознаніи христіанскаго идеала жизни и неумѣньемъ различать церковное и государственное вслѣдствіе ихъ частаго смѣшенія, для многихъ является опаснымъ слышать провозглашеніе въ предсоборномъ Присутствіи, хотя бы и отдѣльными его членами, вѣры въ патріаршество, въ то, что представленіе одному епископу высшаго титула и власти въ Церкви вызываетъ чуть-ли не особое дѣйствіе на него благодати и способствуетъ отрѣшенію отъ земного себялюбія и отраженію на немъ славы Божіей. У немалаго числа людей можетъ возбудиться недоумѣніе, какъ же соединить съ этимъ христіанское признаніе о необходимости постоянной внутренней борьбы съ себялюбіемъ, для успѣха въ которой должно избѣгать высокихъ внѣшнихъ положеній, громкихъ титуловъ и т. п., способныхъ именно питать человѣческое себялюбіе, и ученіе о томъ, что пріобщеніе Божественной славы достигается путемъ нелегкаго внутренняго очищенія. Они могутъ подумать, что это значеніе не абсолютно истинно, такъ какъ для человѣка, получающаго титулъ и власть патріарха, все это происходитъ какимъ-то инымъ образомъ.

Вѣра въ институтъ патріаршества руководила, повидимому, и всѣми другими соображеніями архіепископа по этому вопросу, а при такомъ настроеніи, люди, какъ извѣстно, часто прямо не желаютъ вовсе считаться съ доводами противоположными. Лучшимъ отвѣтомъ имъ при этихъ условіяхъ можетъ служить лишь простое заявленіе: мы не вѣримъ въ институтъ патріаршества, подобно вамъ, не имѣемъ основаній возлагать на него такихъ надеждъ, какъ вы, и вообще отвергаемъ взгляды на перваго епископа, напоминающія собой римскій католицизмъ.

Наконецъ, по утвержденію многихъ сторонниковъ патрі-

аршества, въ Россіи нельзя обойтись безъ этого титула въ интересахъ поддержанія престижа Русской Церкви среди другихъ Церквей. При взаимныхъ встрѣчахъ и сношеніяхъ, поясняетъ одинъ изъ нихъ, патріархъ преимуществуетъ честію предъ митрополитомъ. Отсюда, по его мнѣнію, является разница и въ преимуществахъ чести между помѣстными церквами при ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Ясное дѣло, что въ виду особаго почетнаго положенія Россіи среди другихъ православныхъ странъ, въ виду обширности Россійской Церкви, ей всего приличнѣе имѣть своимъ предстоятелемъ патріарха[1]).

Первую задачу предстоящихъ церковныхъ преобразованій составляетъ проведеніе въ церковное устройство начала соборности, чтобы раздѣленныя части церковнаго организма епископы, духовенство и народъ возможно больше объединились нравственно-духовно. Какъ дисгармонично среди потока такихъ желаній звучитъ указаніе на необходимость добиваться преимуществъ внѣшняго престижа и опасеніе не оказаться на первомъ мѣстѣ при взаимныхъ сношеніяхъ церквей, тѣмъ болѣе что все это, по свидѣтельству опыта жизни, обыкновенно вредно вліяетъ на сохраненіе соборности! Трудно допустить, чтобы въ подобныхъ основаніяхъ къ введенію патріаршества слышался голосъ всей Русской Церки, какъ части тѣла Христова и хранительницы вѣчныхъ христіанскихъ идеаловъ и жизни. Для успокоенія ревнителей внѣшняго церковнаго почета положительно приходится желать, чтобы по возможности всѣмъ епископамъ поскорѣе даровали высшіе церковные титула, и тогда по крайней мѣрѣ съ этой стороны потеряла бы значеніе забота о первенствѣ.

Первый епископъ Константинопольской Церкви, указываютъ затѣмъ сторонники патріаршества[2]), имѣетъ титулъ патріарха, да еще вселенскаго, первоіерархъ Антіохійской Церкви, паства котораго не превышаетъ 10000 семействъ, называется патріархомъ великаго города Антіохіи и всего

---

[1]) Журналъ засѣданія общаго Присутствія 1 іюня 1906 г. Церков. Вѣдомости 1906 г. № 25 стр. 1911.

[2]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 12 мая 1906 г. Церковныя Вѣдомости № 28 стр. 1512.

Востока, первый епископъ въ Александрійской Церкви съ паствою всего около 30000 семействъ носитъ названіе патріарха Александрійскаго и судіи вселенной... при этомъ указаніи не забытъ даже первый епископъ Армяно-Григоріанской церкви, именуемый Верховный патріархъ-католикосъ народа Гайканскаго... недостаетъ только упоминанія о римскомъ папѣ, присвоившимъ себѣ непогрѣшимость и наименованіе намѣстника Христа!... Поэтому Русская Церковь съ десятками милліонами православнаго населенія тѣмъ болѣе нуждается, по ихъ мнѣнію, въ первоіерархѣ съ титуломъ патріарха. Русской Церкви въ силу ея обширности должно принадлежать главное мѣсто среди другихъ православныхъ церквей и безъ учрежденія въ ней званія патріарха это будто бы не можетъ быть осуществлено и обезпечено[1]). Въ развитіи послѣдней мысли нѣкоторые приверженцы патріаршества доходятъ до того, что оставленіе предсѣдателя Синода лишь въ званіи митрополита будетъ, по ихъ мнѣнію, низведеніемъ всей Русской Церкви на степень канонической митрополіи и „порою можетъ дать мѣсто вопросу объ особомъ іерархическомъ отношеніи ея къ Константинопольскому патріарху[2])“. Такимъ образомъ при не введеніи въ Россіи титула патріарха усматривается даже возможность какихъ-то іерархическихъ притязаній на нее со стороны Константинопольскаго патріарха. Но это соображеніе должно быть прямо признано анахронизмомъ, и не имѣетъ никакой почвы въ современной дѣйствительности. Вѣдь въ Россіи и сейчасъ нѣтъ патріарха, а лишь Синодъ безъ предсѣдателя, и однако никогда не возбуждалось вопроса объ особомъ іерархическомъ отношеніи Русской Церкви къ Константинополю. Почему же устройство Синода съ предсѣдателемъ во главѣ можетъ подать къ этому поводъ? Кромѣ того званія патріарха не имѣютъ многія православныя церкви, каковы Сербская, Румынская, очень небольшая Черногорская и друг. и однако они остаются въ полной независимости отъ Константинополя и нисколько не считаютъ себя ниже этой церкви.

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 3 мая 1906 г. Докладъ проф. А. И. Алмазова. Церков. Вѣдомости. 1906 № 21.
[2]) Ibid.

По вопросамъ церковныхъ преобразованій намъ вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мы живемъ въ другое время, съ иными понятіями и другимъ соотношеніемъ въ человѣчествѣ живыхъ силъ. Поэтому мы не должны основывать церковное устройство на потерявшихъ теперь значеніе тѣняхъ прошлаго, явно носящаго на себѣ печать мѣста и времени. За тысячу лѣтъ церковной исторіи пережито слишкомъ много новаго и подъ вліяніемъ самой жизни выработались по многимъ вопросамъ новые взгляды и заговорили новыя потребности. Многое, что прежде могло руководить при организаціи церковнаго управленія, въ настоящее время не вяжется съ окружающими представленіями, понятіями и потребностями и не имѣетъ почвы въ общественномъ сознаніи. Теперь напримѣръ, такіе громкіе титулы, какъ патріархъ вселенскій, судія вселенной и т. п. не только не способны поднимать въ глазахъ общества духовный авторитетъ ихъ носителей, но скорѣе могутъ вызывать лишь улыбку и даже ослаблять уваженіе къ пользующимся подобными званіями первоіерархамъ. Выразителемъ такого рода взглядовъ русскаго общества является, напримѣръ, извѣстный Гиляровъ-Платоновъ. Еще въ 1879 году онъ писалъ, что „патріаршества, т.-е. самыя эти названія, заслуживаютъ упраздненія, какъ лишнія титла, вовсе не условливаемыя внутренними требованіями церковнаго благочестія. А еще болѣе подобало бы упразднить такія титла, каковы— усвоенныя двумъ изъ восточныхъ патріарховъ, одному— „вселенскій“ другому—„судія вселенскій“. Пускай за ними древность, но эта древность не только не апостольская, но даже прямо осуждаемая духомъ правилъ апостольскихъ и православнаго христіанства вообще“ [1]).

Безъ сомнѣнія, примѣры нѣкоторыхъ восточныхъ церквей въ отношеніи употребленія громкихъ титуловъ, не могутъ быть достойны подражанія. Казалось бы, именно намъ слѣдовало разсуждать какъ разъ наоборотъ. Первый епископъ Русской Церкви, объединенный съ десятками милліоновъ паствы долженъ представить изъ себя настолько большую

---

1) Вопросы Вѣры и Церкви. т. II Москва 1906 г. стр. 177.

нравственно-духовную силу въ православномъ мірѣ, что для него уже совершенно не имѣетъ значеніе полученіе громкаго церковнаго титула. Отсутствіе его именно въ Русской Церкви способно было бы ясно подчеркнуть передъ всѣми, что подобные титулы по меньшей мѣрѣ, какъ не соотвѣтствующіе потребностямъ времени, излишни. Такой порядокъ можетъ быть могъ бы послужить хорошимъ примѣромъ и для нѣкоторыхъ другихъ церквей обходиться безъ высшихъ титуловъ.

Такимъ образомъ выставляемые въ пользу патріаршества доводы, если не допускать себя рѣшать вопросъ подъ вліяніемъ всегда односторонняго чувства недовольства существующимъ и какой-то новой вѣры въ этотъ институтъ, далеко не могутъ оправдывать необходимость введенія въ Россіи именно патріаршества, относительно котораго не можетъ не являться опасеніе вреда и для начала соборнаго. Первый епископъ въ Русской Церкви долженъ быть разсматриваемъ лишь какъ предсѣдатель періодическихъ Соборовъ и Синода. Высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ Церкви должно принадлежать не ему единолично, какъ признало большинство членовъ Особаго Присутствія, а періодическому Собору и Синоду, при чемъ первый епископъ дѣйствуетъ здѣсь въ качествѣ ихъ предсѣдателя. Въ нужныхъ случаяхъ первый епископъ не предлагаетъ Синоду принять соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, на чемъ настаиваетъ большинство Присутствія, а проситъ объ этомъ Синодъ и получаетъ отъ него рѣшенія. Ввѣрять же высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ Русской Церкви одному лицу помимо разныхъ другихъ основаній не выполнимо и практически. При необычайной обширности Русской Церкви, сложности ея жизни и дѣлъ одинъ человѣкъ не въ состояніи слѣдить за ходомъ церковной жизни и управленія и достаточно вникать въ ихъ многочисленныя и разнообразныя нужды. Поэтому при надѣленіи единолично патріарха особыми правами, простирающимися на всю Церковь, отношеніе его къ ней можетъ свестись лишь къ проявленіямъ голаго принципа власти безъ достаточной попечительности и близкой пастыр-

ской связки съ окружающей жизнью, а при отсутствіи этого формальная церковная власть не только не можетъ принести надлежащей пользы, но и самое выдвиганіе ее на исключительную высоту при современныхъ условіяхъ жизни прямо вредно. Кромѣ того ограниченность человѣческихъ способностей легко поведетъ, какъ это уже и было въ исторіи Константинопольскаго патріарха, къ необходимости дополненія личности патріарха многочисленными помощниками разныхъ ранговъ и степеней. Высшее наблюденіе за порядкамъ и благоустройствомъ обширной Русской Церкви, о которомъ хлопочутъ теперь для патріарха, въ дѣйствительности перейдетъ къ какимъ-либо новаго рода духовнымъ чиновникамъ. Въ русскомъ церковномъ управленіи снова можетъ упрочиться бюрократизмъ, идущій уже со стороны самой іерархіи, и потому едва-ли не худшій прежняго.

Подобно этому учительныя посланія и пастырскія возванія ко всей Русской Церкви первый епископъ долженъ составлять и посылать лишь отъ имени Синода и по его порученію, а не единолично отъ себя, какъ предположено большинствомъ Присутствія. Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ[1]) только что напечатано письмо первенствующаго члена св. Синода митрополита Петербургскаго Антонія къ епархіальнымъ преосвященнымъ по поводу современнаго положенія дѣлъ. Въ немъ прямо высказано, что митрополитъ обращается съ настоящимъ призывомъ къ епископамъ по порученію св. Синода и отъ его имени. Почему же этотъ порядокъ не можетъ быть сохраненъ и съ учрежденіемъ должности перваго епископа въ качествѣ предсѣдателя св. Синода? Почему посланіе или возваніе должно имѣть большее значеніе, если оно исходитъ отъ одного перваго епископа, а не цѣлаго собора ихъ съ предсѣдателемъ во главѣ? Казалось бы, какъ разъ наоборотъ. Да и если заботиться о возможно большемъ духовномъ вліяніи такихъ посланій, а не объ обнаруженіи черезъ нихъ особыхъ правъ перваго епископа, то для этого наиболѣе важно въ нихъ внутреннее содержаніе и разлитая сила слова. Почему же можно за-

---

[1]) 1906 г. № 36.

ранѣе рѣшить, что всѣ эти свойства будутъ принадлежать именно первому епископу, дѣйствующему въ этомъ независимо отъ Синода? Развѣ среди епископовъ въ Синодѣ или на Соборѣ не могутъ оказаться болѣе способные къ воздѣйствію на массы, чѣмъ патріархъ, уже въ силу своего исключительнаго положенія мало соприкасающійся съ окружающей жизнью? Если посланіе составляется отъ имени Синода или Собора, то въ немъ должны принять участіе и другіе епископы, можетъ быть и наиболѣе къ этому способные.

По поводу предоставленія патріарху права посылать учительныя посланія для всей Русской Церкви слѣдуетъ имѣть въ виду и соображенія, высказанныя въ Присутствіи Ф. Д. Самаринымъ, что лицо, обращающееся съ подобными посланіями къ другимъ, является по отношенію къ нимъ высшимъ. Право это положитъ, по его мнѣнію, рѣзкую грань между первоіерархомъ и остальными епископами и въ умѣлыхъ рукахъ можетъ послужить оружіемъ для возвышенія единоличной власти патріарха на счетъ Синода. Такъ какъ патріархъ будетъ учить всю Церковь, то онъ будетъ не предсѣдателемъ Синода, а главою Церкви и Синода [1]). Вообще устройство церковнаго управленія съ центромъ въ соборѣ и Св. Синодѣ, а не въ патріархѣ, всего лучше будетъ соотвѣтствовать и справедливому указанію Ефесскаго собора, что „получившимъ жребій священнаго служенія, особенно нужно помнить устанавливаемую св. Писаніемъ необходимость „съ совѣтомъ все творить“ (Притч. XXXI, 4) и со всѣмъ тщаніемъ разсматривать то, что должно дѣлать [2]).

При такихъ условіяхъ въ церковномъ управленіи всего лучше можетъ быть реализирована и основная апостольская идея Церкви, очень хорошо раскрываемая, напримѣръ, св. Іоанномъ Златоустомъ, въ его бесѣдахъ на 2 посланіе къ Коринфянамъ въ слѣдующихъ поясненіяхъ: Въ Церкви и меньшій можетъ приносить пользу бо́льшему. Если одинъ

---

[1]) Журналъ засѣданія I отдѣла 17 мая 1906 г. „Церк. Вѣдом.“, № 22, стр. 1521 и особое мнѣніе Ф. Д. Самарина. „Церк. Вѣдом.“, 1906 г., № 29, стр. 2309.

[2]) Посланіе святого Ефесскаго собора къ священному собору памфилійскому. Дѣянія Вселен. соборовъ. Т. II. Казань. 1893 г.

не говоритъ полезнаго, пусть встаетъ и говоритъ другой, хотя бы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что-нибудь полезное, предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній,— не оставь безъ вниманія... Не будемъ, убѣждаетъ святитель, непремѣнно почитать достойнымъ предпочтенія то, что предлагаемъ сами, но то, что окажется полезнымъ, это пусть одобряется всѣми. Многіе при слабомъ зрѣніи распознаютъ иное лучше имѣющихъ острое зрѣніе, потому что тщательно и внимательно разсматриваютъ [1])...

Только черезъ передачу всего церковнаго управленія Собору и Синоду съ первымъ епископомъ во главѣ, а не предоставленіемъ первому епископу единолично какихъ-либо особыхъ правъ, независимыхъ отъ Синода, возможно осуществить и требованіе 34 Апостольскаго правила, чтобы первый епископъ ничего не творилъ безъ разсужденія всѣхъ.

Наконецъ довольно характернымъ проявленіемъ именно стремленій поставить перваго епископа въ возможно исключительное положеніе, и предоставить ему возможно большее значеніе является настаиваніе, чтобы имя его поминалось при богослуженіяхъ во всѣхъ церквахъ и притомъ одно, а никакъ не вмѣстѣ со св. Синодомъ. Этотъ порядокъ считается необходимымъ, потому что такъ практикуется въ другихъ церквахъ и потому что этимъ обозначается каноническое общеніе съ первымъ епископомъ подчиненныхъ ему епископовъ и духовенства и поддержаніе единства Православной Церкви [2]) и кромѣ того выражается извѣстная доля подчиненія ихъ первому епископу, какъ прямо и высказано проф. Бердниковымъ на засѣданіи Перваго Отдѣла Присутствія [3]).

Такимъ образомъ упоминаніе имени одного патріарха требуется во имя обозначенія каноническаго общенія съ нимъ и извѣстной доли подчиненія ему со стороны епископовъ и духовенства и поддержанія единства Церкви. Но вѣдь по-

---

[1]) Творенія св. Іоанна Златоустаго. Т. X, кн 2, Бесѣда XVIII на 2 посланіе къ Коринфянамъ. Спб. 1904 г.

[2]) Журналъ засѣданія I отдѣла 19 мая 1906 г. Особое мнѣніе проф. Бердникова „Церк Вѣдом.“ 1906 г., № 22, стр. 1540.

[3]) Журналъ засѣданія I отдѣла 5 мая 1906 г. Ibid., стр. 1486.

рядокъ богослуженія и молитвъ, какъ дѣло по преимуществу общецерковное, долженъ имѣть въ виду и народъ. Что же будетъ выражать употребленіе одного имени патріарха по отношенію къ народу? Если каноническое общеніе, то почему же оно не должно распространиться и на св. Синодъ, какъ по отношенію къ народу, такъ и къ самимъ епископамъ и духовенству, и почему этого нельзя также отмѣнить черезъ упоминаніе имени Синода? Почему затѣмъ поддержаніе единства Церкви будетъ менѣе выражено, если имя перваго епископа будетъ поминаемо не одно, а вмѣстѣ со св. Синодомъ? На всѣ эти вполнѣ естественные вопросы мы не находимъ никакихъ отвѣтовъ, а безъ этого принятіе большинствомъ Присутствія порядка о поминовеніи исключительно имени патріарха является недостаточно обоснованнымъ, что однако было бы необходимо въ важномъ дѣлѣ церковныхъ преобразованій. Напротивъ уже въ виду вполнѣ справедливаго указанія, что поминовеніе въ церквахъ одного имени первоіерарха будетъ свидѣтельствовать объ извѣстной доли подчиненія ему всѣхъ другихъ епископовъ и духовенства, вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Очень сомнительно, чтобы содержаніемъ богослуженія можно было пользоваться для проведенія идеи возвышенія одного епископа и подчиненія ему всѣхъ другихъ. Это исключается и самымъ смысломъ молитвы. Молитва имѣетъ значеніе, когда является послѣдствіемъ свободной вспомогающей любви, а не повинностью или знакомъ подчиненія. Кромѣ того неужели предстоящія церковныя преобразованія имѣютъ задачей установить то или другое подчиненіе всѣхъ епископовъ и духовенства одному первоіерарху? Если здѣсь уже и можетъ быть рѣчь о подчиненіи епископовъ и духовенства, то лишь Собору и Синоду, а никакъ не одному человѣку въ лицѣ перваго епископа.

Такимъ образомъ провозглашеніе имени перваго епископа при богослуженіи должно быть вмѣстѣ съ Синодомъ и притомъ послѣ Синода.

Что же касается надѣленія перваго епископа титуломъ патріарха, то оно, по моему мнѣнію, излишне и не вызывается важными внутренними церковными потребностями,

тѣмъ болѣе что во все церковное устройство предполагается провести начало соборное. Безпристрастный свидѣтель дѣлъ человѣческихъ—исторія ясно показываетъ, что пріобрѣтеніе разныхъ даже чисто формальныхъ преимуществъ единоличной чести обыкновенно прокладываетъ дорогу и для полученія преимуществъ единоличной власти, по современнымъ условіямъ жизни нигдѣ, а особенно въ области Церкви, не достаточной и нежелательной.

Въ заключеніе всего сказаннаго я не могу не повторить вполнѣ справедливаго заявленія профессора Н. С. Суворова на засѣданіи Перваго Отдѣла Присутствія, что „ни въ матеріалахъ, поступившихъ въ предсоборное Присутствіе, ни въ аргументахъ, приводившихся въ засѣданіяхъ I Отдѣла, ему не приходилось слышать какіе-либо убѣдительныя доказательства въ пользу необходимости возстановить патріаршество и противъ возможности для предсѣдателя св. Синода сдѣлать для блага Церкви то, что ожидается отъ патріарха“ [1]). Добавлю къ этому, что никакихъ новыхъ и убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу патріаршества не было приведено и на засѣданіяхъ Общаго собранія Присутствія, на которыхъ вопросъ этотъ вовсе и не обсуждался, а дѣло ограничилось почти однимъ голосованіемъ.....

---

[1]) Журналъ засѣданія I Отдѣла 19 мая 1906 г. Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 22, стр. 1537.

ОТДѢЛЪ III.

Вопросъ объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи.

Докладъ Первому Отдѣлу Присутствія 31 мая 1906 года по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи.

Русское государство есть православное,—вотъ положеніе, которое до сихъ поръ жило въ умахъ не только русскихъ, но и иностранцевъ. Понятія православнаго и русскаго до сихъ поръ были не раздѣлимы, такъ какъ они тѣсно срослись подъ вліяніемъ всей нашей исторіи. Замѣчательно, что всѣ другія христіанскія исповѣданія, допущенныя въ Россіи среди ея подданныхъ, назвали не иначе, какъ иностранными, и въ этомъ, можетъ быть, безсознательно обнаружилась привычка мыслить русскаго непремѣнно какъ православнаго. Сказать, что римскій католицизмъ или протестанство есть русская вѣра,—это для многихъ будетъ звучать почти такъ же, какъ деревянное желѣзо.

Ни у одного народа фактъ принятія христіанства не является такимъ центральнымъ и основнымъ во всей исторіи, какъ у русскаго. Съ принятіемъ христіанства, можно сказать, начинается и самая наша исторія. По замѣчанію одного изъ изслѣдователей этого вопроса, Русь опознала себя лишь когда въ ней возсіялъ крестъ Господень и на Руси все тѣсно связано съ христіанствомъ. Самое развитіе русскаго

государства шло подъ необычайно сильнымъ вліяніемъ православной Церкви, которая несла ему высшіе идеалы жизни и ярко напоминала ему о необходимости служенія Богу. Отсюда наши предки почерпали и столь нужную для нихъ нравственно-духовную силу. Православная Церковь способствовала—самому собиранію русскаго государства и спасала его въ трудныя минуты, въ которыя иногда возникалъ вопросъ и о самомъ его существованія.

Такіе руководители общественнаго сознанія, какъ А. С. Хомяковъ, И. С. Аксаковъ, Кирѣевскій, Ѳ. М. Достоевскій и друг., со многихъ сторонъ разбирали этотъ вопросъ, и теперь намъ особенно нужно помнить ихъ соображенія, вызванныя горячей любовью къ родинѣ и преданностью православной Церкви. Кто можетъ, напримѣръ, сравниться съ Достоевскимъ въ умѣньѣ понимать и истолковывать человѣческую душу? А онъ въ глубинѣ русской народной души ясно видѣлъ присутствіе христіанскаго духа. Самая жизнь Россіи представлялась Достоевскому связанной съ судьбами православія, и только въ связи съ поддержаніемъ православія можетъ заключаться, по его выраженію, выходъ нашъ въ полноту исторіи. Эти важныя для насъ свѣдѣтельства вполнѣ подтерждаются и И. С. Аксаковымъ, который называлъ православіе духовно-органической силой русской народности. Если отнять у Россіи эту силу, то у русскаго человѣка, по мнѣнію Аксакова, окажется мало притягательныхъ свойствъ и качествъ, способныхъ дѣйствовать на міръ. Православіе въ его глазахъ представляетъ тотъ духовно-историческій элементъ, подъ воздѣйствіемъ котораго сложилась и образовалась самая русская народность.

А вотъ, наконецъ, голосъ по этому же поводу, идущій уже изъ западной Европы.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Германіи появилась небольшая книжка доктора и профессора философіи и богословія Овербека, по исповѣданію протестанта, съ надписью на заглавіи „Ex oriente lux“ (съ Востока свѣтъ). „Что именно безотрадно для насъ, бѣдныхъ германцевъ,—замѣчаетъ Овербекъ,—это то, что наше народное чувство пристегнуто къ какому-то отвлеченному, безжизнен-

ному понятію: Германія. Мы охотно готовы допустить, что въ Россіи много недостатковъ, что она нуждается во многихъ преобразованіяхъ, но она — съ религіей тѣсно связанное государство, и въ этомъ ея превосходство. Государство чтитъ религію, религія чтитъ государство, и ихъ интересы взаимно сливаются. Франція обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но она зиждется не на религіи, а на славѣ (gloire). Англія обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но и она зиждется не на религіи, а на идеѣ свободы. Россія же зиждется на вѣрѣ, оттого и великою будетъ ея будущность".

И вотъ несмотря на столь важное значеніе православной Церкви въ Россіи при наступленіи эпохи коренныхъ реформъ интересы Церкви, къ удивленію, оказались почти забыты и во всякомъ случаѣ оттѣснены на второй планъ. Желательный и симпатичный самъ по себѣ законъ 17 апрѣля 1905 года возникъ безъ участія православной Церкви и даже съ полнымъ игнорированіемъ всего ея историческаго положенія. Манифестъ 17 октября 1905 г. и связанныя съ нимъ послѣдующія узаконенія о Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, а также и новые основные законы, утвержденные 23 апрѣля 1906 г., какъ будто вовсе не знаютъ, что въ Россіи есть православная Церковь, съ которой до сихъ поръ тѣсно было соединено самое государство и положеніе которой опредѣлено именно основными законами. Правда, въ главѣ I ст. 24 новыхъ основныхъ законовъ указано, что постановленія т. I ч. 1. Св. Зак. изд. 1892 въ ст. 40—46, касающіяся вѣры, сохраняютъ силу законовъ основныхъ. Но вѣдь эти статьи находились въ тѣсной связи съ другими, теперь отмѣненными, и вырваныя изъ этой связи, онѣ требуютъ большихъ усилій и натяжекъ для согласованія съ новыми. По нѣкоторымъ же вопросамъ церковнаго управленія онѣ возбуждаютъ рядъ такихъ недоумѣній, которыя едва-ли удастся устранить путемъ мирной работы въ коммиссіяхъ и, можетъ быть, придется разрѣшать самой жизни черезъ возникновеніе какихъ-либо тяжелыхъ конфликтовъ.

Наконецъ большинство даже изъ самого народа настолько

захвачено теперь пробужденіемъ интересовъ политическихъ, что ему уже некогда серьезно подумать о Церкви и вспомнить, что при перестройкѣ всѣхъ формъ жизни положеніе Церкви требуетъ особаго вниманія. Иначе можно будетъ пропустить важный историческій моментъ, который потомъ и не вернется. Послѣ выборовъ въ Государственную Думу, многіе избравшіе по спискамъ конституціонно-демократической партіи на замѣчаніе нѣкоторыхъ, что избранные ими люди, кажется, отрицательно относятся къ религіи и болѣе, чѣмъ равнодушны къ интересамъ православной Церкви, откровенно объясняли: „Охъ, о Церкви-то мы и забыли“!

Такимъ образомъ разсмотрѣніе важнѣйшаго современнаго вопроса объ установленіи въ Россіи возможно правильныхъ отношеній православной Церкви и государства въ зависимости отъ новыхъ условій всецѣло пало на предсоборное Присутствіе, и намъ необходимо самимъ подготовить матеріалъ для изданія новаго основнаго закона, регулирующаго взаимныя отношенія Церкви и государства.

Въ прошлый разъ на засѣданіи 1 отдѣла слышались предложенія руководствоваться въ этомъ вопросѣ лишь церковными интересами, а государственную точку зрѣнія оставить въ сторонѣ. Но я думаю, что это сдѣлаетъ наши труды не цѣлесообразными. Они не получатъ законченности. Слишкомъ отдѣлять въ своихъ соображеніяхъ по вопросу объ отношеніи Церкви и государства интересы государственные, значитъ пойдти вопреки исторически сложившемуся сознанію русскаго народа. Кромѣ того, для урегулированія взаимныхъ отношеній необходима общая точка зрѣнія, какъ у Церкви, такъ и государства, которую намъ и должно ясно выдвинуть. Если же предоставить обсужденіе части вопроса исключительно государству, то оно можетъ исходить изъ какихъ-либо другихъ основаній, негодныхъ для Церкви. Его заключеніе можетъ оказаться не только не согласующимся съ нашимъ, но и прямо быть противъ. Поэтому въ своихъ соображеніяхъ намъ слѣдуетъ имѣть въ виду и Церковь, и государство.

Прежде же, чѣмъ перейти къ составленію проекта какихъ-либо соотвѣтствующихъ нашей цѣли узаконеній, по-

лезно установить руководящіе принципы, вытекающіе изъ природы Церкви и тѣхъ отношеній къ ней со стороны государства, которые возможны и уже обнаружили себя на протяженіи исторіи.

Нѣкоторые полагаютъ, что сложный и запутанный вопросъ объ отношеніяхъ между Церковью и государствомъ разрѣшается словами Спасителя, высказанными по поводу желанія книжниковъ услышать отъ Христа, позволительно ли имъ давать подать кесарю, или нѣтъ. На это, какъ извѣстно, послѣдовалъ ясный отвѣтъ Спасителя: отдавайте кесарево кесарю, Божіе Богу (Лук. XX 22—25). Правда, здѣсь идетъ рѣчь о государствѣ, воплощеніемъ котораго тогда являлся кесарь, и о Церкви, основанной для единенія людей съ Богомъ, но въ этихъ словахъ вовсе не указывается на порядокъ и форму сложныхъ взаимоотношеній между Церковью и государствомъ, обнаруживавшихся въ исторіи, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Словами Спасителя прежде всего разграничивается природа церковнаго и государственнаго общенія, что было очень необходимо для сознанія человѣчества — и особенно тогдашняго. Перенесемся на миниту въ то время, когда были произнесены эти имѣющія міровое значеніе, слова. Слышавшіе ихъ жили на территоріи Римской имперіи и находились, конечно, подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда римскихъ воззрѣній на государство, которое признавалось имѣющимъ цѣль съ самомъ себѣ и чѣмъ-то самымъ высшимъ для человѣка. Государственный законъ являлся и высшимъ нравственнымъ правиломъ для воли человѣка. Государство, можно сказать, обоготворялось, и сами боги должны были быть почитаемы прежде всего потому, что они боги государства. Обоготвореніе это, естественно, переходило и на воплощеніе государства—императора, соединявшаго въ себѣ абсолютную власть. По характерному выраженію одного изъ императорскихъ законовъ — Quidquid principi placuit, legis habet vigorem—все, что нравится императору, имѣетъ силу закона. Христіанство, указавшее людямъ ихъ истинное назначеніе и соотвѣтствующія ему идеалъ жизни, не могло не отмѣтить несоотвѣтствія подобнаго воззрѣнія на государство

съ высшими задачами человѣческой жизни, которыя не должны быть поглощаемы государствомъ и выдѣляются изъ его сферы. Словами Спасителя данъ книжникамъ не обычный отвѣтъ, относящійся только къ извѣстному частному случаю, но отвѣтъ существенно христіанскій, устанавливающій правильныя отношенія человѣка къ Богу. Спаситель выдѣляетъ человѣческую личность, съ ея высшими потребностями, изъ абсолютной зависимости и власти государства и указываетъ для нея необходимость помнить о другомъ началѣ, отличномъ отъ государственнаго, направляющемъ человѣка къ Богу. Словами Христа - воздавать кесарю кесарево, а Божіе Богу— было положеніе достаточное основаніе, чтобы апостолы заявили впослѣдствіи передъ синедріономъ, что несправедливо передъ Богомъ слушать его болѣе, нежели Бога (Дѣян. VI, 19). Этими словами была дана твердая опора для перенесенія страданій христіанскими мучениками, которыхъ государство старалось заставить по прежнему признавать въ немъ верховное начало жизни. Наконецъ, ими Спаситель разъ навсегда отмѣтилъ особую природу основанной Имъ Церкви. Церковь, предназначенная охватить въ религіозномъ общеніи цѣлое человѣчество, всѣ народы земли, съ разными политическими воззрѣніями и государственными устройствами, по существу не должна быть смѣшиваема или сливаема съ государствомъ.

Такимъ образомъ Христомъ указаны два жизненныхъ общенія для людей, Церковь и государство, каждое съ особыми порядками и средствами для достиженія своихъ цѣлей. Въ признаніи обязанности платить подать, выполнявшейся на дѣлѣ и Самимъ Спасителемъ, является признаніе нашей зависимости отъ государства, но только гражданской, а не безусловной, потому что относящееся къ Богу уже прямо противопоставляется ей. Подъ вліяніемъ этого и произошелъ коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ народовъ. Христіанство уяснило, что человѣческая личность не раба государства, и послѣднее не имѣетъ надъ нею безграничной власти. Сознаніе это, подъ разными формами, какъ напримѣръ, декларацiи правъ человѣка, съ теченіемъ времени, благодаря христіанству, вошло и въ нашу современную культуру. Но

осуществленіе своего ученія Христосъ связалъ съ Церковью, а не съ государствомъ, что и необходимо всегда имѣть въ виду при всякихъ церковно-государственныхъ реформахъ. Самый же вопросъ объ отношеніяхъ Церкви и того или другого государства разсматриваемыми словами Спасителя не разрѣшается, да и не могъ быть разрѣшаемъ, уже по одному тому, что государства слишкомъ разнообразны и по своему устройству, и по составу ихъ населенія. Подробное опредѣленіе взаимныхъ отношеній Церкви и государства предоставлено усмотрѣнію каждаго государства, въ зависимости преимущественно отъ тѣхъ цѣлей, которыя оно намѣренно преслѣдовать. Въ первые вѣка, напримѣръ, установить для этого какія-либо общія формы, пригодныя для всѣхъ временъ, было невозможно. Церковь существовала противъ воли государства. Она была даже гонима, и, однако, цѣль ея достигалась; христіанство распространялось и среди гоненій. Но отсюда, конечно, еще нельзя вывести заключенія, что Церковь для ея же блага должна быть гонима государствомъ. Вообще вопросъ объ отношеніи Церкви и государства— одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ, подлежащій прежде всего лишь практическому разрѣшенію,—въ зависимости отъ многихъ обстоятельствъ церковной и государственной жизни и ихъ историческихъ особенностей. Церковь всегда должна оставаться неизмѣнною въ своихъ цѣляхъ и въ нравственно-духовной связи съ Церковью Апостольской. Государство же есть величина, измѣняющаяся во многихъ отношеніяхъ. Ему прежде всего должно опредѣлить, насколько оно, какъ единое цѣлое, желаетъ воздавать Божіе Богу и содѣйствовать въ этомъ составляющимъ его членамъ, и уже въ зависимости отъ этого установить свои отношенія къ Церкви.

Церковь представляетъ изъ себя живое и самодѣйствующее общество. Кромѣ исторіи ея первыхъ вѣковъ, когда Церковь жила уже исключительно своею внутренней жизнью, это ясно выступаетъ и въ эпоху послѣ Миланскаго эдикта и признанія христіанства римскимъ государствомъ. До насъ дошли древніе каноны, какъ законы, прежде всего исходящіе отъ самой Церкви и стремившіеся нормировать ея жизнь въ зависимости отъ ея собственныхъ свойствъ и потребностей.

Вотъ въ этомъ-то свидѣтельствѣ, что Церковь есть историческое явленіе особаго рода, могущее управляться по своимъ принципамъ,—великое значеніе древнихъ каноновъ, способствующее самостоятельности Церкви вообще.

Въ интересахъ уясненія занимающаго насъ вопроса полезно хотя нѣсколько остановить вниманіе на томъ, какъ складывались отношенія Церкви и государства въ Византіи, гдѣ Церковь впервые пріобрѣла господствующее положеніе и гдѣ происходило самое образованіе древнихъ каноновъ. Особенно важна для насъ эпоха вселенскихъ соборовъ, когда дѣла церковныя выступали почти на первый планъ, а въ соборахъ мы слышимъ голосъ Церкви и усматриваемъ выраженіе ея сознанія. Мы не будемъ касаться здѣсь тѣхъ или иныхъ теорій, придуманныхъ въ Византіи, которыя къ тому же были не одинаковы и которыми руководствовались въ зависимости отъ преслѣдуемыхъ цѣлей. Кромѣ того такая теорія, какъ, напримѣръ, помазанія—императоровъ, сообщающаго имъ собой исключительно положеніе и въ Церкви и чуть ли не какую то особую степень священства. ужъ слишкомъ далека отъ нашего современнаго церковнаго сознанія, что бы на нее можно было опираться при обсужденіи вопросовъ церковныхъ преобразованій. Посмотримъ лучше, какъ сама дѣйствительная жизнь, выдвигая разныя явленія и потребности, заставляла думать и дѣйствовать императоровъ, іерарховъ и соборы, когда всѣ они были одушевлены стремленіями ко благу Церкви и желаніями служить ей по мѣрѣ силъ.

По отношенію къ византійскимъ императорамъ устанавливается многочисленными документами временъ соборовъ присутствіе въ нихъ яснаго сознанія, что состояніе государства и все человѣческое утверждается и поддерживается благочестіемъ къ Богу. Поэтому въ качествѣ получившихъ царство по Божественному Промышленію императоры считали своею обязанностью прилагать величайшую заботливость о благочестіи и благоповеденіи подданныхъ, чтобы и истинная вѣра и государство сіяли искреннею ревностью о высшемъ благѣ и полнымъ благочестіемъ[1]). Аріанскія смуты, угро-

[1]) Посланіе императора Осодосія. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, изданіе Казанской дух. академіи, т. III стр. 68.

жавшія великимъ вредомъ для Церкви, затронули душу Константина Великаго и не позволили ему, какъ представителю власти и народа, остаться равнодушнымъ къ дѣламъ Церкви. Въ своемъ посланіи изъ Никеи къ епископамъ, не присутствовавшимъ на соборѣ, императоръ въ объясненіе своей новой роли говоритъ: „Усмотрѣвъ изъ благополучнаго хода общественныхъ дѣлъ, какъ велика сила Божественной благодати, я положилъ первымъ моимъ долгомъ заботиться о томъ, чтобы всѣми блаженнѣйшими общинами вселенской Церкви соблюдалась единая вѣра, искренняя любовь и согласное служеніе Вседержителю Богу". Поэтому императоръ собралъ въ Никею епископовъ и самъ присутствовалъ на соборѣ, считая себя ихъ сослужителемъ[1]).

Осужденіе Несторія вызвало необходимость эдикта объ его изгнаніи. Изданіе этого эдикта мотивировано тѣмъ, что, хотя императоры занимаются дѣлами общественными, но не менѣе къ нимъ относится и утвержденіе каѳолической вѣры. Охраненіемъ вѣры они надѣются служить благу общественному[2]). Свое участіе по отношенію къ III Вселенскому собору императоры Ѳеодосій и Валентиніанъ въ ихъ грамотѣ самому Собору основывали, между прочимъ, на томъ, что они много заботятся обо всемъ общеполезномъ, но преимущественно о томъ, что касается благочестія, ибо благочестіе доставляетъ людямъ и прочія блага[3]).

По поводу этого такъ и припоминаются извѣстныя слова св. ап. Павла: „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей" (1 Тимоѳ. IV, 8), справедливость которыхъ императоры, очевидно, дознали на дѣлѣ.

Подобныя мысли о тѣсной связи блага государства съ процвѣтаніемъ въ немъ вѣры въ той или иной формѣ можно встрѣтить у большинства византійскихъ императоровъ, когда они хотѣли объяснить необходимость своего участія въ дѣлахъ церковныхъ.

---

[1]) Тамъ же, т. I отд. XV, стр. 75.

[2]) Копія съ императорскаго декрета объ изгнаніи Несторія къ Исидору, преторіанскому префекту и консулу. Тамъ же, т. II, стр. 121.

[3]) Высочайшая грамота, посланная святому собору черезъ придворнаго сановника Кандидіана. Тамъ же, т. I, № XXXI.

Особенно же ясно отношеніе императоровъ къ дѣламъ церкви выражено, напримѣръ, въ Высочайшей грамотѣ епископу Кириллу въ Александрію и епископамъ областныхъ митрополій. „Состояніе нашего государства, писали Ѳеодосій и Валентиніанъ, зависитъ отъ образа богопочтенія, и у нихъ много общаго и сроднаго; они поддерживаютъ одно другое и каждое изъ нихъ возрастаетъ съ успѣхами другого, такъ что истинное богопочтеніе свѣтится правдивою дѣятельностью, а государство цвѣтетъ, когда соединяетъ въ себѣ то и другое. Посему поставленные Богомъ на царство, назначенные быть средоточіемъ благочестія и благополучія подданныхъ, мы всегда хранили союзъ ихъ неразрывными, служа Промыслу и людямъ. Промыслу служимъ въ преспѣяніи государства, а подданныхъ, во всемъ, такъ сказать, принадлежа имъ, устрояемъ къ благочестивой вѣрѣ и въ жизни приличной вѣрующимъ. О томъ и другомъ стараемся, какъ должно, ибо невозможно, присваивая себѣ одно, не заботиться равно и о другомъ. Преимущественно предъ прочимъ мы заботимся о томъ, чтобы состояніе Церкви оставалось достойнымъ Бога и приличнымъ нашимъ временамъ, чтобы отъ единомыслія всѣхъ происходило спокойствіе и отъ мира въ церковныхъ дѣлахъ—невозмутимая тишина, чтобы богопочтеніе и богослуженіе было безукоризненно, чтобы находящіеся въ клирѣ и совершающіе великое служеніе священства были свободны по жизни отъ всякаго упрека съ худой стороны[1]).

Все это получило большее или меньшее выраженіе и въ законодательствѣ Юстиніана I, по которому признается существованіе двухъ равноправныхъ властей. Въ предисловіи къ VI новеллѣ Юстиніанъ говоритъ, что священство и царство, происходя отъ одного и того же источника, составляютъ украшеніе человѣческой жизни. Поэтому нѣтъ важнѣйшей заботы для государства, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служитъ имъ молитвою о нихъ Богу. Юстиніанъ настаиваетъ на необходимости взаимнаго согласія между церковью и государствомъ. Когда

[1]) Тамъ же, т. I, № XXVIII.

и Церковь со всѣхъ сторонъ благоустроена, говоритъ онъ, и государственное управленіе держится твердо и путемъ закона направляетъ жизнь народа къ истинному благу, то возникаетъ хорошій и благотворный союзъ Церкви и государства, столь вождѣленный для человѣчества. Поэтому мы озабочиваемся и охраненіемъ православной вѣры, и благоустроеніемъ священства, чѣмъ надѣемся получить великія блага отъ Бога и соблюсти твердый порядокъ въ государствѣ. По закону, изданному Юстиніаномъ въ 530 году, церковные каноны должны имѣть силу государственныхъ законовъ. Вспомнимъ затѣмъ новеллу императора Алексѣя Комнина 1107 года, гдѣ онъ прямо заявляетъ, что не считаетъ возможнымъ видѣть, какъ церковный и христіанскій порядокъ жизни разрушается, а потому онъ предлагаетъ іерархіи подумать объ этомъ и правильно исполнять свои обязанности.

При такихъ убѣжденіяхъ императоровъ Церковь едва ли могла принципіально отвергнуть ихъ участіе въ дѣлахъ церковныхъ, и весь вопросъ могъ сводиться лишь къ тому, чтобы это участіе не переходило извѣстныхъ предѣловъ. И дѣйствительно, достойные великаго уваженія тогдашніе іерархи и сами соборы смотрѣли на участіе императоровъ, какъ на правильное, свойственное христіанскимъ государямъ. По свидѣтельству самыхъ разнородныхъ документовъ того времени, они признавали дѣятельность императоровъ полезной и даже необходимой въ интересахъ Церкви, благодарили ихъ за нее, а нерѣдко и сами обращались къ государямъ за помощью въ дѣлахъ церковныхъ.

Такъ уже первый Вселенскій Соборъ объявилъ, что Богъ черезъ императора водворилъ въ сердцахъ вѣрующихъ миръ, и просилъ участія Константина Великаго въ дѣлахъ Церкви для сохраненія цѣлости и нерушимости правильнаго ученія о Богѣ[1]).

Признавая всѣ дѣйствія императоровъ Оеодосія и Валентиніана достойными хвалы и показывающими великую ревность по благочестію, Ефесскій Соборъ, между прочимъ, просилъ императоровъ совершенно уничтожить то, что сдѣ-

[1]) Привѣтственная рѣчь императору Константину отъ Собора. Тамъ же т. I. отд. V, стр. 37.

лано хитростью противъ святыхъ епископовъ Кирилла и Мемнона и не имѣетъ никаго основанія въ священныхъ канонахъ[1]) Императора Льва за его христолюбивую дѣятельность на пользу Церкви святый папа Левъ Великій считаетъ должнымъ поставить въ числѣ проповѣдниковъ Христовыхъ[2]). Епископы области Геллеспонтской просили императора Льва поддержать достойный его правосудія порядокъ въ епископскомъ округѣ, чтобы преслѣдуемые избавились отъ необходимости бѣжать, и приведенные въ смятеніе были снова были призваны къ прежнему миру, и чтобы находящимся тамъ церквамъ сообщено было единеніе. А епископы Пафлагоніи умоляли императора воспротивиться желающимъ по-пусту созывать новые соборы, а имъ даровать, чтобы, живя въ мирѣ, исповѣдуя вѣру, они наслаждались невозмутимою тишиною и порядкомъ[3]).

Святый папа Григорій II высказываетъ, что, когда все совершается мирно и съ любовію, тогда христолюбивые императоры и благочестивые архіереи въ своихъ совѣщаніяхъ являются одной нераздѣльной силой[4]).

Отцы Трулльскаго собора свидѣтельствовали передъ императоромъ Юстиніаномъ, что Божественная премудрость поручила ему свою Церковь и научила его днемъ и ночью заботиться о ея законѣ къ усовершенію и назиданію подручныхъ народовъ[5]). Еще ранѣе Кареагенскій соборъ объявилъ, что попеченію государей предстоитъ оградить своею заботливостью воспитавшую ихъ каѳолическую церковь, чтобы мерзскіе люди, не могущіе совратить народа посредствомъ убѣжденія, не возабладали надъ немощными членами его посредствомъ устрашенія[6]).

---

[1]) Списокъ съ донесенія святаго собора императорамъ. Тамъ же т. I гл. III стр. 356.

[2]) Посланіе папы Льва къ императору Льву Тамъ же, т. IV, № XXI.

[3]) Посланіе къ императору Льву епископовъ области Геллеспонтской. Тамъ же, т. IV, № XLIX и посланіе епископовъ Пафлагоніи № L.

[4]) Первое посланіе святаго папы Григорія къ Льву Исавру. Тамъ же, т. VII. Отд. 1.

[5]) Привѣтственное слово отцовъ собора, собравшагося въ Константинополѣ въ императорскомъ дворцѣ Трулліе къ Юстиніану. Тамъ же, т. VI стр. 271.

[6]) Правило 93 Кареагенскаго собора. Дѣянія 9-ти помѣстныхъ соборовъ, изданіе Казанской духовной академіи, 1901 года.

Въ посланіи отъ лица VII Вселенскаго собора императоры Константинъ и Ирина привѣтствуются между прочимъ, какъ руководители всего ихъ христіанскаго народа, и утверждается, что Церквамъ находившимся въ опасности, императоры подали руку помощи, утвердили въ нихъ здравое ученіе и укрѣпили единомысліе между разномыслящими[1]).

Второй Вселенскій соборъ просилъ Ѳеодосія Великаго утвердить его постановленія, чтобы, - замѣчалъ соборъ,— „какъ ты почтилъ Церковь своимъ посланіемъ, которымъ созвалъ насъ, такъ ты же своимъ утвержденіемъ положилъ конецъ —и нашимъ совѣщаніямъ“[2]). Кромѣ того, императоръ издалъ законъ, по которому всѣ епископы, отступающіе отъ Цареградскаго Символа, лишались своихъ кафедръ.

Вселенскій Халкидонскій соборъ, донося императорамъ Маркіану и Валентиніану объ осужденіи и отлученіи Александрійскаго епископа Діоскора, просилъ, чтобы императоры и съ своей стороны разсмотрѣли это дѣло и чистоту справедливаго приговора, произнесеннаго соборомъ какъ бы передъ лицомъ Божіимъ въ увѣренности, что императоры согласятся съ соборомъ. Въ донесеніи объ этомъ же дѣлѣ императрицѣ Пульхеріи соборъ объясняетъ: „Предположивши, что было намъ угодно, мы представляемъ вашей власти, чтобы она осудила Діоскора за его заблужденія, а нашъ приговоръ одобрила, ибо, заботясь о всемъ тѣлѣ, мы отсѣкли гнилой членъ[3]).

Такимъ образомъ императоры въ просьбѣ самихъ соборовъ, обращавшихся къ нимъ, конечно, въ интересахъ Церкви, утверждали соборныя постановленія и способствовали проведенію ихъ въ жизнь, удаляли съ каѳедръ отлученныхъ епископовъ и вообще являлись защитниками Церкви и умиротворителями церковныхъ раздоровъ и безпорядковъ. Потому естественно императорамъ было усвоено названіе общаго епистимонарха Церкви (κοινὸς τῶν ἐκκλησιῶν ἐπι-

---

1) Соборное посланіе къ государямъ Константину и матери его Иринѣ. Дѣянія Вселенскихъ соборовъ, т. VII, стр. 294.

2) Посланіе святаго собора къ Ѳеодосію Великому, съ приложеніемъ постановленныхъ отцами правилъ. Тамъ же, т. I, отд. II.

3) Посланіе Халкидонскаго собора тамъ же, т. III, стр. 298--299.

στημονάρχης), т. е. верховнаго надзирателя и блюстителя, какъ всего духовенства, такъ и вообще всѣхъ порядковъ церковныхъ. Указаніе св. апостола Павла (1 Тим. II, 2) молиться за Царя, какъ средоточеніе власти, чтобы проводить жизнь тихую и безмятежную, повидимому, имѣетъ отношеніе и къ области церковной жизни.

Императоры не были лишь простыми исполнителями церковныхъ постановленій и приговоровъ, какъ желаютъ думать нѣкоторые, но въ качествѣ верховныхъ блюстителей и надзирателей вносили значительный активный элементъ въ свою дѣятельность на пользу Церкви. Халкидонскій соборъ, напримѣръ, не только просилъ императоровъ просто утвердить и исполнить приговоръ собора надъ Діоскоромъ, но и разсмотрѣть все дѣло съ своей стороны.

Подобная роль императоровъ достаточно объясняется тѣмъ, что они въ качествѣ живыхъ членовъ православной Церкви, способныхъ уже по одному своему положенію приносить ей большую пользу, не могли оставаться равнодушными къ ея дѣламъ. Къ этому должно было располагать ихъ и сознаніе, что окружающее общество смотритъ на нихъ, какъ на субъектовъ всякаго правообразованія въ государствѣ, какъ на главу христіанскаго народа и какъ на предназначенныхъ быть „средоточеніемъ благочестія и благополучія подданныхъ“ [1]).

Церковь Христова уже въ силу своего основанія для дѣйствованія на землѣ не можетъ не пользоваться для своихъ цѣлей и земными средствами. Вѣдь даже и для самого распространенія христіанства нужны внѣшнія средства, подобно тому какъ и вообще на землѣ всякое духовное воздѣйствіе и сообщеніе возможно лишь черезъ то или иное внѣшнее представленіе духовнаго содержанія сознанію людей. Вспомнимъ, напримѣръ, о необходимости печатанія книгъ св. Писанія, организаціи миссій, содержанія духовенства, постройки и поддержанія храмовъ, школъ и т. п. На все это требуются деньги и часто немалыя, которыя были бы не

[1]) Подробнѣе объ этомъ сказано нами въ книгѣ: „*Преобразованія въ Русской Церкви*“. Разсмотрѣніе вопроса по оффиціальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва, 1906 г., гл. IV.

посильны для отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ обществъ. Кромѣ того Церковь для лучшаго осуществленія своихъ задачъ нуждается въ извѣстныхъ внѣшнихъ порядкахъ и ихъ охраненіи и въ установленіи опредѣленнаго положенія въ отношеніи къ обществу и государству. И вотъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ православные императоры, какъ свидѣтельствуетъ церковная исторія, много послужили благу Церкви, вызываемые на это самой жизнью и наиболѣе глубокими потребностями государства. Какимъ образомъ православной іерархіи самой удалось бы, напримѣръ, удалять съ каѳедръ епископовъ еретиковъ, не желавшихъ этого, и прекратить производимое ими смятеніе и вражду? Какимъ образомъ ей пришлось бы приводить въ исполненіе церковные приговоры и добывать всѣ нужныя для Церкви средства? Между тѣмъ императоры уже въ силу своего положенія легко достигали этого и умиротворяли вредные церковные раздоры. Вѣдь если въ области церковной жизни и допустимо принужденіе, то оно во всякомъ случаѣ можетъ исходить лишь отъ свѣтскаго начала, каковое тогда всецѣло и воплощалось въ императорахъ.

Такимъ образомъ въ Византіи церковный порядокъ старались поставить на ряду съ публичнымъ, осуществить нѣчто, напоминающее современную теорію христіанскаго государства, но въ дѣйствительности, какъ и всякое равновѣсіе, это трудно достигалось. Церковный порядокъ обыкновенно являлся, какъ часть государственнаго. Византія слишкомъ смѣшивала эти двѣ разнородныя области. Вспомнимъ наприм., законы о воспрещеніи чтенія еретическихъ книгъ, лишеніи еретиковъ гражданскихъ правъ и т. д. Но равновѣсіе между двумя порядками по крайней мѣрѣ въ теоріи нарушалось въ Византіи и въ другую сторону. Возникали мысли о томъ, что церковный порядокъ выше государственнаго. Въ Эпанагогѣ государство приравнивается организму, въ которомъ есть душа—духовная власть и тѣло—свѣтская. Отсюда уже недалеко было и до вывода, что духовная власть выше свѣтской. Римскій католицизмъ, какъ извѣстно, и остановился на такой точкѣ зрѣнія. Государственный порядокъ онъ сталъ разсматривать, какъ составную

часть церковнаго. Церковь обнаружила стремленіе выразиться во всемірномъ государствѣ. Вслѣдствіе крайняго смѣщенія этихъ двухъ порядковъ Католическая церковь впала въ опасное искушеніе господствовать надъ людьми преимущественно внѣшнимъ образомъ вмѣсто того, чтобы добиваться внутренняго свободнаго расположенія, какъ этого требуетъ христіанство. Наприм., къ тѣмъ лицамъ, которые явно противились Церкви, еретикамъ, римскій католицизмъ, смѣшавшій два порядка жизни, сталъ прилагать точку зрѣнія, заимствованную изъ области государства. Чѣмъ больше преступленіе, разсуждалъ онъ подобно государству, тѣмъ тяжелѣе должно быть внѣшнее наказаніе. Считая, напримѣръ, Бога выше царя и отношеніе человѣка къ Богу уподобляя отношенію къ царю, Католическая церковь пришла къ выводу, что оскорбить Величество Божіе есть преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ Величество временное. Поэтому еретики подвергались самому высшему наказанію— смерти, и въ допущеніи ихъ казней особенно ярко обнаруживается все противорѣчіе образа дѣйствій католицизма съ задачами христіанской Церкви. Католическая церковь совершенно упустила при этомъ изъ виду, что казненные ею еретики послѣ смерти предстанутъ передъ Богомъ не покаявшимися и такимъ образомъ сама Церковь оказывала бы именно большее уваженіе Божію Величеству, если бы еретикъ свободно перемѣнилъ свои убѣжденія подъ ея вліяніемъ или, по крайней мѣрѣ, умеръ бы не по винѣ церкви.

Съ другой стороны протестантизмъ представляетъ ясный примѣръ того, къ чему можетъ вести разрушеніе и отрицаніе церковнаго порядка и его историческаго значенія. Распространившаяся по многимъ странамъ Европы реформація представляетъ изъ себя по существу явленіе отрицательнаго характера, возникшее какъ протестъ противъ извращенія Римовъ церковной идеи и многочисленныхъ злоупотребленій папъ. Поэтому, естественно, реформація носитъ на себѣ много односторонняго, свойственнаго вообще протесту. Подъ вліяніемъ желанія разорвать связь съ существующимъ она вдалась въ другую крайность. Вмѣсто сохраненія очищенной идеи объективнаго бытія Церкви, какъ сокровищницы христіанской жизни съ ея міровыми идеалами, поддер-

живающей въ людяхъ нравственно-духовное общеніе съ Церковью Апостольской, протестанство перенесло критеріумъ религіозной жизни въ человѣческую личность со всѣми ея случайными и перемѣнчивыми настроеніями — и каждаго отдѣльнаго человѣка лишило твердой нравственной опоры, которую онъ могъ бы почерпать въ сознаніи своего единенія съ Церковью. Всѣмъ этимъ протестанство разложило столь важную идею Церкви и подорвало въ умахъ цѣлыхъ народовъ значеніе Церкви, какъ явленія историческаго. Потеря же сознанія объективности Церкви, независимой отъ перемѣнчивыхъ субъективныхъ состояній людей, легко уже повела къ поглощенію ея столь сильнымъ объективнымъ общеніемъ, какъ государство,—и тамъ, гдѣ реформація достигла своихъ цѣлей, церковное начало не только внѣшне подчинилось, но даже и слилось съ государственнымъ. Такому положенію дѣлъ стали немало способствовать и извѣстныя воззрѣнія естественнаго права. Главы государствъ сдѣлались и главами церквей по принципу: cujus regio, illius relgio. На этихъ основаніяхъ въ Европѣ и возникла, такъ называемая, территоріальная система отношеній Церкви и государства.

Католицизмъ и протестанство - два яркихъ примѣра, которые очень полезно имѣть въ виду, чтобы возможно правильнѣе регулировать взаимныя отношенія Церкви и государства. Но руководствоваться въ положительномъ смыслѣ по этому вопросу примѣрами Западной Европы намъ нельзя. Западу все время приходилось имѣть дѣло съ церквами, отличными отъ православной, и устанавливать свои къ нимъ отношенія подъ вліяніемъ особенностей тѣхъ церквей. Не слѣдуетъ забывать, что въ Западной Европѣ всѣ государства по отношенію къ вопросамъ церковнымъ поставлены исторіей въ совершенно иное положеніе, чѣмъ Россія. На Западѣ напримѣръ, съ мыслью о церкви сейчасъ же возстаетъ изъ глубины вѣковъ претендующая на первенство въ мірѣ фигура римскаго первосвященника, окруженная мрачными воспоминаніями изъ дѣяній великой инквизиціи. Около нея создались разныя ученія, выдаваемыя за ученіе христіанской Церкви и внушающія, что передъ папой главы государствъ, императоры, короли и друг., должны разсмат-

риваться не болѣе, какъ луна передъ солнцехъ, и самый свой свѣтскій мечъ они носятъ для того, чтобы располагать имъ по мановенію папы. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что въ Европѣ, еще отъ среднихъ вѣковъ, долженъ былъ укорениться взглядъ на Церковь, какъ на силу подобную государственной, но ей враждебную и склонную къ обскурантизму, должно быть возникнуть и стремленіе тѣмъ или инымъ путемъ оградить себя отъ церковныхъ притязаній.

Съ фактической потерей свѣтской власти папы однако принципіально не отказались отъ нея и не измѣнили своимъ традиціямъ. Во второй половинѣ XIX столѣтія папа Пій IX издалъ извѣстный Силлабусъ, подтверждающій власть папы надъ свѣтскими государями и сопровождавшійся провозглашеніемъ папской непогрѣшимости. Въ представленіи людей Западной Европы, какъ наприм., Анатоля Франсъ[1]), Римская церковь и въ настоящее время является, какъ предъявляющая права на всемірное господство, опираясь въ этомъ на каноническое Евангеліе, традиціи Церкви первыхъ вѣковъ, на даръ Константина и различныя, признанныя священными, постановленія. Они считаютъ ее своего рода государствомъ со свѣтской властью, отличающейся отъ всякой другой тѣмъ, что послѣдняя ставитъ опредѣленныя границы своему господству, тогда какъ церковь въ этомъ отношеніи не знаетъ никакихъ предѣловъ. Иначе, говорятъ они, ей пришлось бы отказаться отъ своего происхожденія, исказить свой характеръ, измѣнить и чуть ли не отрицать самое себя. Конечно, государству съ римско-католической религіею, для своего собственнаго самосохраненія, приходится быть на-сторожѣ относительно Церкви и естественно даже возбуждать вопросъ объ ея отдѣленіи отъ государства и провозглашать извѣстную формулу Кавура, относящую церковныя дѣла къ разряду частныхъ.

Такимъ образомъ русскому человѣку обсуждать вопросы о положеніи православной Церкви въ Россіи по ученіямъ,

---

[1]) Анатоль Франсъ, членъ французской академіи. Отдѣленіе Церкви отъ государства. Москва, 1906 г.

выросшимъ на европейской почвѣ, значитъ заставлять свои мысли не выходить изъ области исторіи римско-протестантскаго міра. Въ дѣйствительности мы все время оперировали бы съ понятіями о церкви католическимъ или протестанскимъ и рѣшали бы вопросъ по не имѣющимъ отношенія къ Россіи основаніямъ. Кромѣ того, здѣсь нельзя не замѣтить, что едва-ли возможно въ дѣлѣ предстоящихъ преобразованій руководствоваться и положеніемъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, какъ это сдѣлано въ „Вопросахъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной Церкви", представленныхъ въ 1905 году въ Особое совѣщаніе при Комитетѣ министровъ [1]) и какъ подъ вліяніемъ „Вопросовъ", предлагалъ въ прошлый разъ одинъ изъ членовъ нашего отдѣла, профессоръ И. С. Бердниковъ. Вѣдь, положеніе иностранныхъ исповѣданій въ Россіи было совершенно иное, чѣмъ Церкви православной. Извѣстно, что еще правительство Ѳеодора Ивановича по вопросу объ участіи государства въ развитіи церковной жизни разныхъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, прямо заявило англійскому послу Флейтчеру, что „Государю нашему до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ". Такое отношеніе русскаго государства къ иновѣрцамъ въ общемъ продолжалось всегда, и только по мѣрѣ усложненія и расширенія въ Россіи иностранной церковной жизни государство вынуждено было издавать узаконенія для охраненія порядка и спокойствія въ инославныхъ общинахъ, нисколько не заботясь однако о ихъ внутренней силѣ и ростѣ [2]). Неужели же должно желать установленія подобныхъ отношеній русскаго государства и къ православной Церкви?

Для возможно лучшаго и соотвѣтствующаго интересамъ Церкви и государства рѣшенія занимающаго насъ важнаго вопроса, кромѣ яснаго представленія существа и задачъ православной Церкви, намъ необходимо отдать себѣ отчетъ, въ данномъ отношеніи, и въ своемъ прошломъ. Вѣдь, что такое

---

[1]) Вопросы напечатаны и подвергнуты нами обсужденію въ кн. „Преобразованія въ Русской Церкви".

[2]) П. Д. Кузнецовъ. Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи. Временникъ Демидовскаго Юридическаго лицея, кн. 74 и слѣд.

государство? Какихъ бы теорій о немъ ни держаться, должно признать, что въ соціальной природѣ государства лежитъ идея коллективности и единства. Государство представляетъ изъ себя своего рода цѣлостность, длящійся, единый, обширный союзъ людей. А если это такъ, то это единство, тѣсно связанное, очевидно, съ историческими особенностями народа, должно въ той или иной формѣ выражаться и въ его законодательствѣ, и государственныхъ учрежденіяхъ, если они хотятъ отвѣчать нуждамъ народа и способствовать его дальнѣйшему развитію. Каждое государство имѣетъ свой индивидуальный исторически сложившійся характеръ. Законы и учрежденія не могутъ быть создаваемы по произволу законодателя. Они не могутъ не считаться съ историческими особенностями народа и одинаково быть пригодными для примѣненія у всѣхъ народовъ. Оказавшая большое вліяніе въ наукѣ права, такъ называемая, историческая школа юристовъ вполнѣ разъяснила, что право есть явленіе, тѣсно связанное съ народнымъ духомъ, съ особенностями и характеромъ народа.

Все это особенно нужно имѣть въ виду въ вопросахъ, касающихся Церкви. Они затрагиваютъ гораздо болѣе глубокія потребности человѣческой природы, чѣмъ, напримѣръ, вопросы аграрный, военный и т. п. При разрѣшеніи церковныхъ вопросовъ — возможно ясное сознаніе прошлаго и поддержаніе съ нимъ нравственно-духовной связи является еще настоятельнѣе.

Итакъ, перенесемся на нѣкоторое время въ область нашей исторіи. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо помнить, какое значеніе принадлежало церковному началу въ жизни русскаго народа и каковы были отношенія къ нему со стороны государства.

Византія въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ сумѣла сохранить христіанскую Церковь въ ея нравственно-духовной связи съ Церковью Апостольской. Благодаря богатству своего языка и способности къ тонкому философскому мышленію она сумѣла сообщить основнымъ христіанскимъ идеямъ твердую форму, вполнѣ пригодную для передачи ихъ и въ вѣка послѣдующіе. Этимъ Византія выполнила въ интере-

сахъ христіанства возможную для нея историческую задачу. Въ другихъ же отношенія она едва-ли могла болѣе послужить христіанству. За исключеніемъ монашескихъ общинъ и нѣкоторыхъ другихъ, христіанство въ Византіи не перешло въ начало народное, не сдѣлалось достаточно бытовымъ, а оставалось скорѣе лишь началомъ государственнымъ, что далеко не одно и тоже въ отношеніи къ вопросу о жизненности въ данной странѣ христіанства. Кромѣ того, и самую попытку Византіи сдѣлаться государствомъ христіанскимъ нужно считать не удавшейся. Въ самомъ византійскомъ государствѣ стали наконецъ все болѣе и болѣе обнаруживаться тревожные признаки изсякновенія въ немъ духовныхъ силъ, и уже не далеко было время его окончательнаго распаденія.

Для болѣе удобнаго сохраненія въ тогдашнемъ человѣчествѣ православіе требовало соединенія съ началомъ народнымъ и должно было перейти въ другую страну, каковой и оказалась наша Россія. Что же привлекло его къ нашимъ предкамъ, и чему обязаны они и мы своимъ счастливымъ жребіемъ? Повидимому, прежде всего, судя обыкновенно, отрицательнымъ свойствамъ славянъ сравнительно со многими народами. Самая религіи славянъ находилась на степени слабаго развитія и была мало разработана и теоретически, и практически, такъ что легко могла уступить мѣсто другой. Вообще у славянъ не оказывалось многихъ препятствій, которыя, какъ у нѣкоторыхъ народовъ, могли бы мѣшать принятію христіанства въ формѣ православія, т. е. въ непосредственно-нравственной связи съ Церковью Апостольской. Кромѣ того замкнутость ихъ жизни и оторванность отъ болѣе цивилизованныхъ народовъ являлись нѣкоторыми гарантіями, что христіанство у славянъ успѣетъ достаточно укрѣпиться въ этой формѣ, прежде чѣмъ оно можетъ быть подвергнуто какимъ либо искажающимъ его вліяніемъ.

Народъ, мало развитой умственно и почти неспособный къ усвоенію истинны путемъ логическаго мышленія, какимъ рисуются намъ тогдашніе славяне, естественно долженъ былъ воспринять христіанство прежде всего съ его обрядовой и

болѣе житейской стороны, и внесеніе въ него христіанскихъ формъ жизни явилось очень подходящимъ средствомъ для сохраненія въ народѣ и самаго христіанскаго духа. И дѣйствительно, при распространеніи въ Россіи христіанства впереди шелъ обрядъ. Онъ постепенно замѣнялъ прежніе порядки жизни и создавалъ новую обстановку, которая и привлекала вниманіе народа къ христіанству. Мало-по-малу образовался цѣлый бытъ съ христіанскими формами. Съ нимъ наши предки все болѣе сживались и привязывались къ нему всею душой. Церковное начало слилось наконецъ съ началомъ бытовымъ. Съ теченіемъ времени, какъ это можно наблюдать еще и теперь, понятіе русскаго сдѣлалось равно значущимъ съ понятіемъ православнаго и, напримѣръ, самый счетъ времени сталъ происходить по днямъ наиболѣе важныхъ христіанскихъ праздниковъ.

Въ образованіи у насъ христіанскаго быта не малая роль, какъ извѣстно, принадлежала уставу, принесенному изъ восточныхъ монастырей, а въ монастыряхъ формы жизни имѣютъ важное значеніе и тѣсно соединены съ самымъ осуществленіемъ высшихъ задачъ жизни. По возникновеніи монастырей въ Россіи христіанскій идеалъ особенно ярко сталъ свѣтить изъ монастырей, и они въ глазахъ народа сдѣлались его хранилищемъ. Тогдашнее близкое соприкосновеніе русскихъ монастырей съ общественною жизнью, ихъ воспитательное и просвѣтительное воздѣйстіе на народныя массы, безъ сомнѣнія, должны были еще болѣе способствовать поддержанію въ Россіи христіанскаго быта и сознанію его важнаго значенія. Очень характернымъ указаніемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить приравниваніе въ книгѣ Кормчей дисциплинарныхъ церковныхъ правилъ къ истинамъ евангельскимъ. Такимъ образомъ русскій человѣкъ оказался окруженнымъ церковными порядками жизни, которые постоянно должны были наводить его на мысли о Богѣ, напоминать ему о христіанствѣ и т. п., и въ приверженности русскаго человѣка къ обряду дѣйствительно нерѣдко проглядывала живая вѣра и искреннее чувство, хотя, быть можетъ, и невсегда достаточно сознательныя и вполнѣ правильныя. Съ установившимися внѣшними условіями церковной жизни

русскій человѣкъ наконецъ настолько свыкся, что во всякомъ уклоненіи отъ нихъ сталъ видѣть отступленіе и отъ христіанства. Подобное отношеніе между православіемъ и русскимъ народомъ такъ и напрашивается на сравненіе съ древнимъ израилемъ, еврейскимъ народомъ, который предназначенъ былъ сохранить истинную религію и Божественныя обѣтованія всему роду человѣческому, и для достиженія этого весь строй жизни израильскаго народа со всѣмъ его обрядовымъ закономъ былъ организованъ и разсчитанъ на возможно частое напоминаніе о Богѣ и его обѣтованіяхъ. Самая религіозная идея, сохраняемая израилемъ, слилась у него съ идеей народной. Нѣчто подобное мы видимъ и въ русскомъ народѣ.

Все это, конечно, не могло не отразиться и на отношеніяхъ въ древней Руси Церкви и государства. Нѣкоторые склонны говорить, что Церковь тогда преобладала надъ государствомъ, но я полагаю, что это выраженіе не точно и едва ли можетъ достаточно характеризовать ихъ дѣйствительное отношеніе. У насъ была скорѣе своего рода теократія. Церковь выступала въ Россіи на первый планъ не внѣшнимъ господствомъ, а своею нравственно-духовною силой, какъ сокровищница высшей жизни, которая должа быть проводима въ государствѣ. Вспомнимъ, что глава духовенства—митрополитъ назначался въ Россію Константинопольскимъ патріархомъ, и занималъ очень самостоятельное положеніе относительно князей. У митрополитовъ замѣчается ясное сознаніе своего особаго положенія, какъ представителей высшаго религіознаго начала, стоящаго надъ государственнымъ и обличающаго человѣческую неправду. Митрополиты, напримѣръ, были убѣждены, что приставлены къ Русской землѣ для удержанія князей отъ кровопролитія. Духовенство, согласно съ тогдашнимъ порядкомъ вещей, считало себя въ правѣ поучать князей и давать имъ совѣты и указанія въ дѣлахъ управленія, суда и даже военныхъ и требовало отъ нихъ послушанія подъ угрозой лишиться спасенія[1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшее духовенство

[1]) Русскія юридическія древности. В. Сергѣевича. Спб. 1900 г. т. II. Книга V, гл. III.

являлось въ качествѣ судей между князьями, при чемъ весь этотъ судъ основывался исключительно на авторитетѣ духовенства и его правѣ взять и рѣшить въ сей жизни и въ будущей, и князья считали въ порядкѣ вещей ему подвергаться.

Такимъ образомъ для русскаго человѣка было ясно—и въ своей обыденной жизни онъ постоянно встрѣчалъ напоминаніе, что надъ государственнымъ есть высшее начало—христіанское, которое и должно служить мѣриломъ и освященіемъ государственному. Россія представлялась тогда, по характерному выраженію одной изъ грамотъ Константинопольскаго патріарха, большимъ „священнымъ христіанскимъ общежитіемъ“ [1]) гдѣ, естественно, духовенство должно было имѣть важное значеніе. По убѣжденію нашихъ предковъ, оно напр., не должно было молчать при неправильномъ образѣ дѣйствій князя, но усовѣщавать его, какъ въ его собственномъ интересѣ, такъ и въ интересѣ всей земли, потому что грѣхи князя падаютъ на весь народъ. Въ русскомъ человѣкѣ того времени было очень живо сознаніе принадлежности его къ „священному христіанскому общежитію“, руководствующемуся прежде всего уставами и правилами православной Церкви, и въ этомъ онъ находилъ для себя нравственную опору противъ всѣхъ невзгодъ и покушеній. Въ ясной для него объективности Церкви заключалось уже и убѣжденіе въ правильности его вѣры. Русскій человѣкъ, если можно такъ выразиться, былъ умѣнъ общимъ церковнымъ умомъ. Во всякомъ же случаѣ необходимо признать, что въ древность на Русь очень сильно вліяло религіозное начало, стоявшее въ ея глазахъ выше государственнаго и сообщавшее ему свое освященіе и смыслъ существованія. Въ священномъ христіанскомъ общежитіи, какимъ казалась тогда русская земля, начало церковное слилось съ бытовымъ и народнымъ, и вмѣстѣ находилось въ органической связи съ государственнымъ, однако возвышаясь надъ нимъ.

При такихъ условіяхъ происходило и образованіе Московскаго государства. Но здѣсь съ теченіемъ времени на-

---

1) Русская историческая библіотека т. VI. Приложеніе № 20.

чался уже процессъ обособленія этихъ началъ. Повидимому, усиленіе центральной власти Московскаго царя и стало способствовать выдѣленію начала государственнаго и даже противопоставленію его началу церковному, какъ, напримѣръ, при возбужденіи вопроса о церковныхъ имуществахъ. Изъ священнаго христіанскаго общежитія очень рѣзко стала выступать личность Московскаго Царя, которая этимъ нарушала прежній ходъ его жизни. Однако обособленіе между началами церковнымъ и государственнымъ было больше внѣшняго характера безъ разрыва между ними нравственно-духовной связи. Цари Московскіе считали своею обязанностью служить Богу и приводить народъ къ Его познанію. Нельзя однако не замѣтить, что при развитіи государства и усиленіи въ немъ централизаціи подобное обособленіе началъ церковнаго и государственнаго было полезно. Иначе въ сознаніи русскаго народа легко могли бы смѣшаться задачи церковныя и государственныя, что, какъ показываетъ историческій опытъ, особенно вредно для интересовъ самой же Церкви.

Возникновеніе разъединенія началъ государственнаго и церковнаго составило, повидимому, одинъ изъ скрытыхъ поводовъ и къ учрежденію патріаршества, а затѣмъ и къ образованію особенно характернаго въ этомъ отношеніи явленія—установленію въ Россіи двоевластія.

Царь и патріархъ оба назывались и дѣйствительно сдѣлались великими государями. Патріархъ Никонъ въ предисловіи къ изданному при немъ въ 1665 году служебнику царя и патріарха прямо именуетъ „богоизбранной или благочестивой и богомудрой двоицей“. Народное начало, при обнаруженіи стремленія къ обособленію со стороны церковнаго и государственнаго, стало сознавать себя какъ бы подъ двойнымъ воздѣйствіемъ. Одно изъ нихъ воплощалось естественно въ царѣ, а другому оставалось сосредоточиться въ равномъ ему патріархѣ, какъ это и соотвѣтствовало столь цѣнимымъ тогда у насъ византійскимъ воззрѣніямъ. Съ учрежденіемъ патріаршества, если и не удалось соединить оба эти начала, то, по крайней мѣрѣ, удалось поставить ихъ равноправно. Въ этомъ фактѣ между прочимъ уже ясно выразилось, что православная идея въ Россіи слишкомъ

пріурочивается къ ея внѣшнему быту, что изъ-за внѣшняго русскіе дѣлаются склонны просмотрѣть болѣе важное—внутреннее. Но, если въ одномъ государствѣ окажутся два начала равныя между собой, то, какъ справедливо указывали царю Алексѣю Михайловичу четыре православныхъ патріарха при разъясненіи ими вопросовъ о царѣ и патріархѣ, возможны только вражда и безпорядокъ[1]).

Между двумя обособившимися началами вскорѣ возникъ споръ за первенство. Церковное начало въ лицѣ Никона, пользуясь своею связью съ бытовымъ, пыталось подчинить себѣ государственное. Главѣ духовенства, получившему высшее церковное званіе, въ такомъ обширномъ христіанскомъ общежитіи, какъ Россія, при тѣсномъ соединеніи въ ней церковнаго начала съ народнымъ, естественно, было сдѣлаться какъ бы вторымъ государемъ, а отсюда оставался уже одинъ шагъ и до требованія преимущества надъ государемъ свѣтскимъ. Съ этой цѣлью начали уже и у насъ пускать въ обращеніе извѣстныя римско-католическія сравненія, напримѣръ, духовной власти съ солнцемъ, а свѣтской съ луной. Высшая іерархія въ лицѣ патріарха Никона потянулась даже и за приманкою земной власти. Никонъ, по справедливому разъясненію многихъ историковъ, вовсе не можетъ быть разсматриваемъ какъ явленіе случайное, а представляетъ плодъ всей нашей древности. Такимъ образомъ ясно выступала возможность, что и самосознаніе духовной власти можетъ далеко уклониться отъ ея пастырскаго идеала, а все это еще болѣе увеличивало опасность затемненія въ русскомъ народѣ самой православной идеи.

И вотъ въ Россіи появляется энергичный Петръ Великій, который въ церковномъ быту народа и во взглядахъ духовенства сталъ встрѣчать препятствіе для осуществленія своихъ государственныхъ плановъ. На долю Петра Великаго несомнѣнно выпала обязанность поставить церковное начало на подобающее ему мѣсто. Не будучи способенъ къ этому, да и не находя для этого достаточно почвы въ тогдашнемъ

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ т. VI № 27.

положеніи дѣлъ, Петръ только подчинилъ церковное начало государственному.

Движимый желаніемъ исправить и „чинъ церковный“, Петръ произвелъ реформу въ интересахъ государственныхъ и уничтожилъ патріаршество, созданное его предшественниками по стремленію возвеличить церковь и государство усиленіемъ блеска церковнаго начала. При разсмотрѣніи церковной реформы Петра обыкновенно къ нему относятся несправедливо, вмѣняя ему въ вину всѣ послѣдующіе недостатки и чуть-ли даже не упрекая его за то, что 200 лѣтъ Русская Церковь жила по его реформѣ. Но Петръ вовсе не имѣлъ въ виду произвести реформу на всѣ времена и вовсе не наложилъ на своихъ преемниковъ клятвъ поддерживать ее во что бы то ни стало. Между тѣмъ, въ свое время реформа Петра достаточно оправдывалась тогдашними обстоятельствами и, можно сказать, прямо была полезна въ интересахъ болѣе удобнаго сохраненія Русской Церкви въ нравственно духовномъ единеніи съ Церковью Апостольской. Если бы іерархіи была предоставлена возможность слѣдовать примѣру Никона, а церковному быту обратиться не только въ народный, но и государственный, то это, особенно при усиленіи сношеній съ Европой, могло бы повести къ реформаціи въ нѣдрахъ самой Церкви, или же сильно помрачить въ Россіи христіанскую идею. Своего рода реформація въ Русской Церкви и произошла, но къ счастію извнѣ, отъ постороняго для Церкви начала государственнаго, которое на время, внѣшнимъ образомъ, и подчинило себѣ церковное начало. Со времени Петра Великаго государственная жизнь Россіи значительно усложнилась и обнаружила въ себѣ много новыхъ явленій и потребностей. Къ Россіи все болѣе и болѣе стало присоединяться новыхъ земель съ населеніемъ иныхъ христіанскихъ религій. По ходу вещей становилось все яснѣе, что государство имѣетъ цѣли, особыя отъ церковныхъ. Императрица Екатерина II, напримѣръ, по одному вопросу, возникшему изъ отношеній разныхъ религій другъ къ другу въ Россіи, должна была открыто объявить, что „какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и Ея Величество изъ тѣхъ же правилъ,

сходствуя Его святой волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“ [1]). Въ извѣстномъ смыслѣ въ составъ государственнаго порядка вошелъ уже не только православный церковный порядокъ, но и другихъ религій. Довольно характерно это выразилось, напримѣръ, въ 1817 году въ учрежденіи Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Дѣла православной Церкви одинаково съ дѣлами другихъ христіанскихъ и даже нехристіанскихъ религій были предоставлены вѣдѣнію одного Духовнаго Департамента новаго министерства, образуя въ немъ лишь Первое отдѣленіе [2]). На основаніи всего этого подчиненіе православной церкви государству временами не могло не ощущаться очень тяжело.

Оканчивающійся періодъ жизни Русской Церкви въ ея отношеніи къ государству слѣдуетъ назвать эпохой ея „вавилонскаго пленепія“, постигшаго ее для пресѣченія развитія неправильнаго теченія церковной жизни и возможности для іерархіи воспользоваться имъ съ цѣлью своего земного возвышенія. Подобно тому, какъ евреи въ вавилонскомъ плѣну очистили свои религіозныя идеи, такъ и въ русскомъ церковномъ обществѣ въ синодальный періодъ замѣчается преимущественно по контрасту съ существующимъ, выясненіе истинной идеи Православія и яркое обнаруженіе православнаго церковнаго самосознанія.

Самая серьезная и глубокая работа надъ обличеніемъ неправды существующаго и очищеніемъ церковнаго самосознанія происходила въ самомъ тѣлѣ Церкви — въ русскомъ народѣ. Въ большинствѣ она выражалась, конечно, скорѣе въ формѣ пассивной и отрицательной, но за то у многихъ изъ лучшихъ представителей народа она достигала величайшей силы и черезъ нихъ глубоко вліяла на все церковное сознаніе. Вспомнимъ о лицахъ, которыхъ принято называть славянофилами,

---

[1]) 1-е Полное Собраніе Законовъ т. XIX № 13.966 см. П. Д. Кузнецова, Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, гл. III.

[2]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. XXXIV № 27.106 учрежденіе Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія ч. I гл. II, § 4 и ч. V гл. I § 3.

о Кирѣевскомъ, А. С. Хомяковѣ, Ю. О. Самаринѣ, И. С. Аксаковѣ, Ѳ. М. Достоевскомъ и др.—Вотъ чьи голоса, несмотря на нерасположеніе свѣтскихъ и духовныхъ властей и на цензурныя оковы, лежавшія на религіозной мысли русскаго народа, громко раздавались въ періодъ плѣненія Церкви государственнымъ началомъ. Голоса эти мѣшали общественному сознанію мириться съ существующимъ положеніемъ Православной Церкви, отдѣляли въ немъ посторонніе и вредные элементы, выясняли самую идею Православія и пробуждали въ членахъ Русской Церкви жажду иного строя. 40 лѣтъ тому назадъ А. С. Хомяковъ, вооруженный сильной философской и религіозной мыслью, твердо и ясно говорилъ русскому обществу, что намъ нужно понять Церковь внѣ государственной формы. Проникновеніе Церкви государственнымъ началомъ есть смерть для Церкви. Если оно уже есть въ Церкви, то необходимо ея внутреннее самоочищеніе, а если она этого не сдѣлаетъ, то духъ Христовъ ее оставитъ, и она обратится въ обыкновенное человѣческое общество. А. С. Хомякову краснорѣчиво и убѣжденно вторилъ Аксаковъ, особенно отстаивая необходимость нравственной свободы въ области вѣры. Безусловная божественная истина, поучалъ онъ, не можетъ смѣшиваться съ условной правдой государственной, и она не должна быть низведена на степень казеннаго интереса и заклеймена штемпелемъ казенности. „Всякое внѣшнее полицейское преслѣдованіе не только чуждо духу Церкви по своему принципу, но и положительно вредно, потому что обличаетъ въ преслѣдующихъ робость и безвѣріе, которыя даютъ смѣлость злу и заражаютъ безвѣріемъ преслѣдуемыхъ“. Или вотъ, напримѣръ, сильное обличительное напоминаніе Ю. О. Самарина: „Вѣра по существу своему не сговорчива, и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ“... „Вѣра не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее, какъ палку, чтобъ защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы. Вѣра служитъ только тому, кто искренно вѣритъ, а кто вѣритъ, тотъ уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на

нее, какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть ничто иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности“...

Правда, на протяженіи двухъ вѣковъ государство нерѣдко злоупотребляло своимъ положеніемъ въ отношеніяхъ къ православной Церкви, обращало духовенство въ своихъ чиновниковъ и черезъ церковные порядки преслѣдовало иногда свои собственныя цѣли. Но вмѣстѣ съ этимъ въ государствѣ все время все-таки обнаруживалась живость историческаго взгляда, что православная Церковь есть высшая просвѣтительница народа, сосредоточеніе его нравственно-духовной связи и нравственная опора самого государства, и что государство готово оказывать самыя попечительныя заботы и ради собственнаго блага Церкви. Императоръ Александръ I, наприм., при которомъ и возникло Министерство Духовныхъ Дѣлъ, выражался о православной Церкви, какъ „о твердомъ и непоколебимомъ камнѣ“, на которомъ почиваетъ тишина и благоденствіе народа [1]).

Поэтому въ настоящее время вопросъ объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи можетъ сводиться лишь къ болѣе правильной ихъ постановкѣ. Предстоящія церковныя преобразованія должны имѣть въ виду, чтобы изъ области Церкви были удалены постороннія для нея цѣли, чтобы Церковь могла выступать передъ сознаніемъ народа во всемъ ея духовномъ величіи и возможно лучше указывать ему истинный путь человѣческой жизни.

Нельзя здѣсь не отмѣтить, что теперь можно встрѣтить не мало людей, склонныхъ,—кто подъ вліяніемъ религіознаго индиферетизма, кто вслѣдствіе затемненія въ сознаніи идеи Церкви, кто по чувству контраста съ только что пережитыми ненормальностями,—желать при измѣненіи всего строя отдѣленія въ Россіи Церкви и государства. Но вѣдь черезъ фактъ такого отдѣленія произошелъ бы самый глубокій разрывъ со всей нашей исторіей. Это значило бы уже

[1]) Высочайшій указъ Сенату 20 декабря 1815 года, 1-е Полное Собраніе Законовъ т. XXXIII, № 26036.

совершать не преобразованія въ государствѣ, а прямо создавать новое русское государство, по собственнымъ измышленіямъ. Кромѣ того, подобное отдѣленіе, вѣроятно, съ низведеніемъ православной Церкви на степень обществъ частныхъ, было бы прямо жестоко по отношенію къ массѣ русскаго народа, составляющаго основу и преобладающее число въ Россіи. Оно скоро оказалось бы гибельнымъ для нравственно-религіозной жизни большинства русскихъ людей. Въ Церкви члены ея, какъ извѣстно, находятся на разнообразныхъ ступеняхъ духовнаго развитія. Есть трости колеблемыя вѣтромъ, и не мало подобныхъ льну курящемуся. И вотъ, если вмѣсто государства все попеченіе о Церкви перейдетъ къ частнымъ людямъ, имъ самимъ придется, напримѣръ, нести бремя содержанія Церкви и т. п., то у многихъ изъ нихъ не хватитъ на это ни духовныхъ, ни матеріальныхъ силъ. Они легко могутъ совсѣмъ уйти отъ Церкви, а Церковь лишенная разныхъ средствъ, которыми ей нужно пользоваться по условіямъ земного существованія, должна будетъ значительно сократить свою духовную дѣятельность, важную и для самого государства. Въ отвѣтъ на эти опасенія нѣкоторые говорятъ: что же изъ этого?— по крайней мѣрѣ, Церковь такъ сказать, очистится, и въ ней останутся лишь крѣпкіе духомъ и вполнѣ преданные ей члены. Но подобныя разсужденія едва-ли согласны вполнѣ съ христіанскимъ духомъ. Не нужно забывать, что по примѣру Христа Спасителя намъ не должно сокрушать трости надломленной и гасить льна курящагося (Мто. XII, 20). Кромѣ того, по ясному указанію Спасителя, вся пшеница и даже плевелы должны рости вмѣстѣ до конца и только самъ Господинъ жатвы будетъ производить отборъ. Вообще развѣ возможно дѣло православной Церкви въ Россіи отнести къ разряду частныхъ, безразличныхъ для государства? Вѣдь православною Церковью поддерживались и только ею и могутъ быть поддерживаемы въ народѣ высшіе идеалы жизни, а безъ этого и само государство можетъ потерять многое и даже вовсе погибнуть.

Земное государство, по христіанскому пониманію, не заключаетъ цѣли въ самомъ себѣ, а должно быть разсма-

триваемо лишь какъ средство и временной порядокъ. Только въ связи съ Церковью, какъ сокровищницей христіанской жизни и ея міровыхъ идеаловъ, государство вступаетъ въ высшій жизненный порядокъ, и отъ нея можетъ получать прочное духовно-нравственное содержаніе. Безъ отношенія же къ Церкви — цѣль государства становится неопредѣленной, и все высшее для человѣка легко снова сосредоточивается въ государствѣ. Оно опять начинаетъ выступать какъ верховный судья надъ цѣлями человѣческой жизни, а иногда прямо какъ Молохъ, требующій многочисленныхъ жертвъ въ видѣ человѣческихъ личностей, изъ которыхъ иныя, подавленныя вѣрою въ кажущіяся имъ безусловными государственныя цѣли, сами охотно отдаютъ ему себя на закланіе. Мы возвращаемся, можетъ быть, лишь подъ другими формами, къ мрачнымъ воззрѣніямъ временъ Римской имперіи, разъ навсегда отвергнутымъ Спасителемъ въ Его указаніи: воздавать кесарю — кесарево, а Божіе — Богу. Во всеобщей исторіи мы можемъ найти не мало свидѣтельствъ, что участь государствъ во многомъ зависитъ отъ того, какой законъ признается его членами за высшій. Паденіе идеаловъ жизни и нравственное развращеніе народовъ влекло за собой и паденіе государствъ...

До сихъ поръ, по отношенію къ Россіи можно было сказать словами А. С. Хомякова, что ей всегда была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей изъ правды христіанской.

Насколько мы можемъ проникнуть въ нашу исторію, мы ясно видимъ проходящее черезъ нее красною нитью сознаніе народа, что въ христіанствѣ заключается залогъ блага общественнаго и государственнаго. При такихъ условіяхъ развѣ возможно допустить, чтобы православіе въ Россіи было признано дѣломъ частнымъ, не касающимся государства, и благо государства могло бы требовать отдѣленія отъ него Церкви, на подобіе того, какъ это только что сдѣлано, напримѣръ, во Франціи. Напротивъ, русское государство, если оно не желаетъ разорвать свою связь съ прошлымъ, должно исходить изъ того, что дѣло православной Церкви есть дѣло общественное, способное поддерживать въ государствѣ выс-

шую человѣческую жизнь. Церковь является тою силою, которая необходима для сохраненія государственнаго организма отъ окончательной порчи. Только близорукость взгляда или прямая вражда можетъ не видѣть, что христіанство именно и представляетъ изъ себя высшее общественное начало. Вѣдь само общество прежде всего зависитъ отъ того внутренняго отношенія, которое мы обнаруживаемъ къ другимъ людямъ. А эти внутреннія отношенія ничто не можетъ поставить столь высоко и прочно, какъ именно христіанство.

Вотъ какъ разсуждаетъ объ отношеніи Церкви и государства представитель науки церковнаго права епископъ Далматинскій Никодимъ Милошъ: „Отношенія эти не могутъ быть иными, какъ тѣсною связью между государствомъ и Церковью, т. е. взаимною поддержкою и взаимнымъ дополненіемъ въ томъ, чего то или другое изъ этихъ учрежденій по своимъ свойствамъ не имѣетъ въ себѣ и чѣмъ не можетъ располагать для достиженія одной общей цѣли, временнаго и вѣчнаго блага человѣка. Эта связь между Церковью и государствомъ точно нормирована, какъ правомъ, такъ и церковною практикой древняго времени; и она всегда приносила благо человѣчеству, когда церковная и государственная власть строго держалась своихъ границъ и когда они въ видахъ достиженія общей цѣли совмѣстно развивали свою дѣятельность“. Если и не всегда было такъ, то потому именно, поясняетъ авторъ, что носители власти церковной и государственной не всегда были проникнуты чистою идеею высокаго призванія Церкви въ мірѣ [1]).

Сказанное до сихъ поръ, повидимому, можетъ быть, въ извѣстномъ отношеніи формулировано приблизительно такъ. Православная Церковь въ Россіи составляетъ нравственно-духовную силу народа, необходимую для самаго существованія русскаго государства. Вслѣдствіе различія природы общеній церковнаго и государственнаго Церковь должна пользоваться самостоятельностью въ жизни и развитіи по своимъ принципамъ и законамъ. Государство же должно считать своею первою обязанностью, связывающею его со

---

[1]) Православное церковное право. Спб., 1897 г. Отд. V, гл. I, § 183.

всей прошлой исторіей, оказывать Церкви свои попечительныя заботы и предоставлять ей всѣ нужныя и соотвѣтствующія ея назначенію средства и способы къ выполненію ею своихъ вѣчныхъ задачъ, отнюдь не обращая Церковь въ орудіе какихъ-либо политическихъ цѣлей.

Поэтому должна быть отмѣнена 43 ст., т. I, ч. I, свода зак. 1892 года года гласящая: „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ею учрежденнаго". Статья эта вызываетъ много недоумѣній и затемняетъ принципъ церковнаго управленія. Церковное управленіе не должно исходить отъ государства или смѣшиваться съ государственнымъ. Оно приближается къ типу самоуправленій и въ немъ прежде всего должна обнаруживать свое дѣйствіе сама Церковь на основаніи своихъ собственныхъ началъ. Вопросъ можетъ идти лишь объ участіи государства въ церковномъ управленіи, поскольку оно пользуется земными условіями и средствами.

Верховная власть въ Россіи въ настоящее время сдѣлалась сложной. Кромѣ Государя Императора она выражается частью въ Государственной Думѣ, частью въ Государственномъ Совѣтѣ. Согласно 7-й ст. основныхъ законовъ, утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 года, „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой". Но оба эти высшія учрежденія внѣ вѣроисповѣднаго характера. Въ нихъ одинаково могутъ участвовать и лица иностранныхъ исповѣданій, и не христіане, и люди индиферентные къ дѣлу религіи, и даже открыто ни во что не вѣрующіе. Предоставить заботы о благѣ православной Церкви въ Россіи на усмотрѣніе такихъ людей было бы по меньшей мѣрѣ странно. Кромѣ того такія лица, какъ, напримѣръ, вѣрные католики или преданные своей религіи нехристіане, конечно, не будутъ питать хорошихъ чувствъ къ православію, именемъ котораго при отношеніяхъ къ нимъ нерѣдко прямо злоупотребляли. Что же касается людей индиферентныхъ или отрицающихъ религію, то по отношенію къ нимъ не мѣшаетъ вспомнить едва-ли не вполнѣ вѣрное замѣчаніе

одного изъ европейскихъ ученыхъ, что индиферентизмъ можетъ быть самой опасной формой враждебности къ религіи.

Чтобы выйти изъ такого крайне затруднительнаго положенія, казалось бы, можно разсуждать слѣдующимъ образомъ: Согласно 41-й ст. основныхъ законовъ, т. I, ч. 1, изданія 1892 года, оставшейся въ силѣ: „Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной". По другимъ статьямъ того же свода, верховная власть сосредоточивалась тогда въ одномъ лицѣ Государя. Поэтому изъ сопоставленія разныхъ статей ясно, что верховная власть въ Россіи должна быть непремѣнно православной. Насколько важно это условіе, хорошо видно, изъ разныхъ узаконеній, послужившихъ основаніемъ къ составленію разсматриваемой статьи свода законовъ. Еще въ манифестахъ Петра II отъ 7 мая 1727 года и Елизаветы Петровны отъ 28 ноября 1741 года прямо сказано, что никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ кто не греческаго закона или кто уже другую корону имѣетъ [1]).

Въ актѣ же о престонаслѣдіи Императора Павла I на случай, если бы права на русскій престолъ дошли до такого лица, которое царствуетъ на другомъ престолѣ и не принадлежитъ къ православному исповѣданію, постановлено, что лицо это вмѣстѣ съ своими наслѣдниками должно отречься отъ другой вѣры и престола и сдѣлаться православнымъ. При неисполненіи этого наслѣдованіе престола переходитъ къ слѣдующему по порядку лицу [2]).

Если же такимъ образомъ Дума и Совѣтъ не являются православными и 41 ст. не отмѣнена, то дѣла, касающіяся православной Церкви, можно считать не подлежащими вѣдѣнію Думы и Совѣта. На подобныя соображенія, намеки на которыя мнѣ часто приходилось слышать, едва-ли будутъ правильны. Не справедливѣе-ли будетъ, согласно новому государственному строю, признать, что участіе Государственнаго Совѣта и Государственной Думы въ дѣ-

---

[1]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. VII, № 5070 и т. XI, № 8476.
[2]) Актъ о престонаслѣдіи 5 апрѣля 1897 г. Тамъ же, т. XXIV, № 17910.

лахъ, касающихся православной Церкви, должно происходить вмѣстѣ съ какимъ-либо новымъ высшимъ учрежденіемъ, являющимся представителемъ интересовъ православной Церкви и въ достаточной степени гарантирующимъ ихъ соблюденіе. Такимъ учрежденіемъ по проекту нашего 1-го отдѣла долженъ быть періодическій соборъ русской Церкви, на которомъ участвуютъ клирики и міряне, и отчасти Святѣйшій Синодъ. Поэтому всѣ законы, касающіеся Церкви и исходящіе отъ Государственныхъ Думы или Совѣта, должны быть вносимы ими на обсужденіе ближайшаго періодическаго собора, или лишь въ случаѣ крайней спѣшности въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ они и разсматриваются. Если же законъ слишкомъ важенъ для интересовъ Церкви, то Святѣйшій Синодъ обязанъ созвать немедленно соборъ всей Церкви. Дальнѣйшее теченіе законы по дѣламъ церковнымъ могутъ имѣть мѣсто лишь послѣ принятія ихъ соборомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ Синодомъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ установить, что для законодательства по дѣламъ церковнымъ въ Думѣ и Совѣтѣ требуется согласіе или одобреніе Собора русской Церкви. Такой порядокъ, вполнѣ вытекающій изъ особаго положенія православной Церкви въ Россіи и ясной необходимости участія въ ея дѣлахъ лишь лицъ, къ ней принадлежащихъ, не будетъ противорѣчить и конституціоннымъ порядкамъ, встрѣчающимся въ Европѣ.

Въ такой странѣ, какъ Швеція, гдѣ въ общемъ можно признать существованіе территоріальной системы отношенія церкви и государства, закономъ ея конституціоннаго устройства, извѣстнаго подъ названіемъ „Формы правленія“, установлено, что для измѣненія и отмѣны церковныхъ законовъ Риксдагомъ, кромѣ согласія короля, необходимо еще и согласіе Генеральнаго Синода, т. е. учрежденія церковнаго характера.

Если мы не предполагаемъ разорвать особую историческую связь русскаго государства съ православной Церковью, то нельзя и говорить объ устраненіи изъ управленія ею участія и надзора со стороны государства. Такимъ органомъ долженъ остаться Оберъ-Прокуроръ съ опредѣленными пра-

вами. Необходимость этой должности вызывается и сохраненіемъ въ основныхъ законахъ 42-й ст. т. I ч. I изд. 1892 г., по которой Императоръ есть защитникъ Церкви и блюститель всякаго въ ней благочинія. Статья эта по существу соотвѣтствуетъ историческому положенію православной Церкви въ Россіи и можетъ требовать лишь нѣкотораго измѣненія въ редакціи и исправленія кое-какихъ не совсѣмъ удачныхъ выраженій. По Императору самому нѣтъ возможности близко входить во все церковное управленіе, отличающееся въ Россіи особенной сложностью и широтой, а необходимо имѣть довѣрное и уполномоченное отъ него лицо. Этимъ лицомъ и можетъ быть Оберъ-Прокуроръ, который, однако, не только въ интересахъ Церкви, но и самого государства, не долженъ входить въ составъ правительственнаго кабинета и зависѣть отъ его перемѣнъ. Какъ участникъ особой отрасли управленія, отличающейся отъ всѣхъ другихъ, Оберъ-Прокуроръ долженъ быть поставленъ въ непосредственную съ ней связь, а не черезъ кабинетъ, который можетъ находиться въ зависимости отъ причинъ, совершенно постороннихъ для дѣлъ церковныхъ. При новомъ церковномъ строѣ, когда въ русской Церкви предполагается первый епископъ, да еще, можетъ быть, съ званіемъ патріарха, который будетъ имѣть право непосредственныхъ сношеній съ Государемъ, опасаться возвращенія Оберъ-Прокурору прежняго значенія нѣтъ основаній, какъ однако думаютъ нѣкоторые. Значенію этому много способствовало учрежденіе въ 1817 году Министерства Духовныхъ Дѣлъ и какъ наслѣдіе его обращеніе Оберъ-Прокурора въ главноуправляющаго Вѣдомствомъ, когда ему было указано въ качествѣ представителя Вѣдомства участвовать въ Государственномъ Совѣтѣ. При новыхъ же условіяхъ Оберъ-Прокуроръ уже не явится Главноуправляющимъ Духовнымъ Вѣдомствомъ. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что сохраненіе въ церковномъ управленіи должности Оберъ-Прокурора въ качествѣ представителя государства необходимо во избѣжаніе передачи по примѣру европейскихъ конституціонныхъ странъ дѣлъ церковныхъ Министерству Духовныхъ Дѣлъ или Исповѣданій, образованіе котораго очень возможно теперь въ

Россіи. Распространеніе власти подобного Министерства на дѣла касающіяся Православной Церкви, сразу приравняло бы ее ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ и, безъ сомнѣнія, повторило бы всѣ тѣ неудобства, которыя она испытала въ царствованіе Александра I при Министерствѣ Духовныхъ Дѣлъ съ 1817 по 1824 года.

Указывая ранѣе на необходимость введенія на извѣстныхъ условіяхъ въ высшее церковное управленіе и его постоянный органъ Св. Синодъ мірянъ, я основываю ее, кромѣ прежде сказаннаго, и на требованіяхъ самого новаго государственнаго строя. При активномъ участіи въ церковномъ управленіи свѣтскіе члены могли бы близко войти въ кругъ его интересовъ и ясно понимать его задачи. Поэтому они могли бы явиться самыми подходящими представителями интересовъ Православной Церкви въ новыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ — Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Какъ избранники всего русскаго церковного общества на предполагаемыхъ періодическихъ соборахъ, они очень соотвѣтствовали бы самому типу новыхъ государственныхъ учрежденій. Исполнять же подобную роль, вызываемую потребностями времени, самому первому епископу или какимъ-либо другимъ епископамъ не возможно, да и едва-ли сами они рѣшатся принять ее на себя. Если же міряне въ высшее церковное управленіе допущены не будутъ, то на Оберъ-Прокурора и его Товарища придется возложить новыя сложныя обязанности по защитѣ церковныхъ интересовъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Многіе, повидимому, больше по недоразумѣнію или же по чувству контраста съ прежними порядками, стремятся чуть ли вовсе не уничтожить должность Оберъ-Прокурора и изгладить всякое о ней напоминаніе, какъ это видно, напримѣръ, изъ отзывовъ епархіальныхъ преосвященныхъ по вопросамъ реформы. Вмѣсто Оберъ-Прокурора они предлагаютъ по примѣрѣ Константинопольскаго патріархата ограничиться учрежденіемъ при первомъ епископѣ или Синодѣ должности особаго патріаршаго чиновника, при чемъ нѣкоторые требуютъ еще, чтобы онъ непремѣнно былъ изъ ду-

ховныхъ лицъ. Но вѣдь это значитъ совершенно не считаться ни съ положеніемъ Православной Церкви въ Россіи, ни съ историческими отношеніями между нею и государствомъ, ни съ новыми условіями жизни. У сторонниковъ подобныхъ предложеній по отношенію къ Россіи ясно выступаетъ уже чисто клерикальная точка зрѣнія, очень вредная и опасная въ виду современныхъ условій жизни, на что я уже обращалъ вниманіе въ своихъ прежнихъ докладахъ. Руководствоваться съ этомъ вопросѣ примѣромъ Константинопольскаго патріарха было бы по меньшей мѣрѣ странно. Развѣ управленіе дѣлами Православной Церкви въ Россіи таково же, какъ Константинопольскаго патріархата? Развѣ въ Россіи Церковь по отношенію къ государству въ такомъ же положеніи, какъ въ Турціи? Развѣ государственная власть въ Россіи подобная турецкой? Словомъ аналогіи здѣсь нѣтъ никакой. Кромѣ того черезъ какой же органъ въ такомъ случаѣ будутъ выражаться попеченіе и заботы о Православной Церкви со стороны государства? Если такимъ органомъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ права и обязанности Оберъ-Прокурора, сдѣлается самъ первый епископъ или патріархъ, то вѣдь это будетъ значить обратить патріарха въ высшаго государственнаго чиновника. Такое положеніе его не только можетъ нарушить правильность отношеній Церкви и государства и вести къ смѣщенію церковнаго и государственнаго, но и причинить большой вредъ для всѣхъ церковныхъ преобразованій. Одну изъ главныхъ ихъ задачъ составляетъ созданіе такихъ порядковъ, чтобы духовенство, особенно же высшая іерархія, возможно яснѣе выступала передъ сознаніемъ общества въ качествѣ служителей Божіихъ и всего менѣе въ качествѣ особыхъ духовныхъ чиновниковъ. Уже по одному этому соединеніе въ іерархіи обязанностей чисто духовныхъ и государственныхъ никакъ не допустимо.

Наконецъ, я снова обращаю вниманіе на отмѣченную выше важную активную роль византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ Православной Церкви, которая принадлежала имъ, конечно, не въ силу существованія у нихъ какой-либо особой церковной степени, а какъ главѣ христіанскаго народа, по тогдашнему воззрѣнію воплощавшему въ себѣ весь народъ.

Поэтому и относительно Россіи, особенно же тѣмъ, кто стремится къ подражанію Византіи, отнюдь не должно забывать указанную въ ней самой жизнью необходимость участія свѣтскаго начала въ дѣлахъ церковныхъ. Ссылаясь постоянно на Византію по вопросамъ церковнаго устройства и учрежденія патріарха, чтобы быть послѣдовательными, нельзя игнорировать и положеніе тамъ императора, какъ представителя народнаго начала. Но въ Россіи произошло измѣненіе въ значеніи императора, до сихъ поръ сосредоточивавшаго въ себѣ одномъ и участіе свѣтскаго начала въ дѣлахъ церковныхъ. Поэтому часть роли, принадлежавшей ранѣе императору, никакъ не можетъ быть передана іерархіи, а во многомъ должна перейти къ свѣтскимъ членамъ Церкви. Если при новомъ порядкѣ церковнаго управленія въ Россіи извѣстное активное участіе въ немъ мірянъ установлено не будетъ, то Оберъ-Прокурору кромѣ всего другого придется являться и представителемъ свѣтскаго начала въ церковномъ управленіи, а потому сохраненіе должности Оберъ-Прокурора, независимой отъ Синода и перваго епископа, необходимо и въ этомъ важномъ отношеніи...

Особое мнѣніе въ Первый Отдѣлъ Присутствія по вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи и о правахъ Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи.

На засѣданіи I-го Отдѣла 7 сего іюня большинствомъ членовъ были приняты пункты, долженствующіе опредѣлять отношеніе высшаго церковнаго правительства къ верховной государственной власти. Но въ пунктахъ этихъ, по моему мнѣнію, недостаточно ясно вообще выражено необходимое для нашего времени отношеніе Церкви и государства, а потому по многимъ вопросамъ они не могутъ служить руководствомъ и даже способны возбуждать недоумѣніе. Кромѣ того, въ нихъ обнаруживается, на мой взглядъ, стремленіе установить какія-то неопредѣленныя отношенія Церкви и государства, едва ли вполнѣ согласныя съ нашей исторіей.

Въ предлагаемой большинствомъ членовъ новой редакціи 42 ст., т. I ч. 1 изданія 1892 года, которая однако осталась въ силѣ и по законамъ 23 апрѣля 1906 г., роль православнаго императора по отношенію къ Церкви значительно сужена и сведена лишь къ защитѣ Церкви и охранѣ ея благоустройства. Между тѣмъ русскіе цари, которые до сихъ поръ были носителями верховной власти и субъектами всякаго правообразованія въ государствѣ, выступали относительно православной Церкви къ болѣе активной и положительной роли. Они являлись и попечителями о благѣ Церкви и, насколько могли, старались способствовать ея внутреннему росту и силѣ. Это не составляетъ лишь чисторусской особенности, но такъ было и въ Византіи въ эпоху Вселенскихъ соборовъ, когда очень ясно былъ слышенъ голосъ Вселенской Церкви и выражалось ея сознаніе. Попечительная и вполнѣ активная роль императоровъ была съ благодарностью признана Церковью и вошла въ практику ея жизни. Мало по малу византійскимъ императорамъ по отношенію къ Церкви было усвоено названіе епистимонарха (ἐπιστημονάρχης). Что это за названіе? По объясненію профессора П. С. Суворова, названіе это заимствовано изъ монастырской жизни. Оно означало надзирателя-будильщика, который ночью будилъ всю братію и настоятеля къ утреннему богослуженію, а во время богослуженія обходилъ кельи, чтобы спящихъ по лѣности привести въ храмъ, а днемъ слѣдилъ, чтобы монахи не сходились безъ причины для праздныхъ разговоровъ и напоминалъ имъ объ ихъ обязанностяхъ [1]). Подобно этому понимаетъ, повидимому, значеніе этого слова для императоровъ, наприм., и профессоръ Кургановъ, указывая, что подъ нимъ разумѣется верховный надзиратель и блюститель, какъ всего духовнаго сословія, такъ и вообще всѣхъ порядковъ церковныхъ [2]). Такимъ образомъ и самое названіе епистимонархъ свидѣтельствовало, что роль императоровъ вовсе не заключалась въ одной защитѣ и охранѣ Церкви. Если же участіе императоровъ въ

[1]) Учебникъ церковнаго права § 124. Москва, 1902 г.
[2]) Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской имперіи. Казань 1880 г.

Византіи и у насъ принимало иногда неправильный характеръ, то вѣдь это зависѣло отъ многихъ другихъ причинъ и нисколько еще не можетъ говорить противъ него по существу, а еще тѣмъ болѣе противъ участія въ церковномъ управленіи свѣтскаго начала вообще, представителемъ котораго обыкновенно и являлись императоры. Подобныя неправильности во многомъ объясняются недостаточно яснымъ сознаніемъ различія природы общенія церковнаго и государственнаго и ихъ смѣшеніемъ. Нужно строго различать смѣшеніе въ управленіи церковнаго и государственнаго и участіе въ немъ свѣтскаго элемента. Эти два явленія вовсе не совпадаютъ. Можно совершенно удалить изъ церковнаго управленія свѣтскій элементъ и однако слишкомъ смѣшивать церковное и государственное, какъ это мы видимъ въ римскомъ католицизмѣ, уже давно обратившемся въ церковь—государство. Важные недостатки современнаго церковнаго управленія выражаются въ томъ, что церковное начало во многомъ внѣшне подчинилось государственному, церковный порядокъ очень многими сторонами своей жизни слился съ государственнымъ, въ сферу церковную проникло преслѣдованіе цѣлей политическихъ, активное участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ вовсе устранено, а духовенство обратилось въ особаго рода чиновниковъ, и такой взглядъ на него, къ сожалѣнію, очень крѣпко укоренился въ обществѣ. Главной и чуть ли не единственной причиной всего этого немало людей склонны считать участіе въ церковномъ управленіи свѣтскаго начала и особенно Оберъ-Прокурора, а потому уничтоженіе этой должности или по меньшей мѣрѣ сведеніе ея къ minimum, лишь въ качествѣ терпимой необходимости, и сосредоточеніе всего управленія въ рукахъ высшей іерархіи, представляются первыми и самыми существенными вопросами церковныхъ преобразованій. Но если посмотрѣть на дѣло съ исторической точки зрѣнія, охватывающей и періодъ патріаршій, то многіе современные недостатки можно найти и при прежнемъ церковномъ строѣ, когда Оберъ-Прокурора еще не было. Самая же возможность слишкомъ сильнаго значенія этой должности во многомъ объясняется непормальностями самой церковной жизни, до-

ставшимися какъ наслѣдіе прежнихъ вѣковъ. Иначе, неужели для такого великаго историческаго явленія, какъ церковь, выдержавшаго эпоху ожесточенныхъ гоненій, достаточно одного внѣшняго возникновенія должности Оберъ-Прокурора, чтобы церковная жизнь пошла столь неправильно. Нѣтъ, причинъ этого нужно искать и помимо возросшаго значенія Оберъ-Прокурора. Бюрократическій элементъ въ церковномъ управленіи совершенно вытѣснилъ и даже изгладилъ мысль о необходимости и возможности привлеченія къ участію въ немъ элементовъ церковно-общественныхъ, а іерархія сама во многомъ пошла на службу началу государственному,— вотъ почва, подготовившая силою вещей особое положеніе Оберъ-Прокурора. Ее-то и нельзя упускать изъ виду. Если бы къ активному участію въ дѣлахъ церковныхъ уже давно были призваны на извѣстныхъ условіяхъ представители церковнаго общества, то Оберъ-Прокуроръ едва-ли могъ бы пріобрѣсти столь сильное вліяніе. Итакъ въ основаніе церковныхъ преобразованій нельзя класть уничтоженіе Оберъ-Прокурора, а еще тѣмъ болѣе—свѣтскаго начала вообще. При устраненіи всего этого для іерархіи прямо окажется невозможнымъ сосредоточивать въ себѣ одной все сложное современное церковное управленіе, хотя бы уже по одному тому, что она предназначена прежде всего къ высшему апостольскому служенію и чисто-пастырской дѣятельности. Сознательно и вполнѣ удовлетворяя потребностямъ времени выполнять то и другое не только крайне трудно, но и едва-ли полезно, на что мы находимъ указаніе даже въ жизни апостоловъ, одаренныхъ особыми, необычайными дарами благодати (Дѣянія VI, 2—4). Невозможность обойтись въ церковномъ управленіи безъ участія свѣтскаго элемента также не могла не оказывать вліянія на усиленіе значенія Оберъ-Прокурора. Главную задачу предстоящихъ преобразованій составляетъ устранить смѣшеніе церковнаго и государственнаго и ясно выставить передъ сознаніемъ общества роль духовенства въ качествѣ служителей Божіихъ, но вовсе не исключать или даже сводить къ чисто пассивной и отрицательной роли начало свѣтское. Всего полезнѣе было бы для современныхъ задачъ Церкви, какъ я уже обращалъ вни-

маніе предсоборнаго Присутствія, допустить во все церковное управленіе мірянъ на свойственныхъ имъ условіяхъ. Тогда устройство церковнаго управленія можно было бы конструировать иначе и ближе къ апостольской идеѣ Церкви. Но въ виду несогласія большинства на допущеніе мірянъ приходится пока довольствоваться возможно активнымъ участіемъ въ церковномъ управленіи свѣтскаго начала въ лицѣ главы государства и его уполномоченнаго. Если же отрицать возможность отмѣченнаго выше участія въ дѣлахъ церковныхъ православнаго императора, то вѣдь это значитъ отвергнуть всю ихъ историческую роль въ православной Церкви и склоняться къ проведенію чисто клерикальной точки зрѣнія, столь отличающей римскій католицизмъ. Поэтому при редакціи 42 ст. т. I, ч. 1, должна быть отмѣчена и положительная роль императора по отношенію къ Церкви въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ, какъ блюститель, попечитель и т. п. Нашими основными законами 41 ст., т. I ч. 1, изданія 1892 года, именно для сохраненія этой роли и требуется, чтобы русскій Императоръ непремѣнно былъ православнымъ. Вѣдь едва ли кто будетъ отрицать, что государство можетъ создавать благопріятныя внѣшнія условія для жизни Церкви и для ея положительной дѣятельности и что его участіе въ этомъ направленіи въ дѣлахъ церковныхъ противно интересамъ Православной Церкви. Но самъ Императоръ по своему положенію не имѣетъ возможности близко слѣдить за церковнымъ управленіемъ и принимать въ немъ должное участіе. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ объ его уполномоченномъ, каковымъ и можетъ явиться Оберъ-Прокуроръ. Поэтому не слѣдуетъ представлять себѣ роль Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи въ томъ видѣ, какъ это обозначено въ пунктѣ 9, по которому Оберъ-Прокуроръ, „не входя непосредственно въ теченіе и рѣшеніе дѣлъ, наблюдаетъ за согласіемъ постановленій и рѣшеній Синода съ требованіями закона, а при несогласіи обращаетъ на это вниманіе Синода и затѣмъ о своихъ наблюденіяхъ докладываетъ Его Величеству“. Роль Оберъ-Прокурора сведена здѣсь лишь къ наблюденію за согласіемъ постановленій Синода съ законами и донесенію о своихъ наблюденіяхъ

Государю. Черезъ кого же будетъ выражаться активное и попечительное участіе государства въ дѣлахъ Церкви? Если его сосредоточить въ самомъ Государѣ, то это оказалось бы невыполнимымъ. Кромѣ того, ограничивать роль Оберъ-Прокурора одними указанными наблюденіями не соотвѣтствуетъ сложившимся въ Россіи отношеніямъ Церкви и государства. Настаивать на этомъ значитъ въ скрытомъ видѣ устанавливать для православной Церкви иное положеніе, подобное, напримѣръ, существующему для иностранныхъ исповѣданій, которыя не составляютъ духовно-органической силы русскаго народа и опоры для благоденствія государства, какъ это признается относительно православной Церкви. При рѣшеніи дѣлъ въ Синодѣ Оберъ-Прокуроръ можетъ и не участвовать въ голосованіи, но ему должно быть предоставлено участіе въ обсужденіи дѣлъ совмѣстно съ Синодомъ, если даже свести его обязанности лишь къ наблюденію за согласіемъ постановленій съ законами. Несогласіе это и всякія другія неправильности должны быть выяснены при самомъ обсужденіи дѣлъ въ интересахъ самого церковнаго управленія и во избѣжаніе замедленія въ рѣшеніи дѣлъ. Какъ бы ни стараться ограничивать власть Оберъ-Прокурора, а ему уже въ силу его должности нельзя не предоставить право протеста, останавливающаго исполненіе постановленій Синода. Иначе протестъ, да и самое наблюденіе за согласіемъ съ законами можетъ потерять всякое значеніе, а постановленія, несогласованныя съ законами и общими порядками, могутъ вносить путаницу въ самое управленіе. При отрицаніи Синодомъ справедливости протеста Оберъ-Прокурора вопросъ можетъ идти на усмотрѣніе Государя.

Принятіе затѣмъ I Отдѣломъ пункта 10 едва-ли не подтверждаетъ, что обязанности Оберъ-Прокурора никакъ не могутъ сводиться къ указаннымъ въ пунктѣ 9. Здѣсь на Оберъ-Прокурора возлагается уже участіе „въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ въ обсужденіи и рѣшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ законодательнаго и исполнительнаго характера, подлежащихъ разсмотрѣнію сихъ установленій“. Прежде всего изъ пункта 10 не ясно, о какихъ установленіяхъ идетъ рѣчь. Повидимому,—о Со-

вѣтѣ Министровъ, Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Но въ такомъ случаѣ присвояемыя Оберъ-Прокурору обязанности могутъ относиться лишь къ Совѣту Министровъ, о чемъ и слѣдовало бы прямо сказать. Что же касается Думы и Совѣта, то принимать участіе въ рѣшеніи ими дѣлъ Оберъ-Прокуроръ не можетъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ положеній о Думѣ и Совѣтѣ и изъ 79 ст. новыхъ основныхъ законовъ, утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 г., если онъ не состоитъ членомъ этихъ учрежденій, а членовъ обоихъ учрежденій онъ уже во всякомъ случаѣ состоять не можетъ по ясному смыслу 61 ст. новыхъ основныхъ законовъ. Такимъ образомъ участіе Оберъ-Прокурора въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ можетъ сводиться лишь къ отстаиванію справедливости постановленій Синода и къ защитѣ интересовъ православной Церкви вообще. Но здѣсь то и возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Оберъ-Прокуроръ, не принимая активнаго участія въ церковномъ управленіи, можетъ явиться убѣжденнымъ защитникомъ интересовъ Церкви и постановленій Синода. А если, кромѣ того, Оберъ-Прокуроръ не согласенъ съ постановленіемъ Синода, то, вѣдь, это значитъ заставить Оберъ-Прокурора раздѣлиться въ самомъ себѣ, что вредно и не допустимо вообще и особенно въ дѣлахъ церковныхъ. Поэтому нужно остановиться на чемъ-нибудь одномъ: или признать Оберъ-Прокурора лишь какимъ-то внѣшнимъ наблюдателемъ за согласіемъ съ законами и тогда онъ не можетъ исполнять выдвигаемую современною жизнью новую важную роль въ церковномъ управленіи, или же, возлагая на него указанную защиту, необходимо предоставить ему достаточно активное участіе въ дѣлахъ церковныхъ.

Относительно пункта 8, по которому на соборахъ Русской Церкви присутствуетъ представитель Его Величества, если онъ самъ не будетъ лично, нельзя не повторить сказанное выше о невозможности для Государя самому близко входить во всѣ вопросы церковнаго управленія и дѣла Собора. Поэтому участіе на соборахъ уполномоченнаго Государя, знающаго церковныя дѣла, необходимо независимо отъ личнаго присутствія самого Государя.

По поводу пункта 1 нужно замѣтить, что указаніе о представленіи на благоусмотрѣніе Государя распоряженій Синода „руководственнаго характера“ вызываетъ недоумѣнія. Если подъ распоряженіями руководственнаго характера понимать, какъ это, повидимому, вытекало изъ объясненій, сдѣланныхъ въ I Отдѣлѣ, распоряженія, имѣющія характеръ временныхъ правилъ до пересмотра ихъ на періодическихъ соборахъ, то такъ и слѣдовало бы выразиться. Безъ этого же содержаніе разсматриваемаго пункта можетъ повести къ тому, что распоряженія Синода, утверждаемыя Государемъ, оттѣснятъ на второй планъ значеніе періодическихъ соборовъ, а это было бы очень нежелательно и подрывало бы соборность управленія. Подобно этому, очень не ясна и предлагаемая I Отдѣломъ новая редакція 43 ст. основныхъ законовъ, по которой въ отношеніи къ Православной Церкви самодержавная власть дѣйствуетъ въ согласіи съ ею признанными Соборомъ, Синодомъ и патріархомъ. Не касаясь многихъ другихъ недоумѣній, возбуждаемыхъ такой редакціей, нельзя, однако, здѣсь не высказать, что, если для дѣйствія самодержавной власти достаточно согласія каждаго отдѣльно, то этимъ создается очень удобная почва для возвышенія власти патріарха и возможности оттѣсненія на второй планъ значенія не только уже періодическаго Собора, но даже и Синода.

Пунктъ 2, по моему мнѣнію, является недостаточно согласованнымъ съ 7 ст. новыхъ основныхъ законовъ, по которой Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Думой, а также съ 44 и 50 ст. этихъ законовъ. Въ своемъ докладѣ I Отдѣлу я обращалъ вниманіе на необходимость введенія высшаго учрежденія по дѣламъ церковнымъ въ число другихъ высшихъ учрежденій, но, пока этого нѣтъ, всѣ вопросы церковнаго управленія, связанные съ законодательствомъ, должны проходить черезъ Думу и Совѣтъ. Изъ содержанія пункта 2 не видно, какимъ же образомъ они поступаютъ въ Думу и Совѣтъ и черезъ кого? Никакого общепринятаго порядка, въ виду предполагаемаго коренного измѣненія церковнаго строя, пока нѣтъ и его еще нужно установить.

Особенно неяснымъ представляется мнѣ пунктъ 3, по которому „Православная Церковь въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управляется свободно своими учрежденіями, подъ верховной защитой Государя Императора“. По отношенію къ кому употреблено слово „свободно“, и что оно здѣсь обозначаетъ? Если по отношенію къ государству и его представителю, то вѣдь это противорѣчило бы пункту 1, по которому Церковь издаетъ свои постановленія съ соизволенія государя, да кромѣ мысль объ этомъ исключаетъ прибавленіе выраженія „подъ верховной защитой государя“. Иначе выходило бы, что Церковь управляется свободно отъ государства подъ защитой главы государства. Нельзя затѣмъ предположить, что слово „свободно“ направлено противъ вмѣшательства иныхъ нецерковныхъ учрежденій, такъ какъ это разумѣется само собой и весь пунктъ былъ бы излишенъ. Остается думать, что здѣсь имѣется въ виду недопустимость активнаго участія все того же Оберъ-Прокурора и вообще свѣтскаго начала, и необходимость сосредоточенія всего управленія въ рукахъ іерархіи. Но вѣдь нельзя забывать, что въ Россіи между Церковью и государствомъ существуетъ особое отношеніе и церковное управленіе въ большей своей части тѣсно соприкасается съ церковно-государственнымъ. Поэтому исключеніе изъ него свѣтскаго элемента и особенно Оберъ-Прокурора, какъ представителя государства и свѣтскаго начала, практически невозможно, а принципіально едва ли и справедливо. Иначе выйдетъ, что государство должно предоставить церковному управленію всѣ полезныя и нужныя ему публичныя права и разнаго рода средства, а между тѣмъ оно будетъ совершаться одной духовной властью безъ достаточно активнаго участія представителей начала свѣтскаго и государственнаго. Не говоря уже о многихъ другихъ неудобствахъ, такое положеніе еще сильнѣе закрѣпитъ взглядъ на іерархію, какъ на чиновниковъ, и еще скорѣе можетъ повести къ смѣшенію церковнаго и государственнаго. А всего этого то какъ разъ и нужно особенно избѣгать по условіямъ времени и въ интересахъ всѣхъ церковныхъ преобразованій. Поэтому въ дополненіе къ тому, что уже было обсуждаемо въ I Отдѣлѣ по во-

просу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи, я считалъ бы своевременнымъ и необходимымъ обсудить и вопросъ о пожалованіи духовенству орденовъ. Это вовсе не простая мелочь, какъ можетъ казаться при недостаточномъ знакомствѣ съ окружающей жизнью. Она часто возбуждаетъ недоумѣніе въ обществѣ, а у нѣкоторыхъ даже соблазнъ отъ смѣшенія церковнаго съ государственнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, и такой наблюдатель жизни и преданный православной Церкви человѣкъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ [1]). Обычай пошенія духовенствомъ орденовъ, какъ извѣстно, введенъ со времени Императора Павла I. Дарованіемъ духовенству чисто мірскихъ знаковъ отличія въ видѣ орденовъ, звѣздъ, лентъ и т. п. или, по тогдашнему выраженію, кавалеріи, правительство естественно отмѣтило въ глазахъ общества дѣятельность духовенства, какъ служителей государства. Это видно даже и изъ самыхъ обстоятельствъ установленія этого обычая, который привелъ въ смущеніе очень многихъ. Въ числѣ смущенныхъ оказался и московскій митрополитъ Платонъ, считавшій пошеніе духовенствомъ орденовъ несоотвѣтствующимъ его назначенію [2]). Митрополитъ рѣшился даже донести въ такомъ духѣ государю и указать, что „новое архіереевъ кавалеріями пожалованіе принято почти отъ всѣхъ съ удивленіемъ и что оно можетъ дать случай къ разнымъ толкованіямъ“. Павелъ I выразилъ недовольство Платономъ, но однако сталъ спрашивать мнѣнія приближенныхъ о новомъ обычаѣ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе очень характерное поясненіе со стороны И. В. Лопухина, принятое и самимъ государемъ. И. В. Лопухинъ прямо отвѣтилъ государю, что „истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, не приличны. Но пріемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно, по его мнѣнію, употребляться могутъ такіе знаки отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно ду-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій. Спб. 1903 г., т. IV, отд. 1.
[2]) Письма Императора Павла къ митрополиту Платону (Русск. Архивъ).

ховными". „L' habit ne fait pas le moine", прибавилъ Лопухинъ [1]). „Правда твоя", сказалъ государь и такимъ образомъ раздѣлилъ мнѣніе Лопухина объ основаніяхъ пожалованія духовенству свѣтскихъ знаковъ отличія. И вотъ эти знаки духовенство стало носить даже во время совершенія богослуженія, поверхъ священныхъ облаченій, и часто передъ глазами молящихся какая-нибудь яркая орденская лента почти закрывала собой верхнюю часть архіерейскаго омофора, долженствующаго напоминать объ обязанности епископа спасать „заблудшее овча". Если, кромѣ того, имѣть въ виду, что, по принятому толкованію, наприм., архіерей во время служенія литургіи какъ бы изображаетъ собой самого Христа, а облаченія его представляютъ тотъ или иной символъ, то является совершенно непонятнымъ, какъ сюда могли войти орденскіе знаки и ленты и символомъ чего, свойственнаго личности Христа, могли они служить? Такъ продолжалось однако около ста лѣтъ и только сравнительно недавно въ послѣдней четверти XIX вѣка ношеніе орденовъ за богослуженіемъ было признано неудобнымъ и воспрещено. Но внѣ времени богослуженія ношеніе духовенствомъ мірскихъ знаковъ отличія и до сихъ поръ остается въ силѣ. Нерѣдко и въ наши дни можно видѣть, какъ на груди епископа или священника панагія, крестъ,—символы царства не отъ міра сего,—затмеваются блескомъ орденовъ, звѣздъ и яркостью кавалерскихъ лентъ,—символовъ царства міра сего. Все это слишкомъ замѣтно выдвигаетъ роль духовенства, какъ слугъ государства [2]). Поэтому отмѣна дарованія ему орденовъ вызывается, по моему мнѣнію, важной современной потребностью—способствовать измѣненію среди общества неправильныхъ взглядовъ на духовенство и прочно поставить передъ его сознаніемъ роль духовенства въ качествѣ служителей Божіихъ, что крайне необходимо для возвышенія пастырскаго его авторитета. Такимъ образомъ, I-му Отдѣлу, мнѣ кажется, теперь же должно бы разрѣшить и вопросъ,

---

[1]) Записки сенатора И. В. Лопухина.
[2]) П. Д. Кузнецовъ. Церковь, духовенство и общество, глава II. Москва 1905 г.

не слѣдуетъ ли ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ объ отмѣнѣ обычая пожалованія духовенству орденовъ?

Примѣчаніе: Въ добавленіи къ этому Особому Мнѣнію въ журналѣ засѣданія I Отдѣла 7 іюня 1906 г. напечатано:

Къ изложенному мнѣнію Н. Д. Кузнецова присоединились профессора: В. Несмѣловъ, А. Брилліантовъ, В. Завитневичъ и М. Машановъ [1]).

Замѣчанія въ Первомъ Отдѣлѣ Присутствія 5 іюня 1906 г. по вопросу объ отношеніи государственной власти къ собору.

Я признаю важнымъ вопросъ объ отношеніи государственной власти къ предстоящему всероссійскому Собору. Уклоняться отъ его рѣшенія не соотвѣтствовало бы поставленной нами задачѣ. Въ древнее время государственной власти принадлежало руководственное значеніе на соборахъ. Напримѣръ, Халкидонскій соборъ и назначенъ былъ вблизи Константинополя, чтобы удобнѣе было на немъ присутствовать Императору. Въ серединѣ, передъ оградою святѣйшаго алтаря, какъ сказано въ актахъ Собора, возсѣли „знатнѣйшіе и славнѣйшіе сановники и знаменитѣйшій Сенатъ“, которые, такимъ образомъ, заняли предсѣдательское мѣсто. Они, какъ видно изъ журналовъ засѣданій Собора, руководили и совѣщаніями [2]). Отношеніе же ихъ къ дѣламъ, разсматривавшимся на соборѣ, очень характерно выражено ими самими на XIV засѣданіи собора: „что нами присуждено, а святымъ соборомъ опредѣлено, да пребываетъ неизмѣннымъ“ [3]). Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что приговоръ свой объ осужденіи и отлученіи Александрійскаго епископа Діоскора—

---

[1]) Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 25.
[2]) Дѣяніе II Халкидон. Собора. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ т. III. Дѣяніе IV Халкид. Собора, т. IV.
[3]) XIII Дѣяніе Халкидонскаго Собора. Т. IV, стр. 145.

Халкидонскій Соборъ представилъ на усмотрѣніе императоровъ, при чемъ не считалъ, что императоръ, въ правѣ только утвердить его и привести въ исполненіе, а просилъ императоровъ и съ своей стороны разсмотрѣть все дѣло и уже потомъ одобрить приговоръ [1]). Въ дополненіе къ этому я могъ бы привести и другія справки въ томъ же направленіи изъ временъ Вселенскихъ Соборовъ. Вообще, нужно признать, что представители свѣтской власти принимали очень дѣятельное участіе на соборахъ и самыя постановленія ихъ получали силу лишь по утвержденіи императорами. Все это должно быть принято во вниманіе и относительно предстоящаго Собора—русской Церкви.

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 13 іюня 1906 г. по вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи.

Я протестую противъ сравненія положенія православной Церкви въ государствѣ съ другими религіозными обществами. Кромѣ того, по моему мнѣнію, здѣсь вообще недостаточно различаются два разныя понятія: внесеніе политической миссіи въ область Церкви и участіе въ ея управленіи начала свѣтскаго или представителя его — государства. Если свѣтское начало будетъ участвовать въ дѣлахъ Церкви, то это еще нисколько не будетъ подрывать ея самостоятельность. Представитель государства въ голосованіи при рѣшеніи дѣлъ въ Синодѣ можетъ и не участвовать, но ему во всякомъ случаѣ должна принадлежать болѣе активная роль въ церковномъ управленіи, чѣмъ предлагаютъ здѣсь. Онъ не можетъ, наприм., не принимать живого участія въ самомъ обсужденіи дѣлъ, и его нельзя лишить права протеста на постановленія Синода, при чемъ протестъ этотъ до разрѣшенія его тѣмъ или инымъ путемъ, конечно, долженъ останавливать приведеніе въ исполненіе постановленій Синода.

---

[1]) Посланіе Халкидонскаго Собора къ императорамъ Валентиніану и Маркіану. Дѣянія Вселен. Соборовъ. Т. III.

Далѣе, мы не разъ слышали здѣсь слово автономія, которымъ нѣкоторые хотятъ охарактеризовать долженствующія быть, по ихъ мнѣнію, отношенія между Церковью и государствомъ въ Россіи. Но я думаю, что по данному вопросу нельзя употреблять понятіе автономіи, да еще какой-то странной—половинчатой, какъ выразился въ прошлый разъ проф. Бердниковъ. Если можно говорить объ автономіи какой-либо части въ государствѣ, которая сама принадлежитъ къ его области и управляется по существу тѣми же законами, то нельзя пользоваться этимъ понятіемъ по отношенію къ Церкви. Вѣдь Церковь иной природы, чѣмъ государство, и слово автономія не только не разъяснятъ ихъ дѣйствительныя и желательныя отношенія, а скорѣе можетъ вести къ вредному смѣшенію церковнаго и государственнаго...

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствіи 13 іюня 1906 г. по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ связи съ съ вопросомъ о правахъ Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи.

Вопросъ объ установленіи обязанностей Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода въ церковномъ управленіи имѣетъ важное значеніе. Этимъ въ скрытомъ видѣ намѣчаются желательныя отношенія между Церковью и государствомъ въ Россіи. А при мысли о нихъ нужно помнить, что ходомъ всей исторіи отношенія Церкви и государства въ Россіи сложились своеобразнымъ образомъ, какъ ни въ одной другой странѣ. До сихъ поръ русское государство готово было, насколько могло, предоставлять православной Церкви всѣ нужныя ей земныя средства для болѣе удобнаго осуществленія ею своихъ цѣлей и въ этомъ направленіи оно постоянно обнаруживало попечительныя заботы объ интересахъ Церкви. Выраженіемъ этого, хотя и въ не совсѣмъ удачной редакціи, служитъ, напримѣръ, 42 ст. Основныхъ Законовъ т. I ч. 1, изданія 1892 г., сохраненная въ силѣ и по новымъ

Основнымъ Законамъ 23 апрѣля 1906 г. Православная же Церковь съ своей стороны дорожила русскимъ государствомъ за его сочувствіе задачамъ Церкви и какъ наиболѣе удобной средней для своего существованія, позволяющей ей сосредоточивать свои силы и энергію на высшей духовной дѣятельности и жизни, а не расточать ее на какую-либо внѣшнюю борьбу и добываніе нужныхъ земныхъ средствъ. Поэтому намъ нужно быть очень осторожными въ своихъ проектахъ, чтобы не способствовать измѣненію этихъ историческихъ отношеній въ какую-либо худшую сторону. Органомъ обнаруженія тѣхъ или иныхъ отношеній Церкви и государства во многомъ и предназначена служить должность Оберъ-Прокурора. Здѣсь мы слышимъ, что отношенія государства бывали неправильны; Оберъ-Прокуроры пріобрѣтали слишкомъ большое вліяніе и подчиняли себѣ высшую іерархію. Но вѣдь іерархія-то соглашалась на это! Да и происходимо все это не отъ того, чтобы государство ставило себѣ цѣлью поступать такъ, а лишь отъ не всегда умѣлаго участія его въ дѣлахъ церковныхъ и неяснаго различія природы общеній церковнаго и государственнаго, что иногда обнаруживалось вѣдь и у самой іерархіи. Судъ исторіи едва ли не признаетъ это неправильностью общею, какъ государства, такъ и іерархіи. Изъ того, что сегодня говорилось нѣкоторыми, можно подумать, что русское государство является чуть-ли не врагомъ православной Церкви, отъ котораго нужно оберегаться. Еслибы это было такъ, то, конечно, нечего стараться поддерживать между ними прежнія отношенія и даже слѣдовало бы идти въ противоположную сторону, въ направленіи раздѣленія. Но высказываемыя здѣсь соображенія основываются далеко не на вполнѣ безпристрастномъ обсужденіи дѣла. Указываемые печальные факты должны быть разсматриваемы лишь какъ злоупотребленія и могутъ свидѣтельствовать о необходимости тѣхъ или другихъ измѣненій въ устройствѣ церковнаго управленія, а вовсе не объ уничтоженіи попечительныхъ заботъ государства въ дѣлахъ церковныхъ или еще, тѣмъ болѣе, участія свѣтскаго начала вообще. Разрѣшать же столь важный вопросъ подъ вліяніемъ случавшихся злоупотребленій и скры-

тыхъ чувствъ недовольства, значитъ разсуждать односторонне, да и легко можно впасть въ противоположную крайность. Меня очень удивляетъ настаиваніе профессора Бердникова на необходимости руководствоваться въ нашихъ соображеніяхъ положеніемъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи и подчинять свои мысли тому, что высказано въ приводимыхъ имъ извѣстныхъ „Вопросахъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной Церкви“, выражающихъ,—по утвержденію г. Бердникова,—взгляды самого правительства Не будемъ забывать, что положеніе инославныхъ обществъ въ Россіи было совершенно иное, чѣмъ Церкви православной. Заботы объ ихъ внутреннемъ ростѣ и силѣ были чужды государству. Что же, мы хотимъ подобнаго отношенія и для православной Церкви? Кромѣ того, самые „Вопросы“ составлены, повидимому, крайне поспѣшно; они вызываютъ много недоумѣній и никакъ не могутъ быть положены въ основаніе въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій. Выражаютъ ли они голосъ правительства, какъ почему-то думаетъ г. Бердниковъ, или нѣтъ, — для насъ не имѣетъ значенія. Предсоборное Присутствіе призвано для обсужденія вопросовъ преобразованій согласно нуждамъ и потребностямъ Церкви, какъ оно само ихъ понимаетъ, а не подъ вліяніемъ какихъ-либо внѣшнихъ авторитетовъ. „Вопросы“, а затѣмъ и слышанныя здѣсь разсужденія, какъ я уже говорилъ и еще разъ прошу имѣть это въ виду, — смѣшиваютъ, по моему мнѣнію, два обстоятельства:— внесеніе въ область Церкви преслѣдованія цѣлей политическихъ и участіе въ церковномъ управленіи свѣтскаго начала или его представителя — государства. То и другое не совпадаетъ. Если первое нужно удалить, то ради этого нельзя добиваться устраненія второго и устройства управленія на основахъ клерикализма и сосредоточенія его въ рукахъ одной высшей іерархіи. Одинъ изъ членовъ Присутствія сейчасъ замѣтилъ, что русскіе Императоры относились къ православной Церкви почти такъ же, какъ наприм., къ католической. Но это уже прямое недоразумѣніе. Не буду говорить о фактахъ, а напомню хотя бы о 41-й ст. Основныхъ законовъ, изданія 1892 г., оставшейся въ силѣ и теперь, которая

требуетъ отъ Императоровъ принадлежности къ православію. Разныя узаконенія и историческія обстоятельства, послужившія основаніемъ къ составленію этой статьи, показываютъ, что она и вызвана стремленіями обезпечить для Церкви активное участіе со стороны государства. Если мы не имѣемъ въ виду разрывать исторически сложившіяся у насъ отношенія между Церковью и государствомъ, то нельзя устанавливать роль Оберъ-Прокурора лишь какъ внѣшняго наблюдателя за согласіемъ церковныхъ постановленій съ государственными законами, что предлагаетъ I Отдѣлъ въ разсматриваемомъ нами 9 пунктѣ. Подробнѣе я указываю на все это въ своемъ Особомъ мнѣніи, представленномъ Первому Отдѣлу 8-го іюня. Во всякомъ случаѣ, по-моему, совершенно неправильна попытка профессора А. И. Алмазова понимать роль Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи, какъ роль Оберъ-Прокурора въ Сенатѣ. Между той и другой сходство развѣ лишь въ одинаковыхъ названіяхъ, но задачи ихъ различны. Вообще, обнаруживаемыми здѣсь стремленіями свести роль Оберъ-Прокурора на „нѣтъ“, да еще при недопущеніи въ церковное управленіе представителей мірянъ, предсоборное Присутствіе можетъ стать на путь, опасный для всѣхъ будущихъ отношеній Церкви и государства въ Россіи, и на это я прошу обратить вниманіе...

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 14 іюня 1906 г. о роли Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи въ связи съ измѣненіемъ въ Россіи государственнаго строя.

Разсматриваемый нами сегодня 10-й пунктъ положеній, составленныхъ I Отдѣломъ, подтверждаетъ сказанное мной ранѣе о невозможности сводить роль Оберъ-Прокурора лишь къ внѣшнему наблюденію за согласіемъ съ законами. Теперь на Оберъ-Прокурора возлагается уже обязанность участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, касающихся Церкви, въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Только неясно, въ какихъ именно. Повидимому, нужно разумѣть новыя учрежденія—Совѣтъ Министровъ, Государственный Совѣтъ и Государственную Думу. Но тогда участіе въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ со стороны Оберъ-Прокурора возможно лишь въ Совѣтѣ Министровъ, о чемъ и слѣдовало бы сказать прямо. Что же касается Думы и Государственнаго Совѣта, то въ рѣшеніи ими дѣлъ Оберъ-Прокуроръ можетъ участвовать, какъ это видно изъ новыхъ основныхъ законовъ, если только онъ состоитъ членомъ этихъ высшихъ учрежденій, при чемъ членомъ ихъ обоихъ онъ уже во всякомъ случаѣ быть не можетъ. Поэтому, роль Оберъ-Прокурора по отношенію къ этимъ учрежденіямъ можетъ заключаться только въ защитѣ интересовъ Церкви и отставаніи справедливости церковныхъ постановленій. Но какимъ же образомъ лицо, занимающееся лишь какимъ-то внѣшнимъ наблюденіемъ за сохраненіемъ силы государственныхъ законовъ въ церковномъ управленіи, можетъ являться убѣжденнымъ защитникомъ интересовъ Церкви и постановленій Синода, особенно еще если оно не сочувствуетъ этимъ постановленіямъ? Вѣдь это значитъ заставить Оберъ-Прокурора раздѣлиться въ самомъ себѣ, что уже всего менѣе допустимо въ дѣлахъ, касающихся Церкви. Находить выходъ изъ этого затрудненія, какъ дѣлаетъ профессоръ Остроумовъ, указаніемъ на то, что Оберъ-Прокуроръ долженъ защищать интересы Церкви по повелѣнію Государя, нельзя.

Процессъ защиты чисто психологическій и обусловливается разными духовными причинами. Разъ образовавшееся внутреннее раздѣленіе не можетъ уничтожиться и по Высочайшему повелѣнію. Нѣтъ, и съ этой стороны, очевидно, что роль Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи должна быть иная и болѣе положительная, чѣмъ предлагаютъ многіе, стремящіеся преимущественно по одностороннему чувству недовольства прежними порядками отнять у ней всякое значеніе...

ОТДѢЛЪ IV.

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 18 мая 1906 года по вопросу о раздѣленіи духовно-учебныхъ школъ на пастырскія и общеобразовательныя.

Здѣсь возбуждается вопросъ о пастырскихъ школахъ, которыя многія предполагаютъ выдѣлить изъ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ. Но каковы будутъ задачи новыхъ школъ? Можетъ быть новыясненіи этого мы придемъ къ выводу, что никакого коренного раздѣленія въ духовно-учебныхъ школахъ производить не слѣдуетъ. Не касаясь всѣхъ сторонъ пастырской дѣятельности, нельзя однако не отмѣтить, что она должна состоять и въ умѣньѣ проповѣдывать христіанство окружающему обществу. Въ этомъ отношеніи ей необходимо всегда имѣть идеаломъ примѣръ святого апостола Павла. При посѣщеніи языческаго города Аѳинъ святой Павелъ не сталъ съ пренебреженіемъ отвергать все имъ встрѣчаемое, но своимъ взоромъ, проникнутымъ любовью къ людямъ, искалъ такого основанія, отъ котораго онъ могъ бы отправляться въ своей проповѣди, чтобы быть болѣе понятнымъ слушателямъ. Нужныя для начала проповѣди остатки добра и слѣды истины апостолъ и нашелъ въ видѣ алтаря съ надписью: невѣдомому Богу. Для пастыря необходимо возможно близкое знакомство съ окружающимъ обществомъ и умѣнье прислушиваться къ запросамъ его жизни. Въ нашемъ же обществѣ теперь очень сильно стремленіе къ распространенію образованія и къ культурѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ

этого слова и ради культурныхъ цѣлей много людей готовы жертвовать всѣмъ. На этой почвѣ среди современнаго общества воздвигнуто уже не мало алтарей невѣдомому Богу, и задача пастырей сумѣть заставить написать на нихъ имя Христа Спасителя. А для этого нужно понимать идеалы и потребности общества и знать то, что знаетъ общество. Пастырю нужно самому быть достаточно образованнымъ и въ извѣстной степени самому пріобщиться культурѣ. Поэтому въ наше время въ пастырскихъ школахъ нельзя сосредоточивать все преподаваніе на предметахъ церковныхъ, какъ проектируется нѣкоторыми и особенно въ отзывахъ епархіальныхъ преосвященныхъ, но необходимо возможно лучше поддерживать и общее образованіе. Такимъ образомъ въ отношеніи круга преподаваемыхъ предметовъ выдѣленіе пастырскихъ школъ едва-ли вызывается потребностями самого пастырства. Центръ же тяжести школьной реформы заключается въ упорядоченіи въ нихъ религіозной и воспитательной части и въ этомъ направленіи дѣйствительно нужно изыскивать подходящія мѣры. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что высшія духовно-учебныя заведенія, академіи, на которыя теперь такъ много нападокъ, необходимы въ ихъ существующемъ видѣ для переработки съ религіозной точки зрѣнія множества вопросовъ, въ изобиліи выдвигаемыхъ современной жизнью и наукой. Помимо обученія, академіи являются центрами, изъ которыхъ должны распространяться въ обществѣ христіанскія понятія, и черезъ это они становятся сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ для самой же пастырской дѣятельности. Въ теченіе двухъ лѣтъ мнѣ лично пришлось изучить академическій курсъ въ С.-Петербургской академіи и я до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю труды ея профессоровъ. Правда, я не искалъ въ академіи вѣры, но мое отношеніе къ христіанству, благодаря ей, значительно выиграло въ ясности и сознательности. А извѣстно, что настроеніе, проясненное мыслью, дѣлается гораздо тверже, и болѣе застрахованнымъ отъ разнаго рода антихристіанскяхъ вліяній. Теперь, при сильномъ оживленіи общественной жизни и увлеченіи русскаго общества одними политическими цѣлями, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо

всякими способами поддерживать въ немъ религіозныя идеи, а этому очень могутъ служить академіи съ возможно широкой постановкой въ нихъ преподаванія, а также труды ихъ профессоровъ и другихъ лицъ, желающихъ получить ученыя богословскія степени. Я думаю, что если бы поступающіе въ академіи почувствовали тамъ близкую связь съ окружающимъ обществомъ и живо поняли бы свои великія задачи въ немъ, то уже одно это много содѣйствовало бы къ приведенію академій въ болѣе нормальное положеніе и къ привлеченію большаго числа лицъ къ пастырскому служенію.

Наконецъ въ данный моментъ выдвигать вопросъ о раздѣленіи школъ на пастырскія и общеобразовательныя мнѣ представляется съ практической стороны очень опаснымъ для всего духовно-учебнаго дѣла. Будемъ имѣть въ виду, что теперь происходитъ перестройка формъ жизни и переоцѣнка общественныхъ цѣнностей, и вотъ, если предсоборное Присутствіе, а еще тѣмъ болѣе Соборъ, открыто признаютъ необходимость раздѣленія учебныхъ школъ на пастырскія и общеобразовательныя, въ которыхъ не будутъ преслѣдоваться прежде всего цѣли церковныя, то въ сознаніи общества эти общеобразовательныя школы легко могутъ потерять свой raison d'être. Для нихъ можетъ изсякнуть притокъ средствъ какъ изъ суммъ государственныхъ, такъ даже и церковныхъ, а безъ этого школы эти, конечно, погибнутъ. Поэтому, мнѣ кажется, всего безопаснѣе по крайней мѣрѣ, въ наше переходное время стремиться лишь къ нужнымъ преобразованіямъ школъ существующихъ. Иначе духовное вѣдомство можетъ потерять и часть того, что имѣетъ. Тогда, можетъ быть, придется и плакать, да будетъ уже поздно...

Послѣсловіе.

Уже изъ содержанія этой книги тѣмъ, кто пожелаетъ удѣлить ей нѣкоторую долю своего вниманія, едва ли не будетъ вполнѣ ясно, что вопросы, разсматриваемые въ предсоборномъ Присутствіи, какъ и вообще очень многіе церковные, имѣютъ важное общественное значеніе. То или другое ихъ рѣшеніе такъ или иначе, рано или поздно, не можетъ не оказать извѣстное вліяніе на общество и народъ. Не говоря уже о томъ, что измѣненіе церковнаго устройства и порядковъ должно отразиться на духовной жизни цѣлаго ряда поколѣній, такіе вопросы, какъ учрежденіе единоличной церковной власти въ лицѣ патріарха, допущеніе въ церковное управленіе представителей церковнаго общества и отношенія между Церковью и государствомъ, заключаютъ въ себѣ сѣмена для возможности тѣхъ или иныхъ явленій и въ государственной жизни Россіи. Каждый серьезный общественный дѣятель, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ, обязанъ прежде всего считаться съ потребностями и явленіями дѣйствительной человѣческой жизни и по возможности во всей ихъ широтѣ. Онъ отнюдь не долженъ игнорировать и разные церковные вопросы, выдвигаемые самой жизнью и у немалаго числа людей затрогивающіе наиболѣе глубокіе интересы души. Русскому обществу, которое теперь призвано къ сознательному и самостоятельному участію въ государственной жизни Россіи, и особенно лицамъ, выступающимъ въ немъ въ качествѣ общественныхъ дѣятелей, необходимо прислушиваться и къ тому, что обнаруживается въ трудахъ предсоборнаго Присутствія. Отдать себѣ въ этомъ ясный отчетъ слѣдуетъ уже съ той цѣлью, чтобы подгото-

вить свое сознаніе и къ тому, что будетъ происходить на ожидаемомъ Соборѣ Русской Церкви. Время, когда въ Россіи подавлялась всякая общественная инціатива и самодѣятельность, уже прошло. Оправдывать свою бездѣятельность и апатію указаніями, что за насъ дѣйствуютъ чиновники въ Петербургѣ и что насъ все равно не послушаютъ, уже нельзя. Поэтому теперь продолжать относиться ко всему носящему печать „церковнаго“ подъ вліяніемъ широко распространившагося религіознаго индиферентизма или обычнаго пассивнаго безразличія къ дѣламъ церковнымъ для многихъ будетъ значить прямо оказаться близорукими общественными дѣятелями. Вообще, если русское общество оставитъ безъ достаточнаго вниманія дѣло важныхъ церковныхъ преобразованій и въ то время не проявитъ въ немъ надлежащаго сознательнаго участія, то этимъ оно можетъ сдѣлать цѣлую историческую ошибку, которую впослѣдствіи трудно будетъ и поправить.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Стр.

Предисловіе 3
Особое присутствіе для разработки вопросовъ подлежащихъ разсмотрѣнію на Соборѣ Учрежденіе Присутствія, его составъ, порядокъ занятій и задачи 5

ОТДѢЛЪ I.

Вопросъ объ участіи духовенства и народа въ церковномъ управленіи.

Докладъ Первому Отдѣлу Присутствія 21 апрѣля 1906 г. объ устройствѣ высшаго церковнаго управленія и о необходимости введенія въ него представителей клира и народа 15
Особое мнѣніе въ общее собраніе Присутствія объ участіи клира и народа въ высшемъ церковномъ управленіи. 26
Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 5 мая 1906 г. по вопросу о раздѣленіи голосовъ на предстоящемъ Соборѣ на рѣшающіе и совѣщательные. 72
Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 12 мая 1906 г. по вопросу о выборахъ на Соборъ членовъ отъ клира и мірянъ 76
Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 1 іюня 1906 г. по вопросу о допущеніи клира и мірянъ въ постоянный органъ высшаго церковнаго управленія 79

ОТДѢЛЪ II.

Вопросъ о патріаршествѣ.

Докладъ I Отдѣлу Особаго Присутствія 3 мая 1906 г. объ устройствѣ высшаго церковнаго управленія въ связи съ вопросомъ о патріаршествѣ. 83
Рѣчь въ I Отдѣлѣ Присутствія 12 мая 1906 г. по вопросу о патріаршествѣ. 99
Особое мнѣніе въ общее собраніе Присутствія по вопросу о патріаршествѣ. 101

ОТДѢЛЪ III.

Вопросъ объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи.

Докладъ I Отдѣлу Присутствія 31 мая 1906 г. по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи 148

Стр.

Особое мнѣніе въ Первый Отдѣлъ Присутствія по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи и о правахъ Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи 187
Замѣчанія въ I Отдѣлѣ Присутствія 5 іюня 1906 г. по вопросу объ отношеніи государственной власти къ Собору 198
Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 13 іюня 1906 г. по вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи 199
Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 13 іюня 1906 г. по вопросу объ отношеніяхъ Церкви и государства въ связи съ вопросомъ о правахъ Оберъ-Прокурора 200
Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 14 іюня 1906 г. о роли Оберъ-Прокурора въ церковномъ управленіи въ связи съ измѣненіемъ въ Россіи государственнаго строя 204

ОТДѢЛЪ IV.

Рѣчь въ общемъ собраніи Присутствія 18 мая 1906 г. по вопросу о раздѣленіи духовно-учебныхъ школъ на пастырскія и общеобразовательныя. 206

ПОСЛѢСЛОВІЕ 209

Того же автора:

Церковь, Духовенство и Общество. Современная потребность живаго участія народа въ дѣлахъ церковныхъ въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ. Москва 1906 г. Ц. 20 к

Преобразованія въ Русской Церкви. Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва 1906 г. Ц. 75 коп.

Кромѣ того въ книжномъ магазинѣ И. К. Голубева подъ фирмою „Правовѣдѣніе“ продаются слѣдующія книги:

Передъ Церковнымъ Соборомъ. Сборникъ работъ членовъ Московской Коммиссіи по церковнымъ вопросамъ. Ц. 1 р. 35 к.

Добронравовъ Н. прот. Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые 10 вѣковъ христіанства. Ц. 20 к.

Мищенко Ф. Къ вопросу о составѣ предстоящаго собора Русской Церкви. Ц. 40 к.

Гиляровъ-Платоновъ Н. Вопросы вѣры и церкви. 1 и 2 т. Ц. 2 р. 55 к.

Къ Церковному Собору. Сборникъ статей отъ имени группы петербургскихъ священниковъ. Ц. 1 руб.

Н. П. Аксаковъ. Духа не угашайте. (Вопросъ о роли мірянъ въ Церкви.)

Религіозно-философская Библіотека.

Исканіе Бога. Сборникъ статей Огюста Николя, Гр. Сперанскаго и друг. Изд. 2. Ц. 25 к.

Вѣчная жизнь какъ высшее благо. Ц. 30 к.

Соціальное значеніе религіозной личности. Сборникъ ст. В. Соловьева, Спенсера, Достоевскаго и друг. Ц. 50 к.

Значеніе свободнаго слова для личности, общества и Церкви. Сборники ст. А. С. Хомякова, Аксакова, В. Соловьева. Ц. 20 к.

Альтруизмъ и христіанская любовь, Ц. 15 к.

Религія и нравственность. Сборники статей Л. Толстого, Кудрявцева и друг. Ц. 30 к.